

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ВЕСТНИК

Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

3 (22)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2014

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 3 (22), 2014
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (председатель);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*;
член-корр. РАН *В.В. Наумкин*; д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

Член-корр. РАН *С.А. Арутюнов*;
д.и.н. *М.М. Агларов*; д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*;
д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*; д.ф.н. *А.М. Готов*; д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*;
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (отв. секретарь); д.и.н. *А.Г. Кажаров*;
д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*; д.ф.н. *З.Х. Толгуров*; к.ф.н. *Л.Х. Махиева*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS

BULLETIN

of the Institute for the Humanities Research
of the KBSC of the RAS

3 (22)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2014

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
OF THE KBSC OF THE RAS**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 3 (22), 2014
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (*chairman*), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
R.M. Munchayev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *S.A. Arutyunov*;
Doctor of History *M.M. Aglarov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzeev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Candidate of Philology *D.M. Kumykova* (*exec. secretary*); Doctor of History *A.G. Kazharov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research
of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS
Ph.: 8(8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR RAS, 2014
Editorial board of the journal
«KBIHR RAS Bulletin» (drafter), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Дзуганов Т.А.</i> Черкесия в системе международной торговли в середине XVIII в.	7
<i>Кешева З.М.</i> Анзоровы в контексте переселенческой политики России на Кавказе в 30–50-х гг. XIX в.	12
<i>Волобуев О.В.</i> Освещение Кавказской войны в школьных курсах истории России	23
<i>Маремукова Э.В.</i> Кавказская раса	30

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Системный кризис малых территорий (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)	34
<i>Берберова Л.Б.</i> Методика воспитания альтруизма в личностно-ориентированной педагогике	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Абазова М.М.</i> Языковые средства выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции	55
<i>Хежева М.Р.</i> Роль чисел в адыгской языковой картине мира	59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Малкондуев Х.Х.</i> Песня о Мисирбии	66
<i>Хагожеева Л.С.</i> Мужская дружба в ценностных ориентациях черкесской феодальной знати (По материалам рыцарских рассказов и преданий)	75

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. СООБЩЕНИЯ

<i>Василий Верещагин.</i> Поездки в кавказские провинции 1864–1865 гг.	81
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Арутюнов С.А.</i> Три женских взгляда на адыгов и историю (обзор)	88
<i>Карпов Ю.Ю.</i> Два века отразилось в них... ..	96
Сведения об авторах	99

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Dzughanov T.A.</i> Circassia in the international trading system in the middle of the XVIII century	7
<i>Kesheva Z.M.</i> Anzorov's family in the context of migration policy in the Caucasus in Russia 30–50 th XIX century	12
<i>Volobuev O.V.</i> Covering of the subject of Caucasian War in the school courses in Russian history	23
<i>Maremkova E.V.</i> Caucasian race	30

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> Systems crisis of the small territories (On the data of the researches in Kabardino-Balkaria)	34
<i>Berberova L.B.</i> Methods of altruism upbringing in personality-centered education	49

LINGUISTICS

<i>Abazova M.M.</i> The language means of expression of denial in the spoken language of the circassian diaspora in the Turkey	55
<i>Hezheva M.R.</i> Role of numbers in the reflection adyghian language world picture	59

LITERARY CRITICISM

<i>Malkonduev H.H.</i> Song about Misirbi	66
<i>Hagozheeva L.S.</i> The masculine friendship and the solidarity in the valuables orientations of the circassian feudal nobility (On the data of the chivalrous stories and legends)	75

DOCUMENTS. MATERIALS. MESSAGES

Vasiliy Vereshagin. Voyage in caucasian provinces 1864–1865 years	81
---	----

REVIEWS

<i>Arutunov S.A.</i> Three women's view to Circassian people (review)	88
<i>Karpov Y.Y.</i> Two centuries reflected in them.	96
The authors of this issue	101

УДК 94(470.6)

Т.А. Дзуганов

ЧЕРКЕСИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

В статье анализируются масштабы и характер черноморского направления торговли Черкесии в 50-х гг. XVIII в. Устанавливается ее элитарный характер, ориентированный, в первую очередь, на удовлетворение потребностей высшей аристократии края в предметах роскоши. Такая ситуация не способствовала росту экономики Черкесии, являясь скорее сдерживающим фактором. Отмечается, что подобное положение вещей оказало негативное влияние на развитие товарно-денежных отношений в Черкесии. Делается вывод, что причиной подобного явления стало нежелание и неспособность Оттоманской империи, сюзерена Черкесии, способствовать государственными мерами ее экономическому развитию. Это обстоятельство обусловило наращивание торговых отношений черкесов с Россией.

Ключевые слова: Черкесия, Тамань, Черноморская торговля, Пейсонель, консул, торговые интересы, импорт, экспорт, товары первой необходимости.

История черкесской торговли середины XVIII в. является одной из наименее изученных проблем в современном кавказоведении. Такое положение вещей стало следствием зависимости отечественной науки от политических конъюнктур, а также скудостью сохранившихся источников. Вместе с тем в последние десятилетия наметились определенные положительные тенденции в рассматривании данного вопроса. Это, в свою очередь, обусловило необходимость тщательного изучения имеющейся источниковой базы, совершенствования методик ее анализа. В этой связи особенно важное значение приобретают данные французского торгового консула Карла Пейсонеля¹, являющиеся наиболее информативным источником по торговле черкесов того исторического периода.

По свидетельству источников, уже к началу XVIII в. черкесы имели регулярные торговые отношения не только с соседними народами Кавказа, но и с Крымским ханством, Турцией, Персией и Россией. Особенно важным рынком сбыта для черкесских товаров являлась Астрахань, где на них сохранялся традиционно большой спрос. С.И. Плещеев, засвидетельствовавший этот факт, отмечал: «...главнейшие же произведения этой Кавказской области суть мёд, воск, лисьи и куньи меха, бычачьи и выдровые кожи, овчины, шерсть, самшитовый и ореховый лес и разные фрукты»². Постоянным спросом пользовались лошади черкесской (кабардинской) породы, отличавшиеся особенной статью, исключительной выносливостью и неприхотливостью³.

Черноморское направление торговли в этот период было ориентировано в основном на Турцию, Крымское ханство и некоторые западные державы, допущенные Портой для ведения коммерческих операций в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа (Франция, Великобритания, несколько

позднее – Голландия). Крупнейшими центрами этой торговли традиционно являлись Кафа, Тамань и Бахчисарай.

Еще к концу XVII столетия только Великобритания⁴ и Нидерланды были допущены Оттоманской империей для торговли на Черном море. Франция главным образом заботилась о своей Левантийской торговле⁵. В то же время, заинтересованная в её развитии, старалась не упускать из виду и Черноморский регион.

Для европейских торговых компаний определенные трудности представляло нежелание Турции допускать в Черноморский бассейн иностранные корабли. Таким образом турки старались оградить Черное море, которое они считали своим внутренним, от проникновения кораблей иностранных держав. Товары могли доставляться только на специально нанятых для этого турецких кораблях, ходящих под флагом Великобритании, и позднее Нидерландов. Главными предметами вывоза служили продукты скотоводства, пчеловодства и охоты. Уже к 50-м гг. XVIII в. из Черкесии через Тамань и Кафу вывозились до ста тысяч центнеров овечьей шерсти, сто тысяч кусков сукна (чекмени), от пяти до шести тысяч шитых чекменей; до шестидесяти тысяч суконных портков (шальвар), двести тысяч бурок, от пяти до шести тысяч бычьих кож, около шести тысяч центнеров хорошего меду, пятьдесят тысяч кунных шкур, сто тысяч лисьих, три тысячи медвежьих и пятьсот тысяч овечьих⁶.

Как уже говорилось выше, особенный интерес для ученых-кавказоведов представляет «Трактат о торговле на Черном море» Карла Пейсонеля, опубликованный в 1878 г. В нем «подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне»⁷. Данные, содержащиеся в этой работе, до сих пор являются важнейшим источником информации для всех исследователей, занимающихся историей Черкесии второй половины XVIII в. Эти сведения представляют исключительную ценность, так как никакой другой источник XVIII в. не дает подобного материала, и заслуживают безусловного доверия; они основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, взимаемых в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана.

Данные, отображающие состояние черкесской торговли, Пейсонель расположил в виде специальной таблицы – росписи товаров, снабдив их необходимыми комментариями. В ней представлено около 80 наименований товаров, ежегодно ввозимых в Черкесию и 25 – экспортируемых. Импорт условно можно разделить на товары для знати, ремесленников и простолюдин, причем удельный вес последней категории ничтожно мал.

Перечень импортируемой в Черкесию продукции открывает мануфактура. Всего присутствует 18 наименований полуфабрикатов и готовой продукции, преимущественно ситец, тафта, шелк. Подробно указан список изделий: одеяла, простыни, передники, пояса и проч. Обращает на себя внимание скромный ассортимент и относительно небольшие объемы этих поставок. Так, материи из Бруссы ввозилось всего 200 штук, а шелка из Магнезии – около 7 тыс. кусков, одеял – до 500 штук в год. Купальных простынь – до 600 штук, матерчатых поясов из Гербо – 400, 1000 кусков дюльбента или кисеи для женских покрывал⁸.

Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию ясно указывают на конечного потребителя – аристократическую элиту страны. То же самое можно сказать и о большинстве других товаров, импортируемых через черноморские порты Черкесии в 50-х гг. XVIII столетия. Их конечным адресатом могла выступать только верхушка аристократии страны. Именно на удовлетворение ее потребностей в роскоши и была ориентирована черноморская импортная торговля.

Трудно себе представить, что такой специфический и дорогой товар, как 3–4 тыс. фесок из Франции и Туниса, ежегодно ввозимых в Черкесию, по данным Пейсонеля, пользовались спросом у местных крестьян и мелкой аристократии. Можно предположить, что число состоятельных клиентов, готовых ежегодно потреблять такое количество дорогих товаров, не превышало 3–4 тыс. человек (и это с учетом кубанских ногайцев).

В перечне, приводимом Пейсонелем, присутствует только один товар, который мог быть востребован исключительно в сельском хозяйстве, – это германские косы, которых ежегодно ввозилось до 35 тыс.⁹ штук.

Если бокассины (бумажные крашенные ткани), импорт которых в Черкесию не прерывался с XII в., традиционно приобретались не только зажиточным крестьянством, но и мелкой знатью, то ружейные стволы, порох, крымские луки и прочий дорогостоящий импорт был явно рассчитан на более богатых клиентов.

Кроме того, Черкесия ежегодно импортировала: до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар катир (обувь); от 2 до 3 тыс. седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; от 2 до 3 тыс. тебенков (часть упряжи, покрывающая бока лошади); 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных уди¹⁰ и т.д.

Сандаловое дерево, ладан, кофе, маслины¹¹ также можно отнести к предметам роскоши. И если табак, ввозимый в Черкесию в это период, еще можно признать товаром, востребованным разными социальными слоями, то дорогой крымский сафьян, мыло из Смирны, высокие сорта бумаги не оставляют сомнений в социальном статусе своего конечного потребителя.

Объемы импортируемых товаров позволяют относительно точно установить численный состав покупателей и подтверждают наше предположение о 3–4 тыс. наиболее платежеспособных клиентах из числа высшей аристократии.

Существенная разница между объемами ввозимого сырья и готовой продукции (12 – сырье и полуфабрикаты, 6 – готовая продукция)¹² свидетельствует о том, что черкесская аристократия в этот период предпочитала одеваться в одежду, изготовленную местными производителями из импортных, более высококачественных материалов, но в соответствии с национальными канонами моды и практичности.

Сложившееся в Черкесии разделение труда в домашнем производстве отводило женщинам исключительную роль в изготовлении одежды, разнообразной утвари и большинства предметов первой необходимости¹³. Академик Паллас, посетивший Черкесию в конце XVIII в., отмечал, что их еще с детства приучают вязать, плести позументы, шить платья¹⁴. По свидетельству Дюбуа де Монпере, женщины в каждой черкесской семье были заняты изготовлением большинства предметов первой необходимости¹⁵. Следовательно, можно утверждать, что все сырье и полуфабрикаты попадали в руки черкесских мастериц и именно они формировали ассортимент и объемы импорта в Черкесию.

Большую статью импорта составляла косметика. Ежегодно в Черкесию ввозилось от 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен¹⁶. Это составляет, примерно, от 250 до 350 кг. Пейсонель утверждает, что «все местные женщины: черкесские, абазские и кубанских ногайцев – употребляют их (румяна и белила) в большом количестве», тем не менее эти его данные вызывают определенные сомнения. Черкешенки, абазинки и ногайки, о которых говорит автор, в XVIII в. еще не имели такой устойчивой традиции. Косметика использовалась ими в случаях крупных народных или семейных праздников. По крайней мере, свидетельствами обратного мы на сегодняшний день не располагаем. Упоминания об использовании черкешенками косметики в этот период встречаются крайне редко.

Это сообщение французского консула отчасти подтверждают некоторые данные этнографии. Учеными зафиксирована довольно интересная традиция,

имеющая отношение к черкесским народным играм, продолжавшая встречаться у бжедуг еще в начале XX в. Речь идет о выборе «королевы красоты» на народных празднествах. По словам Б. Бгажнокова, «не случайно, чтобы зрителей не ввел в заблуждение макияж (пудра, румяна, подведенные сурьмой брови), девушек заставляли умыться. Судя по сообщениям информаторов, в начале XX в. у бжедуг это был едва ли не обязательный компонент рассматриваемой церемонии»¹⁷. События, о которых поведали информаторы, относятся к 1914 г. и подтверждают вероятность использования черкешенками косметики в дни больших народных празднеств и в более ранний период. К тому же, не позже XVIII столетия среди черкесов распространяются присказки и поговорки, посвященные косметике и ее чрезмерному употреблению, – «краснощекая (румяная, нарумяненная), словно анатолийская лисица (имея в виду турецких модниц)», «глаза сверкают, словно анатолийская сурьма» и др. В них содержится ясный намек на турецкую косметику, о ввозе которой и сообщает французский консул. Мы располагаем косвенными данными о поставках французской косметической продукции в Черкесию и тремя десятилетиями позже того времени, когда Пейсонель находился в Крыму. Так, парижская *Gazette De France* в октябре 1887 г. сообщала на своих страницах о принятии Декрета Двора от 20 сентября 1887 г. о запрете на производство и экспорт в Черкесию грима (румян, губной помады). Они были признаны вредными для здоровья¹⁸. Этот документ свидетельствует о поставках косметики из Франции в Черкесию в промышленных объемах. Участие Двора в столь щекотливом вопросе должно говорить о степени важности этого вида торговли для французских коммерсантов.

Подводя общие итоги, можно отметить, что экономика Черкесии к началу XVIII в. являла собой сложную и противоречивую в своей неоднородности структуру. В силу ряда политических факторов она оказалась заложницей противостояния извечных антагонистов – России и Турции. Экономические интересы, как «объективные мотивы деятельности людей, отражающие их место в системе общественного производства», в масштабе Черкесии не получили своего четкого оформления. То есть, совокупность побудительных мотивов разных слоев черкесского общества, лежащая в области экономической, как таковая к XVIII в. не сложилась.

Ответственность за подобное положение вещей в большей степени лежит на правительстве Османской Порты, контролировавшем в этот период все торговые операции на Черноморском побережье Кавказа. Турция не желала, а потому и не смогла предпринять действенных мер для развития экономической ситуации в Черкесии, номинально являвшейся ее вассалом. Не обладая необходимыми ресурсами и временем для интеграции Черкесии в общеимперскую экономику, Диван ограничил свои действия сбором пошлин и контролем над торговлей по Кавказскому побережью Черного моря. Практически, кавказский рынок был отдан на откуп мелким торговцам и редким представителям европейской коммерции. И несмотря на обороты, по подсчетам И.Н. Клингена, общий объем внешней торговли Черкесии только через Тамань в указанный период достигал 1600 тыс. рублей серебром по ценам того времени¹⁹, черноморское направление торговли черкесов являло собой картину стагнирующего рынка.

Примечания

1. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (Далее АБКНН) / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

2. Плещеев С.И. Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1793. С. 179.

3. Ровинский Н. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 420.
4. Английская Левантийская, или иначе Турецкая компания была основана в 1581 г.
5. Уляницкий В. Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. М., 1883. С. 20.
6. Пейсонель К. АБКИЕА. С. 180.
7. Гарданов В.К. АБКИЕА. С. 180.
8. АБКИЕА. С. 192.
9. АБКИЕА. С. 195.
10. АБКИЕА. С. 194.
11. АБКИЕА. С. 194.
12. АБКИЕА. С. 192.
13. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 105.
14. Паллас. АБКИЕА. С. 222–223.
15. Dubois de Montpereux, Voyages du Caucase, chez les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Paris, 1883.
16. АБКИЕА. С. 194.
17. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 266.
18. Gazette De France. Paris, 1887. № 85.
19. Клингген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.

T.A. Dzuganov

**CIRCASSIA IN THE INTERNATIONAL
TRADING SYSTEM IN THE MIDDLE
OF THE XVIII CENTURY**

The article examines the extent and nature of the Black Sea direction of the trade in Circassia in the 50s of the XVIII century. The is setting its elitist character-oriented, primarily to meet the needs of the high aristocracy of region in luxury goods. It is noted that a similar situation had a negative impact on the development of commodity – money relations in Circassia. This situation is not conducive to economic growth Circassia, being rather negative factor. It is noted that a similar situation had a negative impact on the development of commodity – money relations in Circassia. It is concluded that the cause of this phenomenon was the unwillingness and inability of the Ottoman Empire, the suzerain of Circassia, to help to the algovernment measures to promote its economic development. This fact led to increasing trade relations with the Circassians of Russia.

Keywords: Circassia, Taman, Black Sea trade, Peysonel consul, commercial interests, import, export, essential commodities.

З.М. Кешева

АНЗОРОВЫ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В 30–50-х гг. XIX в.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с участием представителей фамилии Анзоровых в переселенческой политике России на Кавказе в 30–50-х гг. XIX в. Выявлено, что переселенческая политика России на Кавказе в данный период была достаточно жесткой. Особенностью земельных споров 30–50-х гг. XIX в. был их тотальный характер, охвативший прямо или косвенно все слои общества. Главные их участники – князья и уорки, претендуя на право владения теми или иными земельными участками, были лишены одного из главных компонентов традиционной земельной собственности – политической власти.

Ключевые слова: Кавказская война, Кабарда, Анзоровы, переселенческая политика, прокламации Ермолова, Военно-Грузинская дорога.

Широкая полоса российской колонизации в Центральном Предкавказье в конце XVIII в. началась с кабардинских земель. Здесь за короткий срок появились новые станицы и укрепления, получившие название Кабардинской линии. Это военные укрепления: Черекское, Чегемское, Мечетское, Пришибское, Урухское, Баксанское, Урванское, Екатериноградское. Они вошли в состав Кавказской линии, строительство которой началось еще при Петре I. Кабардинская линия, отрезая у кабардинцев равнинные земли и степные пастбища, служила одним из главных средств укрепления власти царизма в Кабарде.

Установление российской власти привело к мощному миграционному потоку из Кабарды. Многие владельцы со своими крестьянами ушли в район Западной Черкесии и в Чечню. Кабардинским князьям и уоркам, которые хотели вернуться домой, была обещана неприкосновенность земель и собственности, достоинства и званий, с предоставлением владельцам «прежних прав над холопами», запрещая только лишать их жизни. Зависимые крестьяне, не поддержавшие своих покинувших Кабарду владельцев, были освобождены от крепостной зависимости. В 20-х гг. XIX в. из этой категории вольноотпущенников был создан новый населенный пункт возле крепости Нальчик с символичным названием Вольный Аул.

В 30–50-е гг. XIX в. царская администрация проводила в Кабарде важные административно-территориальные преобразования. Они связаны с усилением военных действий против имама Шамиля в Западной Черкесии, а также с участием России в Крымской войне 1853–1856 гг. За счет земель, отобранных у кабардинских князей и уорков, переселившихся в другие регионы, было образовано несколько новых населенных пунктов, расширялась сеть казачьих станиц, укреплений и постов. Недовольная часть кабардинцев продолжала выселяться за Кубань и в Османскую империю.

В данной статье рассматривается история семьи Анзоровых, которая является одной из наиболее показательных в плане анализа переселенческой политики, проводимой царским правительством в отношении кабардинцев. Представители этой фамилии были на службе в царской армии, и их аулы переселяли в стратегических целях. Другие представители Анзоровых, длительное время сохранявшие лояльность Российскому правительству, в 1846 г. примкнули к

движению имама Шамиля, и, согласно прокламаций Ермолова 1822 г., были лишены принадлежавших им земель и имущества.

Генеалогия Анзоровых восходит к первопредку Генардуку. От его сыновей, Коголко и Анзора, образовались соответственно роды Коголкиных и Анзоровых, которые являлись тлекогтлешами князей Талустановых и Джилястановых. Они обладали значительными территориями в районе рек Сунжа, Терек, Урух, Лескен. В архивных документах встречаются названия земель: Онзореева Кабарда, Созорукины Кабаки (Барокины земли). В середине XVIII в. часть Анзоровых, проживавшая в районе р. Сунжа, перешла на жительство в вершину реки Урух. Здесь поселения Анзоровых находились до эпидемии чумы (1804–1806).

Анзоров Хату (1802–1856) происходил из кабардинских уорков (дворян) 1-й степени (тлекогтлеш). Военная карьера Хату Анзорова складывалась весьма удачно. В 1830 г. он поступил оруженосцем лейб-гвардии Кавказско-Горского полужэскадрона собственного Его Императорского Величества конвоя, приобрел чин юнкера; в 1832 г. Хату Анзоров участвовал в Польской военной кампании 1830–1831 гг. В 1834 г. он был произведен в корнеты, в 1838 г. – в поручики. В 1840 г. был прикомандирован к Владикавказскому казачьему полку (станция Ардонская). В 1844 г. произведен в штабс-ротмистры, в 1845 г. – в ротмистры. В том же году Хату Анзоров был назначен командиром лейб-гвардии Кавказско-Горского полужэскадрона. В 1848 г. произведен в полковники, в 1855 г. – в генерал-майоры. Награжден знаком отличия Военного ордена под № 63737 (1831), знаком польского ордена «За военные достоинства» 5-й степени (1831), золотой медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» для ношения на шее, серебряной медалью «За взятие приступом Варшавы» (1831). За боевое отличие награжден орденом Св. Анны 2-й степени «с императорской короной»¹.

На службе при дворе императора Хату Анзоров находился до 1855 г. В этот промежуток времени на его родине произошли важные изменения. Имам Чечни и Дагестана Шамиль в апреле 1846 г. совершил поход на Кабарду и, в частности, полностью сжег аул Анзорова. Получив значительный отпор, имам со своим войском покинул Кабарду, но часть князей и уорков перешла на его сторону. Среди них находился двоюродный брат Хату Анзорова Магомет-Мирза Анзоров.

Магомет-Мирза Анзоров – (Магомет-Мирза, Мухаммад-Мырза) (1809–1851), поручик (по другим данным – подпоручик к 1843 г.), кабардинский уорк 1-й степени (тлекогтлеш). Был взят в аманаты при покорении Кабарды в 1822 г.

В 1840 г. он в чине прапорщика являлся членом Кабардинского временного суда. Например, в рапорте исправляющего должность пристава Малой Кабарды подпоручика Абаева командующему Кабардинской линией полковнику Пирятинскому, свидетельствующем о побеге в Чечню Ибрагима Кушхабиева, от 10 июня 1834 г. отмечено: «Но Кушхабиевы, осведомясь о сем и во избежание наказания, тотчас учинили побег в Чечню, где и поныне находятся отец и брат сказанного Ибрагима Кушхабиева. А сей последний прибыл в Кабарду на злодеяния, однако, не достигнув до предпринятого им намерения, был схвачен узденем Большой Кабарды Магомет-Мирзою Анзоровым и представлен в крепость Нальчикскую»².

* Институт аманатства существовал на Северном Кавказе на протяжении длительного времени. Договаривающиеся стороны обменивались почетными заложниками. Обычно это были наследники владетелей, становившиеся надежными гарантами соблюдения договора. В отношениях между Россией и народами Северного Кавказа – адыгами, вайнахами, дагестанцами – институт аманатства с конца XVI в. вплоть до окончания Кавказской войны (1763–1864) обеспечивал определенную степень лояльности владетелей последних. Он был призван гарантировать российские власти от участия черкесских, дагестанских и вайнахских владетелей во враждебных России военно-политических союзах и акциях. Их вероятность, в силу специфики региона, где пересекались геополитические интересы России, Ирана, Османской империи и Крымского ханства, была весьма велика. Кроме того, интересы собственной независимости нередко толкали адыгских князей и дагестанских владетелей на вооруженное противостояние политике России на Кавказе).

В 1844 г. Магомет-Мирза был членом депутации кабардинцев в Санкт-Петербург для принесения благодарности императору Николаю I за пожалованное Кабардинскому народу знамя. В «Именном списке депутатов, отправляемых в Петербург по Высочайшему соизволению с отметкой о мере преданности к Российскому Правительству и качествах каждого из них» содержится характеристика Магомет-Мирзы Анзорова: «Первый наездник по всей Кабарде, воспитанный покойным Хаджи Астемировым он сначала позволял себе некоторые отступления от правил, которые ему были внушены аталыком (воспитателем), но с того времени, как Астемиров, падший впоследствии при нападении на Моздок жертвой преданности к России, привел ко мне, ручаясь за будущее поведение его, Анзоров сдержал данное за него обещание и во всяком случае выказывал рвение и послушание примириться, невзирая на прежние взгляды, ни на угрозы в мщении, когда дело шло о доставлении абреков. Богатство и удалство, которыми он известен преимущественно перед другими узденями не только в Кабарде, но и между всеми горскими племенами, доставили ему в народе значение, ставящие его наряду с князьями»³.

Показательно, что получив от царской администрации знак «За усердие и преданность правительству» в начале 1846 г., 18 апреля того же года он перешел на сторону имама Шамиля, став его наибом* в округе Гехи в Малой Чечне.

4 марта 1849 г. Магомет-Мирза был назначен мудиром (генерал-губернатором) в Малой Чечне. 19 июня 1851 г. Магомет-Мирза Анзоров умер от полученных во время набега на Сунженскую линию ран в бою с отрядом генерала Слепцова.

Выдвигается ряд версий, почему Магомет-Мирза Анзоров перешел на сторону имама Шамиля. С.Н. Бетуганов в исследовании «Кабарда: история и фамилии» отмечает: «Переход к Шамилю им готовился исподволь... Голицын докладывал своему начальнику, что по имеющейся у него информации, аул Магомет-Мирзы Анзорова, одного из членов Кабардинского временного суда, «приготавливается к измене Российскому правительству и собирается перейти к непокорным горцам»⁴.

В мемуарах Муссы Кундухова, сына осетинского алдара-мусульманина Алхаста Кундухова (1818–1889 гг.), российского генерал-майора, впоследствии турецкого дивизионного генерала, эта точка зрения подтверждается. Исходя из косвенных сведений, можно прийти к выводу, что Анзоров проявлял недовольство сложившейся ситуацией и политикой, которую проводила Россия в отношении кабардинцев. В частности, это касалось территорий, которые были изъяты у них царским правительством. «Перед тем как я хотел повести их принять подарки и проститься с корпусным командиром, зашел в номер гостиницы, где стояли князя Алхас Мисостов и Магомет-Мирза Анзоров, которых я уважал больше других кабардинских депутатов. Они оба, будучи недовольными ответом генерала Головина на просьбу их об утверждении за Кабардою земли Золко и Этока, спросили меня: «Можно ли нам отказаться от подарков корпусного командира?» «Нельзя», – сказал я. «Почему?» – спросили они. «Потому что в настоящее время он сильно опасается общего волнения всех горцев Кавказской линии, а более всего за Кабарду и за тагаурцев, и потому легко может понять ваш отказ как дурной знак, то есть может подумать, что вы уже в сношении с Шамилем...» «Подарки эти, – сказал Анзоров, – мы примем, но просим вас не сомневаться в том, что они внушают нам не благодарность, а негодование к тем русским, которые их нам делают коварно, но еще более и сильнее внушают нам презрение к нашим, которые, зная унижительность нашего положения, вопреки завещанию достославных отцов наших, жадно за них хватаются, жертвуя за них народным интересом»⁵.

* В имамате Шамиля наиб – его уполномоченный, осуществлявший военно-административную власть на определенной территории. Наибы осуществляли военно-административную власть и контролировали соблюдение норм шариата.

В статье А. Мамхегова «Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю» подчеркивается, что главная претензия Магомет-Мирзы заключалась в территориальных притязаниях. Он приводит один из документов, в котором отмечается, что Анзоровым оставили недостаточно земли для занятия скотоводством. В переписке от 2 мая 1844 г. полковника Петрусевича с Анзоровыми по поводу земель, отторгнутых от последних в пользу казачьих станиц, указано: «По требованию Вашего Высокоблагородия об указании Вам границ, как письменно так и в натуре сколько земли нашей по воле Вашего начальства отмежевано под поселения на протяжении Военно-Грузинской дороги Владикавказского казачьего полка, что земли нашей собственно и нераздельно всей фамилии нашей издревле принадлежавшая, а именно: мне, Магомету Анзорову и двоюродным братьям моим, гвардии ротмистру Хату Анзорову, Кучуку Анзорову, корнету Анзору Анзорову и Атажуку Анзорову; также и родного умершего брата моего Пшемахо Анзорова трем сыновьям, а моим племянникам Асла-Мурзе, Исмаилу и Магомету Анзоровым, отмежевано для поселения Владикавказского полка станиц Александровской, Котляревской и Урухской пространства»⁶.

Данное обращение показывает обширность владений Анзоровых до поселения на их землях казаков. Но и после этого события Анзоровы оставались одними из самых крупных землевладельцев в Кабарде. Наверное, поэтому полковник Петрусевич докладывал во все вышестоящие органы, что у Анзоровых земель и так достаточно, а за занятые казаками им необязательно платить, так как все они являются потомками бежавших за Кубань четырех братьев: Амфоко, Иналуко, Сузоруко и Докшуко Анзоровых⁷.

Раз не было возможности решить усиливающиеся земельные споры с помощью норм адата, то знать вынуждена была обращаться к кавказской администрации с требованием закрепить за ними их родовые земельные владения. Анзоровы неоднократно писали жалобы и просьбы на имя высшего начальства об удовлетворении их ходатайств, о предоставлении земель взамен изъятых и выплате денежного вознаграждения. Но просьбы не были удовлетворены, т.к. царское начальство в Кабарде считало, что земель, оставшихся у Анзоровых, им вполне достаточно. «По сведениям, собранным через бывшего начальника Центра Кавказской линии полковника Хлюпина, оказалось, что жалобы Анзоровых на недостаток земли совершенно несправедливы и что они имеют ее даже с избытком»⁸.

Безусловно, среди Анзоровых зрело недовольство. Поэтому, когда в апреле 1846 г. имамом Шамилем был организован поход на Кабарду, многие представители этой фамилии примкнули к его движению. Все Анзоровы, кроме проживавших в ауле Бароковом, а также служивших в Санкт-Петербурге или находящихся в аманатах, перешли на сторону имама Шамиля. В докладе по 3-му отделению Генерального штаба об отмежевании земель аулов Анзоровых для поселения на Военно-Грузинской дороге станиц Владикавказского казачьего полка Центра Кавказской линии от 12 марта 1856 г. № 474 отмечено:

«Между прочими виновными в сношениях, содействии неприятелю оказались следующие лица:

1. Подпоручик Магомет-Мурза Анзоров, признанный как один из главных виновников беспорядков и ясный соучастник, подписавший призывание Шамиля в Кабарду.

2. Корнет Анзор Анзоров, обвиненный в том, что не был вынужден силой идти к Шамилю, и хотя не действовал против нас вооруженной рукой, но показал малодушие и нерешительность.

3. Корнет Кучук Анзоров, до прибытия Шамиля доставлял сведения о его движении; когда же неприятель занял его аул, то отправив семейство свое в лес, явился к Шамилю и служил в кабардинском ополчении»⁹.

Наместник России на Кавказе, генерал-адъютант князь Воронцов «... по рассмотрении действий этих лиц определил бывшего в Чечне Магомета Анзорова объявить абреком, а с имуществом его поступить на основании прокламации генерала Ермолова. Анзору Анзорову прекратить производство получаемого им от казны содержания впредь до нового отличия, а Кучука Анзорова отправить на службу на Черноморскую кордонную линию, дабы там усердием и надлежащим исполнением своих обязанностей он мог обратить на себя вновь внимание начальства.

Такое поведение Анзоровых было причиной, что в числе мер, предпринятых с целью обеспечения безопасности Кабарды, господин генерал-адъютант князь Воронцов для вящего охранения спокойствия наших пределов предположил все аулы рода Анзоровых переселить на места, где, находясь под ближайшим наблюдением начальства, они вместе с тем не стесняли бы своим пребыванием других жителей»¹⁰.

В результате царская администрация решила переселить аулы Анзоровых в глубь Кабарды. Аул Магомет-Мирзы был упразднен в 1847 г., большая часть жителей перешла на жительство в аул Хату Анзорова.

Но, имея в виду, что находившийся тогда в Санкт-Петербурге командир собственного Его Императорского Величества конвоя ротмистр Хату Анзоров не принимал участия в событиях 1846 г. и был известен своей усердной службой, князь Воронцов в предписании генералу Завадовскому от 6 мая 1846 г. высказал пожелание, чтобы при назначении новых мест для водворения аулов Анзоровых было обращено особое внимание на предоставление аулу Хату Анзорова удобного места. После доклада князя Воронцова Николаю I было принято решение о предоставлении ротмистру Хату Анзорову тех земель Магомет-Мирзы Анзорова, которые «окажутся лишними» после полного обустройства Владикавказского казачьего полка.

В 1846 г. была создана специальная комиссия под председательством начальника Центра Кавказской линии С. Хлюпина, предназначенная для разбора дела относительно переселения аулов Анзоровых, а также для определения, какие земли следует изъять у Магомет-Мирзы Анзорова.

В рамках работы комиссии в Большой Кабарде была проведена работа по учету всех анзоровских аулов¹¹. От Кабардинского Временного суда Хлюпиным были затребованы сведения, «какие именно аулы узденей Анзоровых состоят в Большой Кабарде, кому они принадлежат в настоящее время, где они расположены, сколько в них домов, каких, т.е. узденских, вольноотпущенников и холопских, и в каком числе душ? мужеского пола вообще, а также какой аул сколько имеет земли, которою владеет теперь, и от какого и до какого места та земля простирается»¹².

Впервые аул Хату Анзорова в архивных документах встречается в 1822 г. Он был расположен на реке Белой неподалеку от выхода реки Урух из Дигорского ущелья. В документе, подготовленном комиссией, указывалось, что по примерному исчислению аул ротмистра Хату Анзорова, лежащий возле самой почтовой Военно-Грузинской дороги, имея нераздельно с аулом Магомета-Мурзы Анзорова землю, испытывал недостаток земли. В документе отмечено: «Для пастьбы скота и для посева проса примерно не более 500 или 600 десятин, что остальную же землю до реки Уруха и Ермоловской просеки в количестве 10 тысяч десятин владел с аулом своим Мурза Анзоров, бежавший с Шамилем, и что во время вторжения Шамиля аул Хату Анзорова был весь сожжен. Остальные аулы узденей Анзоровых, а именно: Анзора Анзорова, Атажуко Анзорова и Пшемахо Анзорова, лежавшие по обе стороны р. Лескен – владели всем пространством земли, заключающимся между реками Шекер и Лескен, а также и всем левым берегом сей последней реки, начиная с ущелья от аула Кабакова вниз по самой границе

военного поселения; количество десятин земли, занимаемой ими, содержало не менее 10 тысяч десятин. Вместе же с землей, занятой в 1845 г. Селимом Анзоровым, без всякого позволения начальства переселившимся из Малой Кабарды, из Бороковского аула по р. Урух, то увеличивалось до 18 тысяч десятин, и с землей Хату Анзорова и Магомет Мурзы Анзорова пространство оной простиралось до 30 тысяч десятин земли, не включая в то число лесов»¹³.

В августе 1846 г. генерал-адъютант князь Воронцов предписал составить новую комиссию, на которую возлагались следующие функции: рассмотреть и определить, какие земли, принадлежавшие Магомет-Мирзе Анзорову, следует отобрать в казну; какое и кому именно из кабардинских владельцев причитается денежное вознаграждение за земли, отошедшие для Владикавказского казачьего полка; куда именно окажется удобным переселить все аулы Анзоровых.

Еще до получения этого предписания генерал-адъютант Завадовский поручил управлявшему тогда комиссией наделения землями Кавказского линейного казачьего войска полковнику Петрусевичу отправиться в Кабарду и на месте тщательно изучить, как привести в исполнение предположенное переселение аулов.

Полковник Петрусевич донес, что по прибытии в Кабарду была составлена депутация «...от тамошнего народа несколько человек почетнейших и знающих все кабардинские земли депутатов; они вместе с ними обозрели мести земли, занимаемые аулами: ротмистра Хату Анзорова, Магомет-Мурзы Анзорова, Селима Анзорова, Атажука Анзорова и Пшемахо Анзорова, соразмеря примерно количество земли, ими занимаемой, с количеством для нового водворения, им потребным»¹⁴.

В докладе по 3-му отделению Генерального штаба об отмежевании земель аулов Анзоровых для поселения на Военно-Грузинской дороге станиц Владикавказского казачьего полка указывалось, что депутаты, назначенные от кабардинцев, «...показали, что от Дигорской границы все пространство земли, заключающейся между реками Терек и Урухом, т.е. занимаемое аулами Хату Анзорова и Магомета-Мурзы Анзорова, принадлежит по праву наследства узденям Коголкиным, и что на земле этой только лет 25, до 1846 г., поселились Анзоровы. Земля же, узденям Анзоровым по наследству доставшаяся, заключается между реками Урух и Лескен по обе стороны речки Шекер, которой в настоящее время владеют Анзор Анзоров, Атажуко Анзоров, Пшемахо Анзоров, Селим Анзоров. По показанию тех же депутатов, подтвержденному единогласно многими почетными кабардинцами, трое братьев Анзоровых, занимавшиеся разбоем по Военно-Грузинской дороге, а именно: Амфоко, Иналуко и Сидаруко Анзоровы, будучи преследуемы русским правительством, в 1822 г. бежали за Кубань. После побега их землей стали пользоваться дети их: Анзор, Пшемахо и Атажуко Анзоров, из которой часть, лежащую возле бывшего укрепления Урухского по обе стороны реки Урух от Ермоловской просеки до реки Шекер, они предоставили узденям Коголкиным, как бы в вознаграждение отнятой у них земли»¹⁵.

Российской администрацией был сделан вывод о том, что не только Хату Анзоров и Магомет-Мирза Анзоров не имели права на ранее занимаемую ими землю, т.к. по праву наследования она принадлежала дворянам Коголкиным, но также не имели права на земли и Анзор Анзоров, Пшемахо Анзоров и Атажуко Анзоров, т.к. их отцы, уйдя за Кубань в 1822 г., по прокламации генерала Ермолова лишались в Кабарде всего имущества.

В докладе по 3-му отделению Генерального штаба об отмежевании земель аулов Анзоровых для поселения на Военно-Грузинской дороге станиц Владикавказского казачьего полка отмечено: «Открытия эти при вопросе о переселении Анзоровых на другие места имели особую важность, ибо Анзоровы были не вправе требовать себе количества земли, соразмерной их владениям, **а были обязаны принять то**

только, что по возможности начальством могло быть указано»¹⁶. (Курсив мой. – З.К.).

В декабре 1847 г. была составлена «Ведомость о числе семейств Анзоровых и в каких аулах они имеют жительство»: «1. Гвардии ротмистра Хату Анзорова. 2. Поручик Кучук Анзоров, проживают в ауле Хату Анзорова. Аул этот состоит из 55 дворов, поселен на левом берегу реки Терека. 3. Селим-Гирея Анзорова. Аул Селим-Гирея Анзорова. В ауле этом состоит дворов, поселен на левом берегу реки Уруха. 4. Тембот, или Мурза Анзоровы. Аул Тембота. В ауле этом состоит ... дворов, поселен на правом берегу реки Шекера. 5. Поручика Хатокшуки Анзорова. 6. Поручик Кайсим Анзоров проживает в ауле Хатокшуки Анзорова. Аул Хатокшука. В ауле этом состоит дворов, поселен на правом берегу реки Лескена. 7. Поручика Анзора Анзорова. Аул Анзора. В ауле этом состоит..., поселен на правом берегу реки Лескена. 8. Аслан-Мирза, Исмаила и Магомета Анзоровых. Аул Пшемахи. В ауле этом состоит ... дворов, поселен на левом берегу реки Лескена»¹⁷.

В феврале 1848 г. комиссия по определению земель для переселения аулов Анзоровых закончила свою работу. Выдача вознаграждений до окончательного дознания о правах каждого из бывших владельцев была вновь отложена, переселение аулов предписывалось произвести следующим образом: «Аул Тамбота Анзорова переселить на правый берег р. Терек ниже укр. Черекского. Аул Селим-Гирея Анзорова – в аул Бароков, что в Малой Кабарде. Аул Хату Анзорова – на Малку, на место бывшего аула Трамова в 14 верстах выше ст. Новомарьинской и в 8 верстах ниже поста Д (неразб.). Остальные аулы Анзоровых – на левый берег р. Урвань, ниже аула Алхаса Мисостова. При этом распоряжении комиссия за исключением аула Хату Анзорова основывала свои заключения на акте, данном 13 депутатами из кабардинцев в том, что они добровольно и по общему согласию избрали для переселения Анзоровских аулов указанные места»¹⁸.

В 1848 г. Хату Анзоров обратился по данному вопросу к начальству. «Он, полковник Хату Анзоров, получил от родственников своих уведомление, что по распоряжению кавказского начальства все аулы Анзоровых, и в том числе его собственный, переселяются на обе стороны р. Урвань; что младший брат его Кучук за несогласие на это переселение арестован; к сему Хату Анзоров присовокуплял, что он выселил свой аул на Военно-Грузинскую дорогу единственно по видам правительства, каковому примеру последовали и прочие уздени Анзорова и тем доказали преданность российскому престолу; что через сие понесся невозвратимые и неизбежные при каждом переселении убытки, Анзоровы едва имели время привести хозяйство свое в некоторый порядок, как вновь против их желания и даже без ведома его, старшего в роде, они должны опять переселяться и оставить те места, где погребены их предки и где думали похоронить и себя»¹⁹.

Бывший начальник Владикавказского военного округа генерал-майор Ильинский в ноябре 1849 г., узнав о проезде Хату Анзорова через Владикавказ и о намерении его просить у господина Главнокомандующего дозволения переселить Анзоровские аулы на прежние места, в письме к бывшему начальнику штаба изложил следующее: «Переселение Анзоровских аулов вновь на Змейку сделает великий вред и для Владикавказского казачьего полка и вообще для безопасности Военно-Грузинской дороги. Оно допустит тайные сношения кабардинцев с чеченцами и карабулаками, тогда как (неразб.) и Гезель, предназначенные для станиц, поставят крепкую преграду хищникам и удержат (неразб.) жителей от сношений с непокорными»²⁰.

Из числа мнений, выраженных в это время, особо показательно мнение генерала Завадовского, высказанное по поводу одной из просьб Хату Анзорова, «...что и после этого полковник Хату Анзоров вновь утруждал Ваше сиятельство

просьбой остаться ему на прежнем месте жительства, хотя он очень хорошо понимал невозможность исполнения этой просьбы, доказывает только, как трудно заставить азиатца быть довольным решением дела, которое, видимо, решено в его пользу, потому что Хату Анзорову, так щедро вознагражденному за службу его в Санкт-Петербурге, представляется не за какие-либо отличия занять при переселении места гораздо выгодней настоящих, а только снисходя к тому, что он, будучи в отсутствии, не участвовал в том, за что все Анзоровы по решению Вашего Сиятельства должны быть переселены с настоящих мест их жительства на другие места под ближайший надзор местного начальства»²¹.

Следствием продолжительной переписки было то, что генерал-адъютант князь Воронцов в предписании от 25 марта 1849 г. предоставил выбор места для аула Хату Анзорова лично начальнику Центра кавказской линии, генерал-майору князю Эристову. Тогда Эристов предложил генералу Анзорову поселить свой аул между реками Шекер и Урух на месте бывшего аула Селим-Гирея Анзорова. Хату Анзоров согласился на это с тем, чтобы земля была ему дополнительно прирезана. 16 ноября 1849 г. князь Эристов сообщил, что Хату Анзоров завершил переселение своего аула на выбранное им место между реками Шекер и Урух, но границы земли, которой он должен пользоваться, еще не указаны.

В начале 1850 г. Хату Анзоров, получив сведения, что его сын, «...корнет Исмаил, воспитывавшийся в 1-м кадетском корпусе и находившийся на службе на Кавказе, бежал в горы, и что главнейшая причина сему побегу есть разорительное положение, в котором он видел себя и своих подвластных, которые, до сих пор не имея земли для хлебопашества и кров для скотоводства, взамен земли, взятой в казну, терпят совершенную нищету, и обратился к нему с просьбой об увольнении его в отпуск на Кавказ с твердым намерением отыскать сына и представить его правительству и вместе с тем сделать, что возможно, к устройству его домашних дел»²².

По прибытии на Кавказ Хату Анзоров обратился к начальству с двумя просьбами: 1) отвести землю, равную той, которой владел он и бежавший в Чечню его брат Магомет-Мирза между Урухом и Аргуданом, а недостающее добавить из земель между Малкой и Баксаном;

2) вместо выдачи 7 тысяч рублей, отданных Коголкиным, выдать ему особое вознаграждение.

В документе, в частности, отмечено: «Принимая во внимание, что земли в Кабарде с древних времен составляли более общественное достояние, нежели частные, поместные владения и, во-вторых, что полковник Хату Анзоров за отошедшую под границы его участка землю получил уже денежное вознаграждение наравне с другими, подобными ему землевладельцами, в том числе и с другими членами фамилии Анзоровых, генерал-лейтенант Завадовский полагал справедливым, не отводя Анзорову в вышеназванных местах никакого особого и исключительного земельного владения в очевидный ущерб другим князьям и узденям, предоставить ему при месте его водворения пользоваться землей по мере действительной потребности на общественном праве, подобно другим членам фамилии Анзоровых, и сообразно с общепринятым порядком пользования землей во всей Кабарде. Сверх того, господин Завадовский объяснял, что правительство совершенно вправе располагать землей Анзоровых как общественным достоянием на том основании, что Анзоровы хотя бы и были когда-либо действительными владельцами означенной земли, то после измены и побега их в горы утратили всякое владельческое на нее право после известной прокламации генерала Ермолова»²³.

Но т.к. Хату Анзоров хорошо зарекомендовал себя на царской службе, было решено, что он будет наделен землей в Кабарде в таком количестве, каким владел он и бежавший к имаму Шамилю его брат Мирза Анзоров на Военно-Грузинской

дороге. Однако генерал-адъютант князь Воронцов предписал: «Из представленных по этому предмету сведений оказалось, что все земли в Большой Кабарде искони принадлежали четырем княжеским фамилиям и некоторым фамилиям узденей, но что ими владеют совместно с владельцами с давнего времени поселившиеся на них жители, иногда даже такие, которые не состоят ни в каких отношениях подвластности к владельцам участков подобно тому, как Хату Анзоров и его брат были водворены и владели землями узденей Коголкиных, которых предназначается отвести Хату Анзорову участок. По народным обычаям владельцы не имеют права отчуждать каким бы то ни было образом свои земли, которые считаются совокупным общественным достоянием владельцев и водворенных на них жителей. Границы участков, хотя не определены знаками, но они известны по преданию, и нарушение оных нередко сопровождалось кровавыми распрями между кабардинцами; казенной же земли вовсе нет за исключением небольшого участка около Нальчика, необходимого для расположения наших войск»²⁴.

При таком положении поземельной собственности в Большой Кабарде сделалось очевидным, что формальная отдача правительством в исключительную и потомственную собственность даже владельцам принадлежащих им участков была бы сопряжена с большими затруднениями и подобная мера в отношении Хату Анзорова вызвал бы недовольство во всех сословиях.

Из-за невозможности предоставления участка в Большой Кабарде Хату Анзорову предложили отмежевать участок в 12 тысяч десятиин из Горькобалковской степи Ставропольской губернии. Однако Анзоров отказался от участка в Горькобалковской степи вследствие того, что она не приносила бы ему дохода. Хату Анзоров, будучи лишен на протяжении многих лет доходов от изъятой у него земли, вошел в значительные долги. Он надеялся на получение 5 тысяч рублей серебром, обещанных ему лично князем Воронцовым, взамен 7 тысяч рублей серебром, присужденных Коголкиным за земли, отторгнутые у него для Владикавказского полка.

Но генерал-адъютант князь Воронцов, предлагая отвести полковнику Анзорову в исключительное его владение 12 тысяч десятиин из Горькобалковской степи, ничего не упоминал о денежном вознаграждении в 5 тысяч рублей, которое прежде предполагалось назначить Анзорову вместе с предоставлением ему права пользоваться землей в месте его водворения на общественном праве.

Из представленных выше документов видно, что даже учитывая факт конфискации земель и лишения большей части дохода, материальное состояние семьи Хату Анзорова должно было оказаться достаточно благополучным, имея в виду тот факт, что он пользовался уважением в высших слоях царской администрации и длительное время служил российскому правительству. Однако после его смерти в 1856 г. обнаружилось, что материальное состояние семьи Хату Анзорова находилось в тяжелом положении. Согласно описи имения, составленной 30 мая 1856 г., имущество, оставленное Хату Анзоровым, было достаточно скромным, относительно занимаемого им положения.

№№	Название вещей	Муж.	Жен.
1	Крестьян мужского пола	7	1
2	Кобылиц	20	
3	Серебряных столовых ложек	6	
4	чайных	6	
5	поднос из накладного серебра	1	
6	подсвечников серебряных	2	
7	столовых ножей	6	
8	вилоч	6	
9	серебряная чашка	1	
10	рукомойник серебряный	1	
11	разливная суповая ложка	1	
12	панцирь	1	
13	шашка	1	

14	ружье		
15	пистолет	1	
16	кинжал	1	
17	мундир	1	
18	шинель	1	
19	пальто	1	
20	шаровары форменные	1	
21	шишак	1 ²⁵	

Кроме того, за Хату Анзоровым остался значительный долг. В рапорте Временно командующему войсками Кавказской линии Хлюпину от 26 июня 1856 г. отмечено: «На генерал-майоре Хату Анзорове полагалось долгу 4184 руб. 85 коп. в суммы собственного Его Величества конвоя. В уплату сего долга взыскано и отправлено по принадлежности:

В майской трети 1855 г. – 236 руб. 79 коп.

сентябрьской – 236 руб. 79 коп.

январской 1856 г. – 236 руб. 79 коп.

710 руб. 37 коп.

За тем осталось долгу за генерал-майором Хату Анзоровым 3438 руб. 48 коп. Доволя о сем до сведения Вашего Превосходительства по приказанию господина Главнокомандующего, имею честь покорнейше просить распоряжения о немедленном взыскании с наследников покойного генерал-майора Хату Анзорова остальных должных им денег 3438 руб. 48 коп. и отсылки оных в управление делами императорской Главной квартиры и собственного Его Величества конвоя»²⁶. Хату Анзоров, прослуживший длительное время царской России, на исходе жизни практически ничего не приобрел, оставив после себя огромные долги.

В 1860 г. к аулу Хату Анзорова были присоединены часть жителей аула Тембота Анзорова в связи с переселением большинства жителей этого аула в Турцию. Старшинами села были брат Хату Анзорова Кучук, сыновья: ротмистр Исмаил, юнкер Эльмурза, а позже – внуки Хату, Кучука и Магомет-Мирзы Анзоровых. Многие жители аула переселились в Турцию в 1869, 1892 и 1904 гг. В 1922 г. Анзоровы были репрессированы и выселены.

Таким образом, на примере семьи Анзоровых можно заключить, что переселенческая политика России на Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. носила достаточно жесткий характер. Особенностью земельных споров 30–50-х гг. XIX в. был их тотальный характер, охвативший прямо или косвенно все слои общества. Главные их участники – князья и уорки, – претендуя на право владения теми или иными земельными участками, были лишены одного из главных компонентов традиционной земельной собственности – политической власти. Одни лишались прав на землю вследствие геостратегических интересов царской администрации, другие – в результате занятия непримиримой позиции по отношению к новым колониальным порядкам. Но и в том, и в другом случае они были в зависимом от царской администрации положении, и никакие их заслуги не давали им гарантии от конфискации земель.

Примечания

1. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX вв.: Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 45–46.
2. УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 101.
3. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 252. Л. 32–35.
4. Бейтуганов С.Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 106–107.
5. Кундухов Мусса. Мемуары. [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus

6. Мамхегов А. Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201>
7. Там же.
8. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 12 об.
9. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 13.
10. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 13 об.
11. Бальжатова Н. О дате основания с. Кайсын-Анзорово [Электронный ресурс]. URL: <http://archivesjournal.ru/?p=4198>
12. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 562. Л. 7.
13. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 15
14. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 14 об.
15. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 15 об.
16. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 16.
17. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 562. Л. 84–84 об.
18. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 15.
19. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 16 об.
20. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 17 об.
21. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 18.
22. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 20 об.
23. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 21 об.
24. УЦГА АС КБР. Ф.И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 23 об.
25. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 28.
26. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 2.

Z.M. Kesheva

ANZOROV'S FAMILY IN THE CONTEXT OF MIGRATION POLICY IN THE CAUCASUS IN RUSSIA 30–50th XIX CENTURY

The article discusses issues related to the participation of representatives of Anzorov's family in resettlement policy in the Caucasus in Russia 30–50 years of XIXth century. Revealed that the resettlement policy of Russia in Caucasus in this period were fairly rigid. Especially of land disputes 30–50 years of XIXth century was their total character, swept directly or indirectly, all sectors of society. Their main participants – the princes and warks, claiming the right to possession of those or other land, had been deprived of one of the main components of traditional land ownership – political power.

Keywords: Caucasian war, Kabarda, Anzorov's family, immigration policy, Ermolovs proclamations, Georgian Military road.

О.В. Волобуев

ОСВЕЩЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНЫХ КУРСАХ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье рассматривается характер освещения темы Кавказской войны в школьных курсах истории России. Она относится к наиболее значимым событиям отечественной истории, и научно обоснованные представления о ней необходимы молодому поколению во избежание девиации исторического сознания. Автор выявляет типичное, историографически характерное в изложении событий Кавказской войны, показывает удаchi и неудачи школьных учебников в трактовке войны, ее итогов и последствий. В заключение предложены рекомендации по изучению Кавказской войны, опирающиеся на нынешнее состояние исторической науки.

Ключевые слова: Кавказская война, история России, изучение, школьные курсы, учебники, рекомендации.

В школьные курсы истории должны попадать наиболее значимые события отечественной истории. Несомненно, что к числу таких событий относится Кавказская война. Научно обоснованные представления о ней необходимы молодому поколению во избежание девиации исторического сознания.

Освещение Кавказской войны в школьных курсах истории России имеет несколько аспектов. Один из них – это изложение истории Кавказской войны в школьных учебниках для 8-го и 10-го классов. Другой аспект, более интересующий нас, – это рекомендации по изучению Кавказской войны, опирающиеся на нынешнее состояние исторической науки. При этом реализация рекомендаций на уроках истории должна учитывать как временные возможности учебного плана, так и возрастные особенности учащихся с ориентацией на имеющиеся у них знания по предмету в целом. Обычно в 8-м классе на изучение Кавказской войны отводится один урок (учебный час), а в учебнике, соответственно, – один параграф. В 10-м классе по ныне действующему учебному плану на ее повторное изучение не выделяется даже одного параграфа. Из этого положения мы и будем исходить в своих рассуждениях.

На то или иное освещение Кавказской войны в учебниках влияет не только степень изученности вопроса историками, но и господствующие политические установки и государства, и общества. Показательно, например, что в учебниках 1990-х гг. очень достойного представителя отечественной исторической науки П.Н. Зырянова¹ Кавказская война вообще отсутствует. Объяснить такое положение можно только одним: событиями в Чечне (Ичкерии) в ту пору, когда создавалось первое издание этого учебника.

Автор не стремился к тому, чтобы дать полную картину, включающую обзор всех школьных учебников. Задача, которую он ставил, была иной: выявить, с одной стороны, типичное, историографически характерное в изложении событий Кавказской войны и, с другой – удаchi и неудачи авторов в трактовке войны, ее итогов и последствий.

Начнем с того, что Кавказская война (или те события, которые мы так называем) весьма необычна. Это завоевание обширных территорий с разными по языку и историческим судьбам народами. Можно выделить два различающихся между собой, но имеющих определенную внутреннюю схожесть (единая историко-этнографическая область) региона. Это – Северо-Западный и Северо-Восточный

Кавказ. Между ними располагалась стратегически важная Осетия, население которой в Кавказской войне активно не участвовало. Северо-Западный и Северо-Восточный Кавказ входили в разные сферы внешнеполитического влияния. Северо-Западный регион был сферой турецкого и крымско-татарского влияния, Северо-Восточный – персидского (с оговоркой в отношении Ингушетии и Чечни). В IV томе многотомной «Истории СССР», вышедшем в 1967 г., такое разделение существует. В главе 9 «Национально-колониальная политика царизма и освободительная война народов России» этого тома выделены два самостоятельных сюжета: «Движение горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля» и «Борьба горцев Западного Кавказа». Игнорирование этой военно-политической ситуации на Северном Кавказе приводит к тому, что в учебниках по истории СССР все внимание сосредоточивается на мюридизме и имамате. Северо-Западный Кавказ как таковой по существу исчезает². Определенную роль в этом сыграло также традиционное представление о народах Кавказа, имеющих действительно много общего в культуре, как о коллективном портрете горца.

Отсутствие значительных и сильных государственных образований приводило к тому, что длительное время военные действия носили очаговый характер и представляли собой либо народные бунты (т.е. стихийные возмущения), либо военные действия со стороны отдельных правителей. Так, например, в ответ на перенесение кордонной линии с Терека на Сунжу, возведение крепости Грозная и размещение военных гарнизонов на территории Дагестана были вооруженные выступления 1918–1820 гг. ряда обществ Чечни и части дагестанских князей (ханов, владетелей). Через несколько лет, в 1823 г., вспыхнуло восстание в шамхальстве Тарковском (в 1818 г. шамхал не примыкал к «союзу ханов»). В 1825 г. происходит восстание Бейбулата Таймазова в Чечне, которое упоминается в учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной. Все эти восстания (выступления) имели отличия, но все они были направлены против политики и интересов России на Северном Кавказе.

В единственном учебнике, авторами которого являются Данилов и Косулина, дается подробная периодизация Кавказской войны. Выделено шесть этапов войны (1817–1819; 1819–1824; 1824–1828; 1828–1833; 1834–1859, 1859–1864). Возникновение мюридизма связывается с третьим этапом, имамата – с четвертым. Кульминация войны приходится на пятый этап. Столь подробная периодизация вряд ли нужна ученикам 8-го класса. Но в принципе они должны различать особенности начального этапа войны, время имамата Шамиля и завершающий этап, связанный с событиями на территории Северо-Западного Кавказа.

Применительно к начальному этапу для усвоения учащимися важны понимание причин войны и ее социально-политической природы. В рубрике «Причины войны» А.Н. Боханов (учебник для 8–9-х классов) так информирует о народах Северного Кавказа: «Они не признавали власть «белого царя» и по мере укрепления позиций России все чаще и чаще атаковали русские воинские посты, грабили и жгли населенные центры, а людей или убивали, или превращали в рабов. Их жестокие издевательства над «неверными» были ужасны. Естественно, что иметь среди своих владений не просто независимый, но и откровенно враждебный анклав не могло позволить ни одно государство». В других учебниках такая характеристика смягчена. В учебнике издательства «Баллас» (учебник Д.Д. Данилова и др., 8 класс) начальный этап войны объясняется следующим образом: строительство фортов и крепостей, «преградившее горцам Чечни один из традиционных путей их разбойничьих набегов, стало причиной мятежа, с которого началась Кавказская война». В очень кратком, даже можно сказать конспективном учебнике А.А. Данилова для 8-го класса, вышедшем в серии «Академический школьный учебник» (издательство «Просвещение»), по существу представлен вариант того же тезис: «Горцы особенно были возмущены запретом совершать набеги на

соседей и торговать захваченными пленниками, что являлось одним из их основных занятий». Не подвергая сомнению, что набеги были частью северокавказской повседневности, отметим опасность преувеличения их причинно-следственного значения в возникновении Кавказской войны. Заметим, что не все современные историки разделяют весьма распространенную точку зрения на роль набегов как причину войны³.

В связи с тем, что военные действия носили не только локальный, но и хронологически прерывистый характер, возникает вопрос о том, считать ли события 1817–1864 гг. одной войной. В монографии Н.И. Покровского речь идет о Кавказских войнах⁴. Запутанность вопроса о характере и хронологии Кавказской войны отмечалась и на недавно прошедшей Международной научной конференции в Ростове-на-Дону. Так, один из ее участников – В.Т. Трут – следующим образом характеризует проблему: «С XIX в. и по сегодняшний день нет единства о содержании и хронологии Кавказской войны. В XIX в. было даже определение «Кавказские войны»», куда включались все военные действия России (против горцев, Турции и Ирана) в Кавказском регионе в XVIII–XIX вв.»⁵. Кавказская война как дискуссионная проблема рассматривается и в других статьях сборника материалов этой конференции⁶.

В монографии Андреаса Каппелера Кавказская война датируется 1829–1864 гг.⁷ Даты 1817 г. как начальной даты Кавказской войны нет в ряде хронологий. Историографическая ситуация довольно странная. Эту дату связывают с основанием крепости Грозная, хотя обычно ее основание относят к 1818 г.⁸ В многотомной «Истории СССР» отмечается, что в 1817 г. левый фланг Кавказской линии переместился с реки Терек на реку Сунжу, а через два года – к подножию Дагестанских гор, что привело к тому, что горцы Чечни и Дагестана были отрезаны от зимних пастбищ⁹. Действия А.П. Ермолова по расширению Кавказской линии вызвали общее восстание в Чечне в 1825 г., а в 1828 г. Гази-Магомед был провозглашен первым имамом Чечни и Дагестана. Широкие наступательные операции на Северо-Западном Кавказе начались с 1829 г.¹⁰ Не вдаваясь более глубоко в датировку начала Кавказской войны, хочу отметить, что этот вопрос, как и вопрос о «войне» или «войнах» (оба они взаимосвязаны), нуждается в научном обсуждении.

Рассмотрим планирование темы в учебниках для 8 класса. Наиболее полно с четким выделением пунктов плана (вопросов, рубрик) тема Кавказской войны представлена в самом распространенном учебнике Данилова и Косулиной. План темы включает следующие рубрики: 1. Народы Кавказа; 2. Алексей Петрович Ермолов; 3. Основные этапы войны; 4. Мюридизм; 5. Имамат; 6. Движение Шамиля; 7. Имам Шамиль; 8. Итоги войны. В большинстве учебников для 10 класса изложение очень сжато, деление учебного материала на смысловые рубрики отсутствует.

Нет этого деления и в учебнике для 8 класса Е.Н. Захаровой, в котором объем параграфов меньше, чем в других учебниках, но где живо и доступно для возраста восьмиклассников изложен материал. Для названных учебников характерно наличие исторических портретов Ермолова и Шамиля. Причем довольно развернутая характеристика Ермолова в учебнике Данилова–Косулиной начинается с фразы «Один из легендарных русских полководцев XIX в.». Характеристика, таким образом, начинается с похвалы, но заканчивается объективным перечислением его деяний: уничтожение целых аулов и истребление населения, предложение о переселении горцев, распределение покоренных земель среди казаков. Результат – усиление сопротивления местных народов. Е.Н. Захарова также подобным образом характеризует политику Ермолова и даже приводит его слова: «Выбирайте любое – покорность или истребление ужасное». В то же время этот автор пишет, что главной целью «было не столько наказание непокорных горцев, сколько создание на Кавказе укрепленных поселений-крепостей с русскими гарнизонами».

Весьма своеобразно изложена тема в имеющем промонархический акцент и ныне вышедшем из употребления учебнике для 8–9 классов А.Н. Боханова. Дальнейшее содержание параграфа сведено к имамату Шамиля и к фигуре самого имама, храбрость и вождистские качества которого подчеркиваются. Отмечается, что жителей имамата Шамиль заставлял жить по законам Пророка, изложенным в Коране, добиваясь этого жесткостью и казнями. Приводятся в подтверждение в рубрике «Мятежный имамат» слова Шамиля: «Бил я и шатойцев, и андийцев, и табутинцев, и ичкерийцев; но я бил их не за преданность русским – они ее никогда не высказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабительству и разбоям». Как и другие авторы учебников, Боханов делает акцент на попытке Шамиля установить связь с Турцией в период Крымской войны. Так, совершив поход в Грузию, Шамиль сообщает командующему турецкой армией на Кавказе: «Мы отбили у них стада, имение, жен и детей, покорили их крепости, с большой добычей и торжеством вернулись домой...». В учебнике Боханова, как и в учебнике Захаровой, имеется ряд цитат из высказываний Шамиля, что, конечно, придает изложению интерес. Во всех учебниках речь идет об истощении экономического и военного потенциала имамата. Большую осторожность должны проявлять авторы в приведении цифровых данных. Так, в одном из учебников (А.А. Данилов и др.) имеется такое заявление: 90 тыс. солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса противостояли 500 тыс. воинов Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа. У учащихся может сложиться представление о каком-то сквозном фронте, где друг против друга стоят эти тысячи; об армии горцев, как аналоге «великой армии» Наполеона в 1812 г.; об одномоментности этой очень сомнительной цифры (кто вел статистику?).

Ярче всего события на Северо-Западе изложены в учебнике Е.Н. Захаровой. Прочитую один фрагмент: «Русские войска находились не только в горах и долинах Кавказа, но и на Черноморском побережье. Служба там не была удовольствием. Декабрист А.А. Бестужев-Марлинский писал, что пули горцев с окрестных сел «бьют людей даже в койках», а солдаты «часто отыскивают в каше черкесские пули». Крепости Гагра, Пицунда, Сухуми считались ужасным местом службы – там свирепствовали тиф, малярия, цинга, порой даже чума. Столкновения усиливались. Горцы начали переходить от партизанской борьбы к организованным выступлениям».

Было бы нелепо представлять абсолютную автономность борьбы на Северо-Востоке и Северо-Западе. Начиная с 1840 г., эмиссары Шамиля (Хаджи Магомет, Сулейман Эфенди) появлялись на территории адыгских племен, пытаясь установить связь между адыгами и имаматом. Предпринимались попытки создать на основе ислама и шариата централизованное Черкесское государство. В какой-то степени к решению этой задачи приблизился Мухаммед Амин, отправленный Шамилем к установившим с ним связь абадзехам, а также и к адыгам. В 1849 г. власть этого наиба распространялась на довольно значительную территорию, населенную разными адыгскими племенами. Однако ему пришлось столкнуться с тем, что отдельные князья, знатные люди и племенные группы не захотели выступить против России. В 1859 г. Мухаммед Амин вынужден был капитулировать. Но сопротивление адыгов продолжалось до 1864 г.

В учебниках для 10 класса Кавказская война, как уже отмечалось, дана в сокращенном и обобщенном варианте изложения, как это и предусматривается вторым концентром школьного обучения. Материал о войне обычно входит в параграфы, посвященные внешней политике России. Больше, чем в других учебниках, ей уделено внимание (три стр.) в учебнике «История. Россия и мир» (авторы – Волобуев О.В. и др.). В отдельной рубрике параграфа «Россия – многонациональная империя» изложение ведется по следующей схеме: этносоциальная характеристика народов Северного Кавказа – политическая ситуация после присоединения

Закавказья к России – обобщенная картина сопротивления горских народов – экономическое и социокультурное развитие после окончания Кавказской войны. Констатируется: «Постоянные конфликты между российской администрацией, военным командованием и казаками, с одной стороны, и фактически независимыми горскими племенами – с другой, вылились в широкомасштабную Кавказскую войну. Горцы вели ее под знаменем газавата (священной войны против неверных)». О военных действиях сказано несколькими фразами: «Территория имамата то расширялась, то сужалась в зависимости от того, кому – Шамилю или русским генералам – сопутствовал военный успех. В борьбу с Россией втянулись и адыгские племена... С большим напряжением сил, систематически продвигаясь в глубь гор, строя дороги и укрепления, применяя тактику «наказания» непокорных аулов (разорение и переселение на равнину), русские генералы сжимали кольцо окружения вокруг главных формирований горцев». Приводится численность погибших за годы войны: 80 тыс. человек. Последний абзац учебного материала заканчивается словами: ««Кавказа гордые сыны...» вызывали восхищение А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Передовые умы России призывали увидеть в народах Кавказа равных с русскими граждан одной великой державы». При подведении итогов Кавказской войны важно, на чем делается акцент: на том ущербе, который война нанесла горским народам, или на том, как строилась жизнь горского и русского населения Северного Кавказа после войны. Так, можно обратить внимание на то, что крепости Владикавказ, Моздок, Нальчик, Грозный со временем стали центрами торговли, ремесла, промышленности, культуры.

Одна из политически проблем, которая возникает при изучении истории Кавказской войны и связана с ее итогами и последствиями, – это переселение горцев в Турцию. В учебнике И.И. Павленко, И.Л. Андреева, Л.М. Ляшенко (10 класс, издательство «Мнемозина») итоги войны подаются так: «Приобретение кавказских территорий было стратегическим мероприятием — Россия хотела получить твердые гарантии против возможной турецкой или персидской экспансией в Закавказье. Однако методы, применявшиеся царскими войсками для приведения горцев к покорности, оказались жесточайшими, хотя и не выходили за рамки привычных для своего времени. Это и насильственное переселение народов (впрочем, 500 тыс. дагестанцев и чеченцев¹¹, бежавшим в Турцию, пришлось ненамного легче, чем оставшимся; поселенные в Месопотамии, они умирали тысячами из-за непривычного климата). Было и взятие войсками заложников, и уничтожение мятежных аулов, и попытки задуть сопротивление горцев голодом)». Заканчивает этот пассаж такая фраза, связывающая историю с современностью: «...Требование национального и религиозного реванша, сведение исторических счетов – это, как справедливо пишет историк, «политический наркотик, дающий мгновенное острое удовольствие, а в долгосрочной перспективе – катастрофу».

Разумеется, надо четко объяснять жесткую позицию верховной власти, которая стояла перед выбором: или продолжать терять российских солдат, или провести зачистку с переселением в Турцию. Именно такая дилемма существовала, с точки зрения власти, которая не доверяла горцам, исходя из предшествующего военно-административного опыта. Полагаю, если не в учебники, то в объяснение учителя желательно было бы включить эпизод о встрече в 1861 г. Александра II в Закубанье с посланцами адыгов. Последние заявили, что готовы принять российское подданство при условии, что их не будут переселять с гор на равнину. На это царь ответил: «Я даю месячный срок – абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань... или же пусть переселяются в Турцию»¹². Но если империя не доверяла горцам, то и горцы не доверяли империи.

Мне бы хотелось в связи с проблемой депортации сделать такую оговорку, чтобы избежать непонимания: у нас есть две шкалы измерений, одна – это современные представления о правах человека, другая – представления того времени.

Хорошо известно, что практика переселения была широко распространена на Востоке. К ней прибегали и персидский шах, и турецкий султан. Правда, как правило, она не распространялась на весь караемый народ.

К сожалению, анализ материала учебников показывает, что авторы, случается, глубоко не вникают в сложности Кавказской войны. Так, в приведенной выше выдержке из текста учебника для 10 класса упоминается переселение части дагестанцев и чеченцев и ничего не сказано об адыгах, которые больше всех остальных пострадали от депортации. Думается, прав современный историк, считающий, что «выселение горцев в пределы Османской империи не соответствовало геополитическим интересам России... Переселение горцев является трагедией не только тех, кто потерял свою историческую родину, но и самой России»¹³.

Вполне понятно, что речь шла об изучении темы «Кавказская война» не в школах Северного Кавказа, где она должна изучаться более подробно, а в школах остальных регионов России, где имеются свои волнующие темы.

В результате предшествующих рассуждений о преподавании истории Кавказской войны я бы высказал, кроме тех соображений, которые уже были высказаны, еще следующие:

1. Не строить изложение в учебнике или на уроке исключительно на сведениях содержания темы к имамату и личности Шамиля, а со стороны России – к деяниям Ермолова. Избегать идеализации каких-либо личностей участников Кавказской войны.

2. Выделить специальную рубрику, посвященную событиям Кавказской войны на территории Северо-Западного Кавказа, исходя из их автономности и специфики, но в то же время подчеркивая связь сопротивления во всех регионах Северного Кавказа.

3. Сформулировать итоговые выводы о последствиях Кавказской войны и, не затушевывая противоречий российской политики на Северном Кавказе, отметить тенденцию к адаптации народов Кавказа к жизни в полиэтнической и поликонфессиональной империи. Обязательно приводить сведения о переселении части адыгов и других северокавказских народов на территорию Турецкой державы.

В настоящее время, как известно, готовятся новые учебники по истории России и, как только они появятся, ученые и преподаватели могут и должны высказать свои замечания и пожелания. Благодаря этому можно будет избежать оценочных перекосов и неточностей.

Примечания

1. В статье не даются развернутые ссылки на учебники, так как, во-первых, все использованные учебники многократно переиздавались, и тот или иной год издания не имеет никакого значения; кроме того, каждый учебник выходил в одном и том же издательстве. И, наконец, речь идет об ограниченном объеме учебного материала, как правило, в пределах одного параграфа (иногда двух).

2. Попытку изложить историю Кавказской войны в двух регионах раздельно см.: Что нужно знать о Северном Кавказе / Отв. ред. В.А. Михайлов. М.: Пробел, 2006 (книга вышла малым тиражом).

3. См.: Унежнев К.Х. Методология исследования некоторых аспектов проблемы Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.* Ростов-на-Дону, 2013. С. 109.

4. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

5. Трут В.П. Кавказская война и развитие Российской империи в XIX столетии: некоторые критические размышления // *Метаморфоз vs Трансформация*. С. 134–135.

6. См.: Миненков Н.А. К истории издания труда Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» // Там же. С. 236–237.

7. Каптелер А. Россия–многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997.

8. См.: Города России: Энциклопедия. М., 1994.
9. История СССР. Т. IV. С. 393.
10. Там же. С. 395.
11. Приводимая в учебнике цифра для того времени, учитывая населенность Северного Кавказа, представляется завышенной, что является нашей точкой зрения и отнюдь не означает оправдания депортации.
12. Цит. по: Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002. С. 64.
13. Матвеев В.А. Черкесский вопрос в преломлении прошлого // Метаморфоз vs Трансформация. С. 264.

O.V. Volobuev

COVERING OF THE SUBJECT OF CAUCASIAN WAR IN THE SCHOOL COURSES IN RUSSIAN HISTORY

The article examines how the subject of Caucasian war is covered in the school courses in Russian history. It belongs to the most meaningful events of national history, so younger generations ought to have scientifically valid understanding of it for the avoidance of deviations of their historical consciousness. The author identifies what is typical, historiographically representative for the account of the events Caucasian war, exposes successes and failures of the school textbooks in interpretation of the war, its results and consequences. The guidance for the teaching and studying the subject of Caucasian war based on the contemporary state of historical science is recommended as a conclusion.

Keywords: Caucasian war, Russian history, teaching, school courses, textbooks, recommendations.

Э.В. Маремукова

КАВКАЗСКАЯ РАСА

В статье представлен диахронный анализ термина «кавказская раса». На основе богатого фактологического материала автор раскрывает особенности употребления термина «кавказская» по отношению к человеческой расе в сопоставлении с определением «европеоидная», широко распространенным в Российской Федерации.

Ключевые слова: раса, кавказская, человеческий, краниология, антропология, терминология, этимология, лингвистика.

В английском языке официальным термином для обозначения людей белой расы с конца XVIII в. является термин «Caucasian» (кавказец).

Белые американцы и в наши дни при заполнении анкет для определения своей расовой принадлежности или происхождения выбирают дефиницию «кавказец». При этом наблюдается интересная тенденция: не все жители самого Кавказа знают о существовании такой терминологии, в то время как и современное мировое сообщество не имеет надлежащее представление об этимологии понятия «кавказская раса».

За время обучения в российском вузе термин «кавказская раса» как альтернатива белой европеоидной мне не встречался. Только за рубежом, а именно в г. Лондоне, просматривая литературу на английском языке по совершенно иной теме магистерской диссертации, мне открылся факт использования этого определения для обозначения белокожих людей.

Термин «кавказская раса» введен в науку в 1795 году известным немецким антропологом, доктором медицины, профессором Йоганном Фридрихом Блуменбахом из Гёттингенского университета, которого называют «отцом физической антропологии».

Определение «белая» по отношению к расе или человеку принадлежит коллеге Блуменбаха по Гёттингенскому университету Кристофу Мейнерсу. Существует и такое предположение, в соответствии с которым Блуменбах заимствовал термин «кавказская» (раса) у Мейнерса, которому, по утверждению некоторых историков, не хватало авторитета и интеллектуального статуса члена Лондонского королевского общества, каковым являлся Блуменбах.

Блуменбах предложил одну из самых ранних классификаций рас человечества¹. Согласно исследователю, «Кавказский регион производит самую красивую расу людей». В конце XVIII в. ученый на основе физических характеристик разделил человечество на пять рас: кавказскую, или белую; монгольскую, или желтую; малайскую, или коричневую; эфиопскую, или черную; американскую, или красную.

Теория человеческих рас Блуменбаха функционирует и сегодня – термин «кавказская» (раса) по-прежнему применяется при обозначении белых людей, и, несомненно, «желтая», «коричневая», «черная», «красная» (расы) все еще в употреблении, хотя и встречаются в несколько модифицированных формах.

Изучив краниологические особенности кавказцев, проживающих на территории между Черным и Каспийским морями, Блуменбах резюмирует: «Существует белая раса, к которой относятся европейцы. Эту расу следует

называть кавказской, поскольку наиболее древними и чистыми представителями этой расы являются коренные народы Кавказа». Другими словами, антрополог считал, что все расы (вместе с европейцами и народами Азии) происходят из Кавказа и, соответственно, являются результатом пигментных трансформаций исходной белой кавказской расы. По мнению исследователя, на протяжении сотен и тысяч лет европейцы претерпели определенные видоизменения, смешиваясь с народами других рас; в чистом виде белая раса сохранилась на Кавказе.

Блуменбах, как и многие исследователи, антропологи, этнологи и историки того времени, обратил внимание на необыкновенную красоту черкесских женщин и особенно выделял их как «самых красивых представителей этой чистой и исконной расы». В 1870-х гг. черкесы и кавказцы в целом, являясь идеалами белизны, были широко популярны в Соединенных Штатах Америки.

Канадский ученый нашего времени, доктор лингвистики Гарвардского университета, профессор Макмастерского университета в Канаде, кавказовед, специалист по адыгским языкам Джон Коларуссо так определяет черкесов: «Черкесы были знамениты красотой женщин и храбростью мужчин. Физически большинство черкесов – европейцы по внешности с возможно легким оттенком восточных черт. Многие черкесы – голубоглазые блондины, в то время как у других наблюдаются общие кавказские черты: очень светлая кожа в сочетании с черными или чрезвычайно темными волосами. Предпочтение они всегда отдавали гибкому и стройному телосложению, одинаково для мужчин и женщин, и даже сегодня во многих селах имеется большое количество здоровых пожилых людей, многим из которых более ста лет»³.

Великий немецкий мыслитель XIX в. Г.В.Ф. Гегель наряду со многими другими научными деятелями оперировал понятием «кавказская раса»: «Только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю. Монголы отличаются по своему характеру бурной деятельностью, стремящейся только к проявлению вовне, которая действует только разрушающе, но ничего не создает, не приводит ни к какому прогрессу во всемирной истории. Прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе»⁴.

Американский физиолог и естествоиспытатель Самюэль Джордж Мортон, основатель американской школы этнографии, считал, что человеческие расы имеют раздельное происхождение. Мортон был высокоавторитетным физиологом и ученым, и его теории пользовались чрезвычайной популярностью. Если Блуменбах считался основателем физической антропологии в целом, то Мортон называли «отцом американской физической антропологии». Базируясь на ментальных способностях людей, ученый выдвинул идею о расовой иерархии, в соответствии с которой кавказцы располагались на верхней ступени, черные – на нижней, а другие расы – посередине. Кроме того, изучив древнеегипетские черепа, Мортон пришел к выводу, что они являются кавказскими, а не африканскими.

Теория Мортон, являясь систематическим обоснованием расовых различий (наряду с работами таких ученых, как вышеупомянутый немецкий антрополог Йоганн Фридрих Блуменбах, а также американский биолог, геолог и физиолог шведского происхождения, профессор Гарвардского университета Луи Агассиз) была использована для обоснования расового неравноправия и порабощения черных представителями белой (кавказской) расы в Соединенных Штатах Америки.

Расовая наука еще больше продвинулась вперед с эволюционными теориями XIX в., которые предложили иерархию рас от более «примитивных», или «диких» к более «продвинутым», или «цивилизованным» с представителями кавказской расы на вершине.

Кавказское происхождение первых людей на земле обосновано не только краниологическими исследованиями XVIII в., но также и современными учеными США и Канады на лингвистическом и даже генетическом уровнях. По словам профессора Джона Коларуссо, два совершенно независимых исследования, проведенные в Канаде и США, – Макмастерском и Гарвардском университетах соответственно, – выявили самую высокую концентрацию индоевропейского гена в мире среди адыгов. В интервью русской службе информационного агентства «Голос Америки» Коларуссо признается, что еще задолго до генетических исследований он пришел к заключению, что «в доисторический период родной язык индоевропейцев – русских, славян, англичан, греков, итальянцев и прочих – был очень близок, если не идентичен, языку, на котором говорят адыги, убыхи, абазы». Отмечая восхождение индоевропейцев к адыгскому населению Кавказа, Коларуссо резюмирует, что все люди «связаны гораздо более явными культурными и кровными узами, чем мы когда-либо могли себе представить».

Что касается термина «кавказская (или белая) раса», в настоящее время имеют место критические высказывания относительно его употребления. Так, американский преподаватель антропологии Кэрл Мукхопадхьяй считает, что использование этого термина вызывает «научный расизм», ошибочную идею о том, что расы появляются естественным образом и что биологически выстроенные ряды человеческих видов и люди кавказской расы превосходят других. Следовательно, употребление терминов как «кавказец», так и «белый» в современных США нередко воспринимается как проявление расизма.

В этой связи интерес представляет другое положение, согласно которому распространенность термина «кавказская» (раса) в Америке аргументируется стремлением заменить «расистское слово» «белый» (человек) на более научный термин «кавказец» (Caucasian), являющийся индикатором беспристрастного отношения к расовым различиям⁵.

Интересно отметить, что русский корреспондент А. Репин, побывав в Соединенных Штатах Америки и столкнувшись с термином «кавказец», неожиданно для него самого определившем его расовую принадлежность, в начале XXI столетия пишет: «Не удивляйтесь, славяне, если, оказавшись в США, вы станете лицами кавказской национальности».

Именно благодаря белизне кожи, красоте, благородству происхождения и этническим особенностям кавказцы стали объектом научных исследований основоположников антропологии, что впоследствии побудило их назвать белую расу кавказской. Поэтому народам Кавказа следует проникнуться чувством патриотизма и гордости за своих предков, сформировавших эстетически прекрасный образ человека, и стремиться ему соответствовать, занимая достойное место в культурном разнообразии многонациональной России.

Безусловно, любая дискриминация (будь это раса, национальность, возраст и т.д.) неприемлема в наше время. История прожита, написана и невозвратима. Порабощение представителей черной расы белыми ушло в прошлое. Однако классификация людей по расовой принадлежности как один из видов систематизации продолжает существовать. В данной статье речь идет о принятой терминологии расовой классификации, существующей уже более двух веков, а не злоупотреблении ею для оправдания ущемления каких-либо прав людей на основе «преимущества» некоторых человеческих групп перед другими или дискриминации, основанной исключительно на расовых различиях.

Человечество восходит к общему источнику, чему свидетельствуют многочисленные академические исследования, включая и обозначенные в данной работе. Нельзя забывать, что, несмотря на видимое разнообразие, мы все – люди планеты с общими корнями и родственными связями.

Примечания

1. *Johann Friedrich Blumenbach*. On the Natural Variety of Mankind, 3rd ed. / The Anthropological Treatises of Johann Friedrich Blumenbach, tr. And ed. Thomas Bendyshe. 1795. 145–276 pp. London: Green, Longman, Roberts and Green for the Anthropological Society.
2. *Christoph Meiners*. The Outline of History of Mankind. 1785.
3. *John Colarusso*. Prometheus among the Circassians 1989.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Философия духа. 1817 // *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. Ч. 3. 471 с.
5. *Nell Irvin Painter*. Why White People Are Called ‘Caucasian?’ Proceedings of the Fifth Annual Gilder Lehrman Center International Conference at Yale University Collective Degradation: Slavery and the Construction of Race November 7–8, 2003. Yale University New Haven, Connecticut. 37 pages.

E. V. Maremukova

CAUCASIAN RACE

The article is devoted to diachronic analysis of the term «Caucasian race». On the basis of extensive factual material the author ascertains the peculiarities of term «Caucasian» usage in relation to human race as opposed to definition «Europeoid», widespread in the Russian Federation.

Keywords: race, Caucasian, human, craniology, anthropology, terminology, ethnology, linguistics.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 17.02(470.64)

Б.Х. Бгажноков

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ *(По материалам исследований в Кабардино-Балкарии)**

В основу оценки общества могут быть положены, с одной стороны, природно-географические характеристики территории, с другой – духовно-нравственные качества и общий настрой людей, населяющих данную территорию. Сумму характеристик первого типа мы называем условно силой территории, а духовно-нравственные качества местных жителей – силой населения. Эффективным и благополучным обществом, или обществом устойчивого развития и роста, является, таким образом, социум, в котором сила населения равна или превышает силу территории.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, нравственно-экологическая деструкция, социальная энтропия, бифуркация, малое общество, аномия.

Общая характеристика кризиса

Кризис в Кабардино-Балкарии складывался в течение многих десятилетий из большого разнообразия сложных социально-экономических, культурно-исторических, правовых, духовно-нравственных проблем, приобретая постепенно четкие очертания в каждой из этих сфер. К настоящему времени обозначились и некоторые наиболее важные структурные единицы или блоки кризиса:

1) неэффективное использование природных и материальных ресурсов территории, реиндустриализация, развал промышленности и в целом экономики республики, 2) игнорирование общереспубликанских интересов, дезинтеграция общества, нарастание кланового и этнического феминизма, 3) социальная энтропия, реификация (отчуждение) богатого культурно-исторического опыта и капитала, 4) низкий уровень самочувствия населения, неудовлетворенность жизнью, крушение надежд на лучшее будущее, 5) кризис доверия и социальная ленность.

По данным Министерства экономического развития РФ в 2011 г. в общем списке 83 регионов страны Кабардино-Балкария занимала последние места по всем наиболее важным показателям¹: по уровню валового регионального продукта на душу населения – 80; по среднемесячной номинальной заработной плате – 80; по уровню занятости населения – 80; по площади жилых помещений на одного жителя – 80; по числу легковых автомобилей на 1000 человек – 73; по покупательской способности (обороту розничной торговли на душу населения) – 66. Только в сельском хозяйстве наметились позитивные изменения – 36 место по объему продукции на душу населения.

То же наблюдалось и в последующие годы. В течение 2011–2013 гг. позиции Кабардино-Балкарии – в зоне самых отсталых регионов РФ². Например, по объему

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13-06-00666, «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (На примере Кабардино-Балкарии)» на основе доклада «Нравственная экология малых обществ», сделанного на международном симпозиуме «Устойчивое развитие: проблемы, концепции, модели».

производства товаров и услуг на одного жителя республика была на 78 месте в 2011 г., на 76 месте – в 2012 г., на 77 месте – в 2013 г. По собираемости налогов соответственно – на 80, 83, 83 местах; по ВРП на душу населения – на 80, 82, 82 местах; по инвестициям в основной капитал на одного жителя – на 81, 76, 82 местах. И так практически по всем другим показателям.

Среднемесячная начисленная заработная плата жителей республики также одна из самых низких в стране: 13 тыс. – в 2011 г., 16 тыс. – в 2012 г., 19 тыс. – в 2013 г. В 2014 г. – снова лишь 19 тыс. Доля работающих с зарплатой менее 9 тыс. руб. составила в 2013 г. 30,4 %. Фактически это доля трудящегося населения, находящегося за чертой бедности или близко к этой черте. Попросту говоря, это нищие, так как растяжимая сумма ниже 9 тыс. руб. не всегда покрывает даже величину прожиточного минимума, приближаясь чаще всего к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), равному 5,960 тыс. руб.

20 августа 2014 г. Правительство КБР установило величину прожиточного минимума для населения Кабардино-Балкарии в размере 7,156 тыс. руб. (Постановление № 186-ПП). Ясно, что на эти деньги можно только выживать, но жить в сколько-нибудь сносных условиях невозможно. К тому же десятки тысяч жителей республики не имеют в своем распоряжении даже этой мизерной суммы.

В последние годы численность бедных слоев населения растет еще и по той причине, что рост денежных доходов населения не поспевает за ростом цен. По тому, как относятся денежные доходы населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, позиция Кабардино-Балкарии, постоянно снижаясь, оказалась в 2013 г. на 77 месте. В 2014 г., судя по предварительным данным января – сентября, зарплата осталась практически на том же уровне³. При этом доля работников с зарплатой более 75 тыс. рублей очень мала – всего 1,2 %. Для сравнения: в Ненецком автономном округе она больше почти в 20 раз, в Якутии – в 10 раз, в Еврейской автономной области – в 3 раза⁴.

Коэффициент неравенства зарплат (35,4), или индекс Джинни в Кабардино-Балкарии говорит в этих условиях лишь о том, что в республике вообще нет или почти нет богатых людей, что в основном все население одинаково или сравнительно одинаково бедное. Происходит размывание среднего класса, увеличивается численность бедных и беднейших слоев населения. Число по-настоящему богатых людей составляет не более одного человека на 10 тыс. жителей. В основном это не предприниматели, а высокопоставленные бюрократы. На фоне растущей бедности основной массы населения бросающееся в глаза богатство и демонстративное чванство людей вызывает всеобщее раздражение, создает эффект так называемой относительной депрециации.

Большим препятствием для устойчивого развития малых многонациональных территорий, подобных Кабардино-Балкарии, является, кроме того, более чем скромное государственное субсидирование культуры, науки, образования, воспитания; слабая вовлеченность бизнеса в финансирование инициатив и проектов социальной, культурной самоорганизации. Все более ощутимыми становятся трудности, связанные с содержанием громоздкого аппарата управления, большого штата контролирующих, проверяющих органов, работников правоохранительной сферы. При этом экономическая отсталость идет рука об руку с депрофессионализацией и аномическим разделением труда, когда рабочие места и должности распределяются не по способностям и реальным заслугам, а по некоторым другим соображениям: родство, знакомство, послушание, слухи и др. Ощущается связанный с этим кадровый голод при избытке дипломированных, но безграмотных, безответственных работников.

Высоким остается в то же время уровень безработицы, пополняя число жителей республики, находящихся за чертой бедности. Согласно официальным данным, в 2013 г. уровень безработицы составлял 10,5% к общему числу

трудоспособного населения (76-е место в рейтинге регионов РФ). Но реально общее число безработных в Кабардино-Балкарии гораздо больше.

При слабом развитии гражданского общества сохраняется и поддерживается (во многом искусственно, через агентов влияния) напряженность между народами республики. Возрастает противостояние различных течений ислама. Снижается на этом фоне авторитет традиционных институтов соционормативной и гуманитарной культуры. Адыгская этика, признанная по своему содержанию одной из самых богатых в мире, вообще исключена из общественного внимания и сознания. Предано забвению наследие великого морального философа Жабаги Казаного, закладной камень которому стыдливо сдвинут на обочину площади перед Домом правительства.

Такие вещи не проходят бесследно. Они неизбежно отражаются на состоянии общества, на состоянии каждого человека. Разрушается исторически сложившийся механизм трансляции культуры, полноценная, этически выверенная связь времен, которая обеспечивалась такими механизмами как мораль, религия, традиция, обычай, ритуал.

Нарушение преемственности, отказ от богатого культурного наследия и опыта – одна из главных причин кризиса. Люди плохо представляют смысл и назначение своего существования. Разучились работать, дружить, держать слово, благодарить, извиняться, сочувствовать, помогать в трудную минуту ... молча, уважительно и внимательно выслушать. Нарастает вследствие всего этого взаимное непонимание, разобщенность, растерянность, снижается уровень доверия между членами отдельных социальных групп и общества в целом. Во всех слоях населения дает о себе знать отсутствие четких представлений о гражданской позиции, о моральных принципах, о культуре. Не развиваются на должном уровне способность суждения и критическая грамотность. Вытеснены понятия о мужестве, о чести, о любви к родине, о государственных интересах.

Вопрос о защите интересов республики даже не обсуждается, не возникает вообще. Поэтому нет сплоченности, органической солидарности общества. Уровень гражданской ответственности и идентификации с республикой, с ее проблемами и судьбами крайне низок. Само понятие «Кабардино-Балкария» не воспринимается как сообщество людей, разделяющих одни и те же ценности, стремящихся к достижению одних и тех же целей.

На фоне аномии (деградации морали) и сравнительно большой плотности населения фактором, сдерживающим развитие республики, становится малый размер кабардино-балкарского общества. Возникающая на этой почве высокая конкуренция, скрытая и открытая борьба за рабочие места и должности соединяется с завышенными притязаниями и ожиданиями, иждивенческими и патерналистскими настроениями, порождает склоки, зависть, нездоровое соперничество и противостояние различных групп населения. Обычным явлением становится хорошо отработанная система запуска ксенофобски окрашенных коллективных писем, анонимных жалоб, обысков, рейдерских захватов, всевозможных разборок с вовлечением различных государственных органов и служб в эти разборки. По существу перед нами война всех против всех. И это еще больше расшатывает устои общества, не позволяет ему объединиться – во имя преодоления кризиса и решения актуальных задач социально-экономического и духовно-нравственного развития. Даже религию и религиозную культуру местного населения удалось расколоть. И этот раскол все больше и больше дает о себе знать в умонастроениях, в поведении, во внешнем облике людей. Идет, по словам одного из членов общественной палаты КБР, латентная гражданская война, и это уже не терроризм в чистом виде, а нечто более глубокое⁵.

Обычным явлением стало нарушение прав человека. Например, в нарушение избирательного права не проводится всенародного избрания мэров городов. Не

розданы крестьянам земельные паи (акция, завершившаяся во всей России еще в начале 90-х гг. прошлого столетия). Не строится социальное жилье. Поколеблена, поставлена под сомнение свобода слова, возможность открытого обсуждения острых проблем. Люди лишены права на получение полной и достоверной информации о том, чем живет республика и что в ней происходит. Электронные СМИ, как правило, сеют и умножают ненависть и вражду. Усугубляя хроническую недостаточность полноценной информации, они еще больше дезорганизуют, расшатывают кабардино-балкарское общество.

Люди в этих условиях вынуждены питаться слухами. На основе слухов (порой совершенно невероятных) они выносят свое мнение обо всем, что происходит в республике, выстраивают свои отношения с людьми. Не только на бытовательском, но и на официальном уровне зачастую не факты, а слухи определяют суждения и действия, от которых зависит порой благополучие общества и его частей, репутация и судьба отдельного коллектива или человека. Слухи (и анонимки, как составная часть слухов) стали доминирующим фактором внутренней жизни и политической культуры в республике.

Ограничено и нарушено тем временем право на знание и понимание своего прошлого, на сохранение исторической памяти. Нет полноценных учебников по истории, природоведению, географии, традиционной культуре. Не увековечена память жертв ленинско-сталинских репрессий, в результате которых были уничтожены лучшие представители высших сословий, духовенства, зарождавшейся национальной буржуазии и интеллигенции. Не поднимается вопрос о создании музея Кавказской войны и черкесского махаджирства, хотя, казалось, именно с этого следовало начинать возрождение республики после длительного периода замалчивания самой масштабной трагедии XIX в.

Станным образом руководители республики постоянно отказываются от многого, что способно повысить престиж, общую культуру и благосостояние Кабардино-Балкарии, самоуважение и взаимоуважение народов республики. Еще в 60-х гг. прошлого столетия руководители КБР первыми в России отказались от преподавания на родных языках и сильно ограничили их преподавание как предмета. Отказались вслед за этим от создания киностудии, отсутствие которой негативно сказывается сейчас на развитии общей культуры. Недавно по собственной инициативе и просьбе вывели часть научных институтов республики из состава Российской академии наук, лишив их статуса академических. Принижено тем самым место в российском и кабардино-балкарском обществе Института гуманитарных исследований – одного из старейших и авторитетнейших в России. В свое время, лет 10–15 назад, также поступили руководители республики с Институтом повышения квалификации учителей, безжалостно разрушив все, что создавалось и налаживалось там в течение многих десятилетий. Теперь все говорят о том, как больно ударило это по состоянию дел в сфере образования и воспитания, о том, что нарушены не только права учителей на повышение своей квалификации, но и права детей на полноценное, идущее в ногу со временем образование и воспитание. Однако восстановить работу таких серьезных и сложных учреждений теперь очень трудно.

Страсть к разрушению всегда преобладала над желанием создать что-либо новое, полезное, значительное. Центрами подъема культурной жизни и гражданского патриотизма могли бы стать такие, к сожалению, не созданные учреждения, как музей (галерея) современного искусства, Дом ученых, Дом техники, историческое общество. Не получила поддержки и развития идея создания в составе РАН Центра сравнительных исследований Кавказа. Давно упущена возможность создания Политехнического института на базе одноименного техникума. Не созданы нормальные условия для работы Краеведческого музея и Музея изобразительных искусств.

Трудно понять, почему в этих и в других важных вопросах, связанных с образованием, воспитанием, наукой, руководители республики, мало считаясь с мнением специалистов и общественности, полагаются на оценки чиновников, которые десятилетиями плетут свои интриги в коридорах власти. Почему отказываются от помощи и советов таких корифеев культуры, как Александр Сокуров, Михаил Шемякин, Юрий Темирканов, от помощи, которую постоянно предлагают Российская академия наук, известные на весь мир ученые.

Никакому объяснению не поддается подчеркнуто демонстративное нарушение права на сохранение и развитие родных языков. Почему не соблюдается Закон о языках, который был принят еще в 1996 г. и мог бы не только морально поддержать языки местного населения, но и сблизить, сплотить народы Кабардино-Балкарии? Почему при правительстве КБР не создана действующая во многих других республиках РФ комиссия по развитию и нормированию языков коренных народов? Необходимые для этого документы были подготовлены и приняты еще в начале 2010 г. Но поручение Председателя правительства КБР о доведении этого вопроса до логического завершения не было исполнено, фактически бойкотировалось вице-премьером Правительства и Министерством образования и науки КБР. Тем временем в школах республики давно, едва начавшись, прекращено преподавание на родных языках и сильно ограничено их изучение как отдельных предметов. Прекращено также преподавание традиционной этики и этикета, полноценное общение и воспитание на родном языке, в том числе и в дошкольных учреждениях.

Досадные ошибки в управлении, связанный с этим низкий уровень доверия, общественного сознания, самосознания и самочувствия людей являются главными причинами системного кризиса в Кабардино-Балкарии, ее экономической и культурной отсталости.

Низкий уровень социального самочувствия

Преобладание пессимистических настроений в республике показали результаты социологического исследования, проведенного нами еще в 2003 г.⁶ Опросом были охвачены 364 человека из числа сравнительно благополучной, хорошо устроенной интеллигенции: 100 кабардинцев, 100 балкарцев, 100 русских, 64 – представителя других национальностей. Уровень социального самочувствия респондентов оказался в целом невысоким, ниже средних отметок при особенно низких показателях этнического самочувствия (см. табл. 1).

Выяснилось также, что *при сравнительно высоком этническом самочувствии люди склонны позитивно оценивать свое материальное положение и многие другие стороны социальной жизни, а при низком – видеть то же самое в негативном свете.* Такую зависимость в явной и жесткой форме демонстрировали, и сейчас демонстрируют практически в равной степени все национальности республики. Это свидетельствует, кроме всего прочего, о неудовлетворенности населения состоянием традиционной культуры, о блокировании многих форм и проявлений национального чувства и интереса.

Таблица 1

Сравнительные данные уровней социального и этнического самочувствия в Кабардино-Балкарии (в %)

	Социальное самочувствие			Этническое самочувствие		
	плохое	среднее	хорошее	плохое	среднее	хорошее
Весь массив	28,6	44,1	27,2	31,9	51,6	16,5
Кабардинцы	30,1	37,9	32,0	31,1	46,6	22,3
Балкарцы	23,2	40,9	35,9	37,7	49,7	12,6
Русские	32,6	53,5	13,8	26,8	58,4	14,8
Прочие	28,0	60,0	12,0	40,0	40,0	20,0

Негативно действует на людей ощущение, что перспективы их этнического бытия и развития в целом сомнительны и безрадостны. Убеждение в том, что в ближайшие пять лет в жизни их народов произойдут существенные изменения к лучшему, высказали только 18% русских, 22,8% балкарцев и 26,2% кабардинцев. Пессимистический прогноз почти в два раза превышал оптимистический.

Этим можно объяснить уверенность большого числа респондентов в том, что не только в пределах Кабардино-Балкарии, но и в Российской Федерации их жизненные цели недостижимы. Отсюда нейротизм и негативные аффекты, заставляющие одних, главным образом, сельских жителей, смириться с условиями своего существования, а других, более активных и уверенных в своих силах, мигрировать в другие области России или за рубеж. По этой причине общая численность жителей Кабардино-Балкарии постоянно снижается. В 2002 г. численность населения республики достигала 901 тыс. человек, а в 2010 г. составляла только 858 тыс.

Особенно высоким является отток русского, а также вслед за ним кабардинского населения. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. Кабардино-Балкария оказалась в числе 20 субъектов РФ, в которых численность населения сократилась за счет превышения миграционного оттока над естественным приростом⁷. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2002–2010 гг. Кабардино-Балкарию ежегодно покидали от 26 до 37 человек на каждые 10 000 населения. Миграция со всеми ее плюсами и минусами стала одной из самых значительных черт образа жизни кабардино-балкарского общества.

В меньшей степени, но в принципе такая же картина наблюдалась и в последующие годы. По опубликованным в 2014 г. данным Росстата в 2013 г. коэффициент миграционного сокращения численности постоянного населения республики достиг 7,2, что в количественном выражении составляет 6202 человека⁸. При естественном приросте 5653 человека это свидетельствует о сокращении общей численности населения на 549 человек по сравнению с 2012 г.⁹ Фактически, на протяжении всех 25 последних лет, сальдо внешней миграции в Кабардино-Балкарии остается отрицательным, что свидетельствует о постоянном оттоке из республики ее постоянных жителей. Главным образом это городские жители – молодые, хорошо образованные люди, которые в Кабардино-Балкарии не смогли найти работу.

Как видно из табл. 2, в 2003 г. лишь 44,3% опрошенных считали, что в Кабардино-Балкарии они смогут реализовать свои силы, знания и способности. Из них русские составляли 36,6%, кабардинцы – 41%, балкарцы – 55,9%. Заметьте при этом, что среди кабардинцев-горожан 26,5% наибольшие перспективы для своей самореализации видели за пределами Кабардино-Балкарии и почти столько же – 24,5% – за пределами России.

Таблица 2

*Где вы смогли бы лучше реализовать себя –
свои силы, знания, способности?*

Характер ответов	Кабардинцы			Балкарцы			Русские		
	весь массив	город	село	весь массив	город	село	весь массив	город	село
В КБР	41,0	30,6	50,9	55,9	46,4	67,4	36,6	38,0	36,7
За пределами КБР	17,1	26,5	9,1	19,6	26,8	13,0	37,6	44,0	32,7
За пределами РФ	18,1	24,5	10,9	10,8	17,9	2,2	5,9	2,0	10,2
Трудно сказать	21,9	16,3	27,3	13,7	8,9	17,4	20,7	18,0	20,4

Среди причин, подталкивавших к миграции, можно назвать также неудовлетворенность уровнем безопасности в республике. Среди опрошенных русских и кабардинцев она составила соответственно 53,5% и 50,1%, среди балкарцев – 37,3%. Самыми защищенными в этом смысле чувствовали себя

балкарцы, из числа которых лишь 17,4 % сочли уровень своей безопасности неудовлетворительным. У русских сельских жителей такого мнения придерживались 53,1 %, у кабардинцев – 45,4%.

Общий сравнительно низкий уровень социального самочувствия сохраняется в Кабардино-Балкарии и в настоящее время. По данным социологического исследования, проведенного в 2012 г. Институтом гуманитарных исследований РАН, 52,4% населения оценили свое экономическое положение как плохое и лишь 36,6% как удовлетворительное¹⁰. Не удовлетворены общим положением дел в республике 60,5% населения. При этом 45,3% не ожидали улучшений в течение ближайших 12 месяцев. В числе главных проблем, вызывающих социальное беспокойство, указывали не только на безработицу (67,4%), рост цен и инфляцию (74,2%), бедность и обнищание населения (57%), но также на несправедливое распределение доходов, резкое расслоение на богатых и бедных (48,4%), кризис морали (36,4%), засилье и произвол чиновников (29,6%). Резко негативно отзывались о правоохранительной и судебной системе как о структурах, погрязших в коррупции, в выполнении сомнительного свойства услуг и заказов. И в самом деле, впечатление такое, что в Кабардино-Балкарии работники этой сферы забыли о своем истинном предназначении – «обеспечивать достойную жизнь граждан», способствовать тому, чтобы создавать условия для производства всего, что необходимо населению для достойного, полноценного существования¹¹.

Понятно, что опросы населения дают нам эмоциональные оценки – не всегда и не вполне объективные, обусловленные в данном случае воспоминаниями о стабильной, экономически развитой и процветающей Кабардино-Балкарии советских времен, о богатых традициях этической рационализации жизненного пространства, когда сохранялись еще остатки бывшего единства и авторитета традиционной культуры. Они связаны также с вполне понятными амбициями населения, с завышенными ожиданиями и претензиями сравнительно быстрого, обещанного властями преодоления депрессии постсоветского периода.

Сейчас уже точно можно сказать, что эти ожидания не оправдались. Масштабы экономической и нравственно-экологической депрециации и деструкции в Кабардино-Балкарии не снижаются. На протяжении многих лет республика остается в числе самых депрессивных регионов не только по уровню социально-экономического положения, но в еще большей степени по уровню социального самочувствия и самоуважения населения. В рейтинге социального самочувствия регионов России за 2013 г. Кабардино-Балкария оказалась на 78 месте, опережая только Архангельскую область и значительно уступая Карачаево-Черкесии и Татарстану (5 место), Республике Тыва (8 место), Башкортостану (11 место), Республике Коми (16 место), Бурятии (19 место), Дагестану (28 место)¹².

О причинах экономической отсталости

Конечно, нельзя видеть все только в мрачном свете и не замечать ничего хорошего в жизни Кабардино-Балкарии. В течение 10 последних лет в республике произошли определенные позитивные изменения, что связано во многом с подъемом российской экономики в целом. Снизился уровень дотационности республики – с 65% в 2005 г. до 49% в 2013 г. Преобразился в лучшую сторону облик сел и городов, повысились доходы населения. Сдержанный оптимизм вызывают успехи сельского хозяйства. Почти в три раза по сравнению с 2004–2005 гг. сократилась численность безработных. Оживилось дорожное строительство, строительство и ремонт жилья. Радует глаз Атажукинский сад в Нальчике. До этого практически заброшенный, а теперь ухоженный и уютный, он вновь стал любимым местом отдыха горожан. Приведен в порядок Дворец спорта, выросли рядом с ним новые современные спортивные сооружения.

Совсем недавно, в 2014 г., введено в строй большое число новых объектов, среди которых 40 новых фельдшерско-акушерских пунктов в селах республики, 7 дошкольных учреждений, 4 физкультурно-оздоровительных комплекса, больничный комплекс на 120 мест, автодорога Кисловодск–Эльбрус протяженностью 72 км. Положительные сдвиги есть в сфере общественного транспорта.

Появилось много черт западного образа жизни, возросло стремление улучшить быт, украсить жизнь, поправить здоровье и организовать отдых. Бурно, преодолевая все препятствия, развивается сфера разнообразных услуг, что в свою очередь способствует возрастанию учтивости, услужливости, взаимного понимания. Восстанавливаются (с большим трудом преодолевая все барьеры) традиции эмпатического мышления и поведения. Не последнюю роль играет здесь и экономический фактор. В обществе, где предложение опережает спрос и поддерживается элементарный социальный порядок, вежливость становится одним из главных рычагов успешной работы. Период дикого капитализма закончился. У жителей Кабардино-Балкарии, как и повсюду в России, появился вкус к жизни, слабая надежда на то, что еще не все потеряно.

Безусловно, все это имеет определенный негэнтропийный эффект и прямо связано не только с успехами социально-экономического развития Российской Федерации в целом, но также с усилиями руководства и народа Кабардино-Балкарии, направленными на улучшение общей ситуации в республике. Особенно яркими, взрывными были изменения 2006 – начала 2008 гг. Это был период оживления экономики, культуры, заметного улучшения быта и сферы услуг – период всеобщего воодушевления народа Кабардино-Балкарии. Но затем все пошло постепенно на убыль. Поэтому остаются, к сожалению, многие и прежде всего самые главные социально-экономические и нравственно-экологические проблемы, унаследованные от 90-х гг. прошлого века. А некоторые из них становятся еще острее. Прямо скажем, российское экономическое чудо 2003–2008 гг. мало затронуло республику, фактически обошло ее стороной.

Экономическая отсталость республики связана во многом с ошибками в планировании, в выборе приоритетов развития и роста. Например, большие надежды возлагались на развитие рекреационного комплекса и туристического кластера. Но этот проект оказался однозначно провальным. И дело здесь не только в неожиданном всплеске религиозного экстремизма и терроризма, отпугнувшем инвесторов и туристов. Главная причина в том, что уже не вернутся времена, когда путевки в санатории, дома отдыха, турбазы раздавались через профсоюзы бесплатно, целенаправленно и планомерно на всех предприятиях громадной страны от Душанбе до Магадана, от Калининграда до Владивостока.

Привлечь в республику иностранные инвестиции также трудно. С такой территорией, как Кабардино-Балкария, мало кто хочет иметь дело. Повсюду, в России и за рубежом республика воспринимается как черная дыра, в которой исчезают неизвестно куда федеральные деньги, деньги инвесторов, а вместе с этим и мечты людей о достатке, покое, благополучии. Заметим в данной связи, что объем иностранных инвестиций в республику всегда был равен нулю. А объем российских инвестиций в основной капитал в расчете на одного жителя составлял в 2011 г. 20,54 тыс. руб., в 2012 г. – 29,77, в 2013 г. – 25,69¹³. Это мизерные суммы, по которым Кабардино-Балкария занимала в последние годы 82 место среди субъектов РФ.

Должен заметить в данной связи, что провальной является в целом вся стратегия социально-экономического развития республики до 2030 г., разработанная Министерством экономики и Институтом информатики КБНЦ РАН. Ставка сделана в ней на подъем сельского хозяйства, развитие туризма и сферы услуг без должного внимания к возможностям промышленного развития и роста, развития малого и среднего бизнеса. Совершенно не оправдана сама постановка вопроса,

согласно которой Кабардино-Балкарии отводится роль аграрной, а не индустриальной республики. Это, в сущности, движение вспять, к состоянию 20-х гг. прошлого столетия.

Курс на деиндустриализацию республики привел к разрушению промышленности. Большинство некогда очень крупных и процветающих заводов и фабрик республики были приватизированы в свое время правительственными чиновниками, их родственниками, друзьями, которые поживились там, как могли, разрушили все, что можно было разрушить. Более чем красноречивый пример – история градообразующего Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината. На данном комбинате были заняты 10 тыс. человек, при общей численности города 27 тыс. человек. Ежегодно только на строительство и развитие комбината выделялись около 110–120 млн советских рублей¹⁴. Теперь комбинат пришел в полное запустение. Вместе с ним угас и обветшал г. Тырнауз.

Большую помощь в преодолении экономической отсталости мог бы оказать малый бизнес, из которого вырастает обычно средний бизнес. Однако, несмотря на традиционное трудолюбие и предприимчивость жителей республики, бизнес плохо развивается. Во-первых, из-за низкого потребительского спроса или бедности населения в целом. Во-вторых, из-за дани, которой обложили его разного рода проверяющие органы, начиная с работников УБЭП заканчивая пожарниками и работниками трудовой инспекции. Заниматься успешно бизнесом и вообще – хорошо работать в Кабардино-Балкарии не только не выгодно, но иногда даже небезопасно. Алчность и мелочная опека контролирующих и других органов, грубое вмешательство правительственных чиновников в работу предприятий стали одним из главных препятствий экономического развития Кабардино-Балкарии. И отсюда результат – 79 место по уровню экономического развития и развитию малого бизнеса в рейтинге регионов России за 2013 г.

Еще одним приоритетным направлением в стратегии социально-экономического развития Кабардино-Балкарии было названо жилищное строительство. Но и здесь никакого прорыва не наблюдается. Действительно, сейчас в г. Нальчике стали больше строить. Это заметно. Но лишь потому, что до 2005 г. вообще ничего не строилось, если не считать особняков правящей бюрократии и людей, приближенных к ней. Все только разрушалось, пополняя число ветхих строений и зданий.

Однако и то, что мы видим сейчас, полноценным строительством не назовешь. За редким исключением строения воздвигаются по какому-то иезуитскому плану, чтобы всячески осложнить жизнь людей как в этих домах, так и в районах, где идет строительство: нет нормальных подъездных путей, тротуаров, просторных, благоустроенных дворов, скверов; нет поблизости полноценных магазинов, рынков, а также школ, детских садов, парков и скверов для отдыха горожан; невозможно просто зайти в купленную квартиру и жить, а приходится принимать помещения с голыми, даже неоштукатуренными стенами, без отопления, без стяжек, без элементарного оборудования кухонь и ванных комнат; приходится затем несколько лет все это самим достраивать. Поэтому, к примеру, многие вроде бы построенные и сданные дома в г. Нальчике десятки лет остаются незаселенными, фактически недостроенными. Некоторые из них были начаты еще в конце 80-х гг. прошлого столетия.

Для полноты картины остается только добавить, что в большинстве своем эти дома, называемые по какому-то недоразумению элитными, на самом деле напоминают (в том числе и внешне) общежития советского времени, многоэтажные строения барачного типа. Приземистые, серые, невзрачные, чаще всего они только уродуют и без того ставший весьма неприглядным ландшафт городов республики, в том числе и особенно ее столицы – г. Нальчика. Районы, где строятся эти, с позволения сказать, элитные дома, превращаются постепенно в трущобы с нагромождением грязи и мусора в тесных, унылого вида дворах. Работников

ЖКХ, занятых в основном лишь денежными вопросами, это мало волнует. Тем временем жители постепенно опускаются и привыкают жить в этой эстетически агрессивной среде. Не пытаясь призвать к ответственности городские службы, они и сами не участвуют в обустройстве своих улиц, дворов, подъездов, не соблюдают чистоту в публичных местах.

Нравственно-экологическая деструкция

Возвращаясь к статистике, следует еще раз подчеркнуть, что на протяжении всего постсоветского периода Кабардино-Балкария отставала от всех других регионов Российской Федерации. Заметных положительных сдвигов не наблюдается и в последние годы. В рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ республика занимала 75 место по итогам 2011 г., 78 место – по итогам 2012 г., 77 место – по итогам 2013 г.¹⁵ Аналогичным образом распределяются места республики в рейтинге регионов по качеству жизни¹⁶. Особенно низкими являются показатели экономического развития и развития малого бизнеса. По этим показателям в 2013 г. Кабардино-Балкария находилась на 79 месте в общем списке субъектов РФ¹⁷. А по доле прибыльных предприятий – на 65 месте.

Таблица 3

*Кабардино-Балкария в рейтинге
по качеству жизни субъектов РФ в 2013 г.*

Уровень доходов населения	76
Жилищные условия населения	39
Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры	77
Экологические и климатические условия	9
Безопасность проживания	68
Демографическая ситуация	43,3
Здоровье населения и уровень образования	17
Освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры	40
Уровень экономического развития	79
Развитие малого бизнеса	79
Место в рейтинге регионов России	77

Как видим, при крайне низком уровне экономического развития и доходов населения (79 и 76 позиции) в республике прекрасные экологические и климатические условия (9 место в рейтинге регионов), схожие с условиями Швейцарии. Достаточно высоки показатели здоровья и уровня образования населения (17 позиция). Обращают на себя внимание и другие, сравнительно хорошие показатели: жилищные условия (39 место), более или менее развитая транспортная инфраструктура и освоенность территории (40 место).

Села и города республики расположились в красивых долинах, на берегах живописных рек, на фоне величайших гор Европы, среди которых возвышается двуглавый Эльбрус. Удачно во всех отношениях расположена столица Кабардино-Балкарии – г. Нальчик с ее величественным Домом Советов, с благородной статью Дома печати, с неповторимой, сказочной красотой площади Абхазии, с самым лучшим в России парком с поэтичным названием «Атажукинский сад», с великолепным Зеленым театром в центре этого сада. С памятниками Марии Темрюковне, Беталу Калмыкову, Алиму Кешокову, Кайсыну Кулиеву, Али Шогенцукову, Михаилу Лермонтову, с захватывающей дух триумфальной аркой на въезде в город. Окруженный в виде подковы лесистыми горами и холмами, Нальчик

защищен от ветров и наводнений, от чрезмерного холода и жары. На одном из этих холмов, как гений места, отвращающий от столицы все его беды, нависает над городом нарт Сосруко с факелом в руке – символом света, тепла, внутренней энергии и вечности народной жизни.

Однако на фоне общей крайне неприглядной картины и бездарной застройки последних 50–60 лет все это, к сожалению, меркнет и постепенно перестает радовать. Обидно, что нет перемен к лучшему, что город, который когда-то поражал всех своей красотой, чистотой, уютом и мог стать одним из самых красивых в России и Европе, стал теперь таким неухоженным, заброшенным. Сейчас в рейтинге лучших городов России он не попадает даже в первую сотню (110 место по итогам 2013 г). И это понятно. Фактически в Нальчике только три более или менее приличные улицы: проспекты Ленина, Шогенцукова и Кулиева. Вот, пожалуй, и весь список. Все остальные улицы, как правило, узкие, грязные, серые, во многих местах без тротуаров (или вообще без тротуаров), с убогими остановками, сросшимися со столь же убогими магазинчиками и киосками. Зброшена и запущена Кабардинская улица, разрушится скоро расположенный здесь уникальный во всех отношениях кинотеатр «Победа».

Настоящей головной болью для жителей города стали многочисленные пробки и тупики. На некоторых даже недавно образовавшихся улицах едва разъезжаются две машины. И при этом повсюду грязь, мусор, отвратительный кислый запах, выедающий глаза воздух. В разносчики грязи, пыли, дурного запаха превратились районы дачных участков в Предгорном, в Дубках, в других районах столицы. По существу, это искусственно созданные антисанитарные зоны с нагромождением кривых улочек и странного вида домов и домишек. Удручающее впечатление производит улица Кирова, по которой едут часто нальчане и гости столицы из аэропорта и междугородного вокзала. Вид этой улицы напугал одного моего знакомого из Кисловодска настолько, что, не пожелав остаться в городе даже на один час, он сразу же уехал назад на вечернем автобусе.

О том, что в Нальчике строят не то, не так и не там, свидетельствует за редким исключением все, что сделано в последние десятилетия: районы, улицы, дома, памятники. Достаточно посмотреть на циклопический фонтан на площади перед Домом Правительства или на здание Сбербанка России едва ли не на проезжей части улиц Пушкина и Кешокова – и без того сильно загруженных. Трудно понять, почему власти города отказались строить мечеть там, где это намечалось с самого начала (рядом с садиком Свободы). Почему затем построили мечеть в конце улицы Шогенцукова, разрушив прекрасное здание кинотеатра «Ударник»? Почему для удобства мусульман в каждом районе города не построены другие, еще более красивые и уютные мечети? О чем думали архитекторы и проектировщики города, втиснувшие (срубив деревья) огромный, странного вида памятник жертвам Кавказской войны в аллею, которая была любимым местом встреч и прогулок горожан?

Такие безобразия творятся повсюду, во всех городах и селах республики. Например, в самом центре г. Баксана снесли капитальное и уникальное во всех отношениях здание районного клуба лишь для того, чтобы построить на этом месте бензоколонку.

Все это свидетельствует о том, что сравнительно хорошие базовые условия республики, о которых мы говорили, не используются достаточно разумно, грамотно, с вниманием к нуждам людей. Большая доля вины за тяжелую обстановку в Кабардино-Балкарии ложится на управленцев. Это они не сумели произвести должным образом структурную реорганизацию экономики, создать благоприятный климат для инвестиций, для развития малого и среднего бизнеса; не смогли организовать дело так, чтобы создавались новые предприятия и не разрушались старые, чтобы люди жили в достатке и не выезжали из республики в поисках лучшей жизни,

чтобы чувствовали себя в безопасности и были довольны тем, как обустроены их дома и улицы, села и города. Это они превратили некогда цветущую республику в малоприспособленное для нормальной, полноценной жизни место.

Отсюда и вынесенный им суровый приговор. По итогам рейтинга эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ за 2013 г., обнародованного правительством России на своем официальном сайте, Кабардино-Балкария заняла 80-е место.

Можно было бы надеяться, что на смену управленцам «старой закалки» придут новые молодые специалисты – умные, честные, в хорошем смысле честлюбивые. Но не тут-то было. Среди бюрократов нового поколения чаще всего мы видим управленцев, которые гораздо хуже своих старших коллег. Здесь самое время вспомнить о так называемой «Президентской программе по подготовке управленческих кадров», которая была запущена еще в 1997 г. За 18 лет по этой программе уже отучилось в лучших учебных заведениях страны и в лучших бизнес-школах Европы более 2 тыс. человек. Молодых людей от 20 до 40 лет специально отбирали для этого, чтобы научить всему самому передовому, сделать локомотивом кабардино-балкарских реформ, авторами самых лучших замыслов и проектов.

Но, что мы имеем в результате, при содействии этих новых управленцев, которым сейчас уже в среднем по 50 лет? Мы имеем катастрофическую социально-экономическую и культурную отсталость и разруху. А еще – молодежное правительство, которое постоянно пополняет список апатичных бездельников. А ведь на все это потрачено и тратится (получается впустую, во вред самим себе) сотни миллионов рублей. Я не оговорился насчет объема затрат на обучение и подготовку этих кадров и в подтверждение своих слов хочу процитировать слова министра экономического развития и торговли КБР, сказанные им в 2007 г., когда Президентской программе исполнилось 10 лет: *«Мы готовы тратить на каждого до 100 тыс. евро в год. Эти деньги уже заложены в бюджет. Планируем отбирать, направлять, обучать по 50 человек, которые затем начнут работать в органах государственной власти и на предприятиях»*¹⁸.

Подводя итог краткой характеристике главных черт и особенностей системного кризиса кабардино-балкарского общества, следует сказать, что аналогичная ситуация складывается время от времени во многих других малых территориях и государствах, и не только в России. Поэтому мы попытались выработать общий взгляд на специфику подобных ситуаций и состояний. Весь такого рода нежелательный и ненормальный даже с точки зрения элементарного здравого смысла разворот событий в жизни любого общества мы называем *нравственно-экологической деструкцией*. Это рабочее определение данного понятия. *Нравственно-экологическая деструкция – это состояние государства (общества), при котором отсутствует его разумная и этически выверенная привязка к территории, к экзистенциальному пространству. Когда нарушены процессы гармоничного взаимодействия и коэволюции личности и общества, природы и человека, естественного и культурного ландшафта. Когда человеческие качества и состояние важнейших социальных институтов не обеспечивают возможности деятельного и нравственно-аргументированного реагирования на актуальные проблемы общественной жизни.*

Эвристическая ценность данного понятия в том, что, отвлекаясь от сугубо политических и даже экономических аспектов развития, мы можем оценивать эффективность, состоятельность любого общества с нравственно-экологических позиций. В основе оценки общества при таком подходе должны лежать, с одной стороны, природно-географические характеристики территории, с другой – духовно-нравственные качества и общий настрой людей, населяющих данную территорию.

Сумму характеристик первого типа мы называем условно силой территории, а духовно-нравственные качества местных жителей – силой населения. *Эффективным, благополучным обществом, или обществом устойчивого развития и роста является, таким образом, социум, в котором сила населения равна или превышает силу территории.*

Точка бифуркации

По всем признакам события в Кабардино-Балкарии развиваются по сценарию надлома, депрессии, упадка, что в конечном итоге может привести к коллапсу как общему результату негативных процессов и изменений, хотя возможны и варианты успешного преодоления кризиса, открывающие перспективу устойчивого развития и процветания республики.

Опыт показывает, что при этом никакие оценки и решения не бывают идеальными. Помимо ошибочных, могут иметь место правильные в целом подходы, которые, тем не менее, не застрахованы от явных или неявных изъянов или издержек. Многие из них дают о себе знать лишь на этапе исполнения принятого решения и потому требуют оперативного вмешательства и корректировки действий. К примеру, взятый несколько лет назад в России курс на укрепление вертикали власти был, несомненно, верным, вытекавшим из трезвой оценки сложившейся в стране ситуации хаоса и неразберихи. Однако повсюду, и особенно в отдаленных от центра регионах, этот сигнал был использован не только для поддержания порядка, но и для подавления зарождавшихся, не окрепших демократических институтов, для актуализации не самых лучших черт советского образа жизни. А вместе с тем – и для блокирования многих форм культурной инициативы и политического участия.

Реанимация и во многом искусственная поддержка социальной активности населения в виде общественных палат, народных фронтов лишь подчеркнула издержки избыточного давления и контроля сверху. Обратная связь власти с обществом превратилась во многом в имитацию этой связи. И особенно, как мы видим, в регионах, отдаленных от Москвы.

Это привело, в свою очередь к возникновению миниатюрных защитных групп по интересам, – в том числе и откровенно экстремистских, националистических, криминальных. Они заняли нишу, из которой усилиями бесконтрольно и безграмотно действовавшей бюрократии была выброшена позитивно настроенная, трезвомыслящая часть населения, которая испытывает сейчас глубокое разочарование, не верит в возможность перемен к лучшему. И это очень тревожный симптом. По особенностям социального самочувствия можно судить о том, насколько рациональной и оправданной является совокупная деятельность общества. Можно узнать, в конечном итоге, насколько оптимальными, этически и эстетически выверенными являются основные параметры создаваемого и воссоздаваемого экзистенциального пространства. Если эти параметры не отвечают потребностям развития и самоусовершенствования социальной системы, то, испытывая сильное напряжение, она теряет устойчивость, оказывается во власти хаоса и случайностей, перед лицом гибели или выбора новых форм социального бытия.

В современной синергетике этот переломный, критический момент получил название *бифуркации* (от латинского *bi* – двойной и *furcus* – развилка, разветвление). Тем самым подчеркивается, что в дальнейшем система уже не может эволюционировать, следуя прежней траектории, что прежний выбор устарел, исчерпал свои возможности. Каким будет новый выбор – тоже неясно. Но бифуркация в социальных системах, как полагают специалисты, вполне управляема и не обязательно обусловлена игрой случая¹⁹. Все надежды возлагаются в таких обстоятельствах на людей, которые, по словам венгерского ученого Эрвина Ласло,

«смогут «изнутри» смещать в нужную сторону взаимодействие флуктуаций, которое в остальном случайно. Они смогут создавать новые образцы жизни, вырабатывать альтернативные варианты поведения, вводить целесообразные инновации, создавать эффективные, учитывающие потребности окружающей среды социальные и политические движения»²⁰.

Шансы для такого развития событий в современной Кабардино-Балкарии еще остаются. Обнадешивает принятый 10 декабря 2014 г. местным парламентом закон № 64-РЗ «О закреплении за сельскими поселениями отдельных вопросов местного значения». Это закон, предоставляющий сельским поселениям большие полномочия в решении многих вопросов развития подконтрольной территории, вплоть до сохранения и развития языка и традиционной культуры местного населения²¹. Не исключена возможность придания Кабардино-Балкарии (или отдельным районам в ее составе) статуса территории опережающего развития или зоны свободного экономического развития. Этого нужно добиваться. Республика находится сейчас в критическом положении и нуждается в особом и заинтересованном внимании со стороны Федерального центра.

В конце 2014 г. новый глава КБР Ю.А. Коков поставил задачи, способные вывести республику из кризиса: увеличить ВРП в 2,3 раза, объем промышленного производства – в 3 раза, сельскохозяйственного производства – в 3,7 раза, оборот розничной торговли – в 2,2 раза, инвестиций в основной капитал – в 2,8 раза²².

Однако насколько люди готовы включиться в такую работу, большой вопрос. Маятник социальной жизни в республике давно, еще в 90-е гг., повернулся в сторону аномии – к состоянию, когда рушатся прежние ценности, когда нормы, задания, приказы не исполняются, когда все отвергают сложившийся в обществе порядок, но не хотят и мало что могут сделать для существенных изменений к лучшему.

Правда, остаются еще специалисты, способные в корне изменить сложившуюся крайне неблагоприятную ситуацию в Кабардино-Балкарии. Но они сейчас не у дел и в большинстве своем сильно разобщены, плохо организованы и мотивированы. Не преодолена уходящая своими корнями в геноцид периода Кавказской войны и репрессии 1937, 1944 гг. гнетущая атмосфера страха, трусости, взаимного неприятия и недоверия. Не радуют и не вселяют оптимизма сомнительного свойства равнодушие, молчание и послушание, похожее больше на запредельное торможение. Спад социальной активности сопровождается сужением зоны социальной ответственности и ограничением социальных притязаний и ожиданий. Даже у беднейших слоев населения развилось некое подобие благодушия, связанное, видимо, с тем, что им уже не на что надеяться и нечего терять.

Такую реакцию следовало ожидать; психологам хорошо известно, что в тех случаях, когда задача начинает казаться невыполнимой или чересчур сложной, наблюдается резкое снижение усилий, направленных на ее решение²³. Всякие формы социальной активности, политического участия и критики воспринимаются в этих условиях как иррациональные, как пустая трата времени, сил, средств. Жители Кабардино-Балкарии не желают действовать, опираясь на права, которые реально не защищены и не обеспечены. Иными словами, все зависит сейчас от изменения общего настроения людей, от того, насколько удастся придать им уверенности в своих силах, в возможность существенных перемен к лучшему. Так же точно, как 40, 20, 5 лет назад, не предлагая народу каких-либо реальных, действенных форм помощи и сотрудничества, власть в Кабардино-Балкарии, сама того не сознавая, может еще больше ослабить население и лишиться тем самым необходимой поддержки со стороны народа.

Кризис доверия был и остается доминантой системного кризиса Кабардино-Балкарской Республики, главной причиной нравственно-экологической деструкции.

Примечания

1. Доступно: // www.gks.ru/bgd/regl/B10-14p/Main/htm/
2. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011, 2012, 2013 гг. М., 2012. 2013. 2014.
3. Доступно: <http://kbr.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat ts/kbr/resources>
4. Различия зарплат в регионах. <http://cdn2.img22.ria.ru/images>
5. Гусейнов О. В КБР люди молчат // Газета Юга. 22 мая, 2014 г. С. 2.
6. Бгажноков Б.Х. Социальное самочувствие и национальная безопасность в многокультурном обществе (По материалам исследований в Кабардино-Балкарии) // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. II. С. 404–425.
7. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 г. М., 2014. С. 20.
8. Там же. С. 23, 25, 10.
9. Там же. С. 10.
10. Исследование проведено под руководством Дж.З. Хамдохова
11. Полиция, – подчеркивал М. Фуко, – была создана изначально как орган государства для того, чтобы, поддерживая порядок и дисциплину в обществе, «обеспечивать достойную жизнь граждан», «создавать условия для производства всего, что им необходимо для существования». Мошь государства, согласно такой постановки вопроса, возрастает в зависимости от того, насколько способна полиция «гарантировать внутренний порядок, достигающийся через благополучие отдельных индивидов». Фуко М. Безопасность, территория, население // В кн.: Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2006. С.147–148.
12. Рейтинг проводится ежегодно Фондом развития гражданского общества. Доступно: [p://civilfund.ru/mat/44](http://civilfund.ru/mat/44)
13. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011, 2012, 2013 гг.
14. Блаев Б. Надо сделать все возможное, чтобы реанимацию ТВМК возложили на тандем Шойгу – Рогозин // Газета Юга. 2015. 15 января. С. 2.
15. Там же.
16. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. М., 2013.
17. Там же. С. 45, 49.
18. На подготовку специалистов – 100 тыс. евро в год // Кабардино-Балкарская правда. 2007. 25 октября. С. 3.
19. Шевлоков В.А., Нагорова М.Б. К вопросу о природе социальных бифуркаций // Культура как фактор стабильности на Северном Кавказе: Материалы региональной научно-практической конференции. Нальчик, 2013. С. 28–34.
20. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 15.
21. Официальная Кабардино-Балкария. 2014. 12 декабря. С. 1.
22. Кабардино-Балкария-2014: год радикальных перемен // <http://kavpolit.com/articles>
23. Kukla A. Performance as a function of resultant achievement motivation (perceived ability) and perceived difficult // Journal of Research in Personality. 1974. № 7.

В.Н. Bgazhnokov

SYSTEMS CRISIS OF THE SMALL TERRITORIES *(on the data of the researches in Kabardino-Balkaria)*

As a basis of the estimation of the society may be put on one side the natural and geographical characteristics of the territory, on another side the spiritual and moral qualities and the general mood of the people inhabiting the given territory. The totality of characteristics of the first type we designate symbolically as the force of the territory, and the spiritual and moral qualities of the local inhabitants as the force of the population. The effective and safe society or the society of the stable development and growth is, thus, the socium in which the force of the population is equal or exceed the force of the territory.

Keywords: anomy, small society, bifurcation, social entropy, moral and ecological destruction.

Л.Б. Берберова

МЕТОДИКА ВОСПИТАНИЯ АЛЬТРУИЗМА В ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Статья посвящена разработке конкретных методов и приемов воспитания высокой альтруистической культуры у учащихся общеобразовательной средней школы. С опорой на методологические труды отечественных педагогов и этнологов автор выявляет основные гносеологические сферы воспитательного пространства, каждое из которых заполняется соответствующей практической работой: мини-лекцией, демонстрацией мультфильмов, чтением книг, психотренингом и т.д. Важное место уделяется этнокультурному фактору как интенсификатору альтруистических качеств в личностно-ориентированной педагогике.

Ключевые слова: альтруизм, мораль, этнокультура, воля, эмоции, рефлексия, воспитывающая ситуация.

Концепция развития современной общеобразовательной школы предполагает целенаправленное, последовательное воспитание у учащихся человечности, высокой нравственности, выраженных альтруистических качеств. Разработка конкретных методов и приемов альтруистического воспитания – это многовекторная работа, требующая учета нескольких важных факторов: возраста учащихся, этнокультурного контекста, материально-технической оснащенности образовательного учреждения и т.д. Методические разработки, уместные для детей младшего школьного возраста, могут оказаться неприемлемыми для старшеклассников.

Также следует обратить внимание и на этнокультурный контекст, который позволяет дополнительно использовать воспитательный потенциал народной педагогики, заключенный в поговорочно-пословицном комплексе, сказках, мифах, формулах этикета и др. Задача отечественной педагогики, рассматривающей ребенка как «социальное существо», – привитие ему нравственного опыта человечества, социально оправданных этических норм. Разумный альтруизм с нравственно обусловленными границами, бесспорно, находится в ряду названных этических нормативов. Как справедливо отмечают Е.Ю. и В.А. Ермаковы, предлагая собственное видение указанной проблемы, «без реального практического действия вся работа по формированию альтруистического отношения рискует остаться на словах»¹.

Изучение историографии воспитательных методик показывает традиционно доминирующую роль методологической вертикали «от учителя – к ученику», предполагающей оказание информационного воздействия на детское сознание путем убеждения, внушения и разъяснения. Не была исключением и авторитарная воспитательная модель советской общеобразовательной школы, породившей термин «мера педагогического воздействия», авторство которого приписывается Н.Д. Виноградову.

По нашему наблюдению, специфической особенностью большинства педагогических практик является «однонаправленность», обуславливающая процесс воспитания методом воздействий, направленных извне. Приоритетную позицию занимает деятельность учителя, который излагает, демонстрирует, дает задание, осуществляет контроль, оценивает достижения и недостатки.

В отечественной педагогике появился целый ряд теоретиков и практикующих педагогов, весьма критически настроенных против «однобокого» метода обучения-

воспитания. Среди самых последовательных «ревизионистов» можно назвать М.И. Махмутова, предложившего пересмотреть «нормативные», традиционные методы. В своей монографии с примечательным названием «Проблемное обучение» [М., 1975] ученый отмечает, что в «старой» школе «ученик считался не субъектом действия, а в основном объектом педагогического воздействия, призванным лишь выучить определённый объем знаний и приобрести навыки репродуктивной деятельности»². Закрепляя за «старой» школой термин «бездетная педагогика», автор ратует за «паритетные отношения между учителем и учеником, за расширение «эвристического» пространства обучающегося.

За тысячелетнюю историю педагогической практики накоплено огромное количество методов воспитания. В свете поисковых задач нашего исследования определенный интерес вызывает классификация методов воспитания, предложенная О.С. Гребенюк в монографии «Педагогика индивидуальности» (Калининград, 1995). Здесь все воспитательное пространство подразделено на семь гносеологических сфер.

СФЕРА	МЕТОД
1. Интеллектуальная	Убеждение, самоубеждение
2. Эмоциональная	Внушение
3. Мотивационная	Стимулирование (поощрение, наказание)
4. Предметно-практическая	Воспитывающая ситуация
5. Волевая	Требование
6. Сфера саморегуляции	Коррекция поведения
7. Экзистенциальная	Рефлексия – анализ деятельности ребенка

На наш взгляд, данную методическую систему с большим успехом можно использовать при решении практических задач, связанных с воспитанием у учащихся альтруистических качеств. Коротко разберем каждый пункт по порядку.

Интеллектуальная сфера ребенка очень восприимчива к новой информации, если она логически правильно выстроена и оригинально подана. Так, учащимся можно предложить адаптированный к детскому сознанию увлекательный рассказ об альтруизме, подчеркнув его биологическое основание, приведя интересные факты из мира животных. Здесь же можно развернуть небольшую дискуссию на тему: «Почему быть добрым выгодно». В каждом «почемучке» сидит маленький ученый, поэтому можно последовательно ввести в лексикон учащихся несколько не очень сложных понятий, связанных с теорией альтруизма, для того чтобы они могли формировать свое суждение, излагать собственную позицию более конкретно, чтобы у детей был достаточный лексикон для логических рассуждений. Кроме «мини-лекции», метод убеждения с большой долей эффективности можно реализовать через умело подобранные тексты сказок, притч, басен с последующим их обсуждением. За убеждением, как правило, следует самоубеждение, то есть в результате проделанной интеллектуальной работы у ребенка в голове складывается определённая система взглядов, подкрепленная его собственными логическими выводами.

Как справедливо отмечает О.С. Гребенюк, «убеждаясь в правоте сказанного, учащиеся формируют свою систему взглядов на мир, общество, социальные отношения. Внешние воздействия со стороны педагога превращаются во внутренний процесс, что приводит к сформированности мировоззрения»³. Таким образом, в результате слаженных действий воспитателя и воспитуемого

в интеллектуальной сфере формируется необходимый объем, глубина, действенность знаний об альтруизме.

На следующем этапе к процессу воспитания альтруистических чувств целесообразно подключение эмоциональной сферы и ознакомление учащихся с дополнительной информацией о «добре и зле». Методом, оказывающим доминирующее влияние на эмоциональную сферу, является внушение и связанные с ним приемы аттракции. Данный метод отличается от интеллектуального усвоения знаний, поскольку здесь в большей степени активизирована психическая структура личности, отвечающая за объективизацию конкретных чувств: жалости, сочувствия, любви, отзывчивости, эмпатии, стыда и т.д. «Внушение – это эмоционально окрашенное воздействие на ребенка с целью создания у него определённого состояния или побуждения к определённым действиям». По образному выражению В.Н. Бехтерева, внушение, в отличие от убеждения, входит в сознание человека не с парадного входа, а как бы с заднего крыльца, минуя сторожа – критику⁴.

На «эмоциональной ступени» воспитательной работы считаем целесообразным демонстрацию учащимся серии мультфильмов о добре и зле, показ документального фильма об экологических преступлениях человека. Наряду с эффектом «25 кадра», визуальным рядом, музыкой, светом, звуками, кинематографическая техника в этом случае направляется на пробуждение бессознательного, сенсорных чувств, создание широкого ассоциативного комплекса. Все это в совокупности оказывает чрезвычайно сильное впечатление на душевный мир ребенка, формируя у него культуру эмоциональных откликов, необходимую гамму настроений, душевный «катарсис».

Детский «катарсис» при правильной организации воспитательной технологии может сыграть роль катализатора для активации мотивационной сферы, которую А.Н. Леонтьев называет «ядром личности»⁵. После услышанного и увиденного постепенно начинает складываться внутренняя позиция учащегося, ориентирующегося на сложившийся в его голове образ альтруиста, идеализируемый авторитетным человеком (учителем) и утверждаемый в фольклоре, мультфильмах, художественной литературе. На развитие мотивационной сферы ребенка позитивное влияние оказывает метод стимулирования, чаще всего связанный с оценкой учителя, его поощрением. Высокая оценка со стороны учителя способствует самостимулированию учащегося, для которого постепенно разумная добродетель, альтруистические поступки становятся нормой бытия.

Четвертой ступенью в нашем методологическом комплексе значится «предметно-практическая сфера», переводящая проблему альтруистических качеств в плоскость воспитывающих ситуаций. Здесь важен принцип воспитания в деятельности. Как справедливо отмечает А.С. Макаренко, «нельзя развить мужество или другое качество личности, не создав условий для проявления мужества, справедливости, доброты»⁶. Задача воспитателя – создать «дидактические» условия, подсмотреть их в жизни, инициировать их, для того чтобы погруженный в этот контекст учащийся познал, испытал себя, закалил, закрепил свои возможности. По мнению специалистов, «необходимы каждодневные упражнения, нужно постоянно тренировать способности, так как они не могут лежать «про запас», ожидая подходящего случая для проявления»⁷.

Полагаем, интенсивность и масштабность школьной жизнедеятельности ежедневно предлагают учителю целый ряд воспитывающих ситуаций, многие из которых являют собой «тренировочное поле» для проявления учеником альтруистического сознания. Это может быть и культура речи, и отношение к старшим (младшим), и гендерная деликатность, и помощь отстающему однокласснику и т.д. Еще более выраженные воспитывающие ситуации может предложить реальная действительность во время экскурсий, туристических походов, при проведении всевозможных мероприятий разного уровня. Задача

учителя-воспитателя в этих случаях – отслеживать поведение каждого учащегося, делать выводы, корректировать, поощрять и т.д.

Поведение и деятельность личности стимулируется и регулируется не только эмоциями, но и волей. Воля дает возможность сознательно управлять своими внутренними психическими и физическими действиями в самых сложных жизненных ситуациях. Воля – сугубо внутреннее личностное качество, на которое почти невозможно действовать извне, поскольку для проявления воли в первую очередь требуются внутренние усилия самой личности, контроль человека над собственным поведением, преднамеренная мобилизация активности для достижения целей, «осознаваемых субъектом как необходимость и возможность»⁸. Нередко воля бывает связана с необходимостью подавления эмоции. В частности, для совершения альтруистического поступка, особенно в детском возрасте, субъекту нередко приходится проявлять антагонизм по отношению к собственным эмоциям, сделав выбор в пользу социально ответственного поведения.

Бесспорно, совершить альтруистический поступок способна только личность с достаточно развитой волевой сферой. В условиях северокавказской школы для развития волевой сферы считаем весьма продуктивным и целесообразным обращение к сказаниям нартского эпоса, их инсценировке, детальному анализу действий ключевых персонажей.

Поведенческий тип многих эпических героев нартского эпоса может наглядно проиллюстрировать нравственную высоту человека в экстремальных ситуациях, когда герой усилием воли преодолевает собственные эгоистические желания и делает выбор в пользу ближнего, пусть даже с риском для жизни. Здесь следует обязательно подчеркнуть взаимообусловленность двух ценностей: «воля укрепляется и облагораживается нравственностью, нравственность повышает свою весомость и значимость за счет воли»⁹. Как справедливо отмечает Б.Х. Бгажноков, «многие весьма решительные и, несомненно, рискованные действия воспринимаются как морально ущербные, если лишены нравственного обоснования и оправдания»¹⁰.

Следующим пунктом в нашей таблице значится сфера саморегуляции в тесной соотнесенности с методом коррекции поведения. Психологами и педагогами подчеркивается важность присутствия внутри каждой личности своеобразного «пульта управления», отвечающего в целом за стратегию жизненной линии и за каждый конкретный поступок. Другими словами, каждому сознательному здравомыслящему человеку свойственно смотреть на свое Я широким, панорамным и крупным планом, видя себя одновременно как в исторической проекции (динамическое Я), так и в данный конкретный момент (настоящее Я). Ключевое слово в личностной сфере саморегуляции – ответственность. Воспитуемый с развитой сферой саморегуляции не будет ожидать, что кто-то из взрослых (учитель, тренер, родитель и т.д.) поведет его по жизненным дорогам, корректируя по пути следования его поведенческие ошибки. Он не хочет быть ведомым – в этом его главное отличие от человека с неразвитой сферой саморегуляции. С малых лет ребенка следует приучать к мысли о том, что он единственный и полноправный хозяин своей «маленькой Вселенной», где он самолично может наводить порядок как в материально-физическом, так и духовном смысле. Его задача – нести ответственность за этот миниатюрный миропорядок, который при этом находится в резонансе с общечеловеческими ценностями. При соответствующей методической разработке весьма ценным сказочно-художественным материалом для иллюстрации и развития сферы регуляции может быть текст сказки «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери.

С этой же целью, с учетом северокавказских этнокультурных ценностей, с учащимися можно поговорить о морально-нравственных понятиях «сууап/гюнах» (благодетение/грех), объяснив их общечеловеческую философскую сущность и национальные особенности. Растолковывая смысл «категорического императива»

в вопросах добра – зла, педагогу следует подчеркнуть значимость внутренней самоинспекции личности, которая становится контролером, регулятором, корректором собственных поведенческих моделей. Это тот случай, когда воспитание плавно переходит на качественно более высокий уровень, связанный с самовоспитанием.

Своего рода венцом антропологических сфер в структуре личности является экзистенциальная сфера, напрямую связанная с поисками ответа на основной вопрос философии: «В чем смысл человеческой жизни?». От понимания и решения этой ключевой мировоззренческой проблемы напрямую зависит направленность всей жизни и деятельности ребенка.

Психолог М.А. Мокаева, специально исследовавшая этот вопрос, в том числе на кабардино-балкарском материале, отмечает: «У сегодняшней российской молодежи рациональный фактор доминирует над эмоциональным в понимании ею смысла жизни, а материальные и духовные ценности для них равнозначны»¹¹. При этом, по мнению ученого, наблюдается тенденция к прагматизации жизненных целей и удовлетворению так называемыми «малыми смыслами» типа купить машину, построить большой дом, добиться материального успеха, профессионального роста и т.д.

Между тем, исходя из глобальной позиции современной гуманистической школы, с учащимися следует проводить воспитательно-развивающую работу по расширению экзистенциального сознания, целенаправленно вырабатывать у них чувство ответственности человека за «нравственные итоги своего пребывания в мире». Изначальное отношение ребенка к мироустройству определяет суть его экзистенциальной сферы. С этой точки зрения следует учить его «быть заинтересованным в других людях, быть частью целого, вносить свой вклад в благополучие человечества»¹². От выбора каждой личности, вписанной в общепланетарный замысел планетарного бытия, зависит качество миропорядка. Детям следует объяснить принцип «сорвешь цветок – поколеблются звезды», показав на примерах сказок идею взаимосвязанности всего живого на земле и резонансную отзывчивость добра и зла. С учетом возрастных особенностей учащихся можно объяснить специфику трансфинитного и ноосферного альтруизма, тем самым предложив им богатую пищу для рефлексии и формирования осмысленной позиции по отношению к собственной жизни, где важное место в идеале отводится любви, добру и самоотдаче. На данном «экзистенциальном» этапе воспитания считаем целесообразным предложить учащимся написать соответствующее эссе или сочинение, как наилучший методический прием контроля деятельности учащегося, определения уровня его альтруистического сознания.

Приведенная нами методика носит интегративный характер, сочетающий в себе акты воспитания и самовоспитания. Мы солидарны с И.Ф. Харламовым, который метод воспитания определяет как «совокупность способов и приемов воспитательной работы для развития потребностно-мотивационной сферы и сознания учащихся, для выработки привычек поведения, его корректировки и совершенствования»¹³. Вслед за ученым, со словом «воздействие» мы не связываем что-то опасное, репрессивное и деструктивное для ребенка. На наш взгляд, роль учителя в воспитании альтруистических качеств совершенно необходима, если она несет иницирующий и направляющий характер, ориентируя учащихся на этически оправданные действия, на рост «человеческого в человеке».

Примечания

1. Ермакова Е.Ю., Ермаков В.А. Воспитание альтруизма и нравственности у школьников // Стратегия воспитания в образовательной системе России. М., 2004. С. 340.

2. Махмутов М.И. Проблемное обучение. М., 1975. С. 293.
3. Гребенюк О.С. Педагогика индивидуальности. Калининград, 1995. С. 153.
4. <http://www.goldbiblioteca.ru>
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 281 с.
6. makarenko-museum.narod.ru
7. Гребенюк О.С., Гребенюк Т.Б. Основы педагогики индивидуальности // <http://lib.nspu.ru/umk/d137a377cdf6c242/d6/grebenuk.pdf>
8. Там же.
9. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 61.
10. Там же.
11. Мокаева М.А. Стремление к пониманию смысла жизни: Монография. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2007. С. 77. 176 с.
12. Адлер А. What life should Mean to You // Ed. by A. Porter. London. 1932. P. 8.
13. Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пособие. М., 1999. С. 320.

L.B. Berberova

METHODS OF ALTRUISM UPBRINGING IN PERSONALITY-CENTERED EDUCATION

The article is dedicated to the development of specific methods and techniques of high altruistic culture upbringing among secondary school students. Based on methodological works of our scientists and ethnologists, the author reveals the basic epistemological spheres of educational space, each of which is filled with relevant practical work: mini-lecture, demonstration of cartoons, reading books, psychotraining etc. Special attention is paid to the ethno-cultural factor as an intensifier of altruistic qualities in the person-centered pedagogy.

Keywords: altruism, moral, ethnoculture, will, emotions, reflection, upbringing situation.

УДК 811.352.3

М.М. Абазова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ

В статье исследуются основные языковые средства выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции. Выделяются наиболее активные средства выражения отрицания как в литературном кабардино-черкесском языке, так и в речи диаспоры в сравнительном освещении. Делается вывод, что в речи черкесов, проживающих в Турции, сохранился архаичный вариант отрицательной морфемы.

Ключевые слова: речь, диаспора, черкесы, отрицания, кабардино-черкесский язык, суффикс отрицания, префикс отрицания.

Грамматическое отрицание представляет собой одну из важнейших проблем современного языкознания. Ее актуальность обусловлена тем, что категория отрицания носит универсальный характер и является предметом всестороннего изучения представителей разных наук, прежде всего, философии и лингвистики. Как философская категория, отрицание выражает связь двух последовательных стадий (состояний) развивающегося объекта; условие изменения объекта, при котором некоторые элементы не просто «уничтожаются», но и сохраняются в новом качестве. В лингвистике чаще всего отрицание рассматривается как выражение при помощи различных языковых средств того, что связь между элементами высказывания мыслится как реально не существующая или отсутствующая¹.

Категория «грамматическое отрицание» часто становилась объектом исследования в научно-теоретических работах лингвистов-адыгovedов разных поколений. Так, некоторые аспекты этой проблемы были отражены в работах Н.Ф. Яковлева, Д.А. Ашхамафа, Г.В. Рогава, З.И. Керашевой, М.А. Кумахова, А.К. Шагирова, Н.Т. Гишева, У.С. Зекоха, Ю.А. Тхаркахо, А.Н. Абрегова, Х.Ш. Урусова, Б.М. Берсирова, Н.Г. Шериева и других. Однако языковые средства выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции до сих пор не становились предметом специального исследования.

Н.Г. Шериева писала, что «языковые средства выражения категории отрицания в кабардино-черкесском языке восходят к разным хронологическим уровням – западно-кавказскому (абхазо-адыгскому), общеадыгскому и эпохе самостоятельного существования адыгских языков (после распада общеадыгского единства)»².

Часто употребляемым средством выражения отрицания в кабардино-черкесском языке является маркер **мы-**, который выполняет функцию приставки, образуя и глагольное, и именное отрицание. Он выражает и частичное, и общее отрицание предложения, является универсальным для всех адыгских языков и восходит к абхазско-адыгскому языковому единству. Вторым по частоте использования выражения отрицания в исследуемом языке является маркер **-къым**, который выполняет функцию суффикса, образует и глагольное, и именное отрицание. Он выражает только общее отрицание.

Цель настоящей работы состоит в исследовании лексического состава речи черкесской диаспоры в Турции. Источниковой базой данного исследования

являются в основном полевые материалы автора³ и материалы фонотеки КБИГИ, собранные во время экспедиции в 1994 г. сотрудниками КБИГИ в Турции⁴. Их анализ позволяет в полной мере выявить и охарактеризовать основные способы выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции.

Основными способами выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции, как и в кабардино-черкесском литературном языке, являются префиксальный и суффиксальный. В большинстве случаев в речи черкесской диаспоры в Турции, как и в литературном кабардино-черкесском языке, отрицание выражается префиксальным способом. Активным маркером префиксального отрицания выступает префикс **мы-**: *Уэлэхы абы адчлэ зыщлынли дымыклуэжыфын, ау дилэ кьызэрихьчлэ ди хабзэ, ди нэмыс жьзылыи цылэс*. «Ей-богу, мы никуда поехать не сможем, но есть те, которые говорят, что по возможности будут сохранять наши хабзэ и нэмыс» (Здесь и далее перевод наш. – Абазова М.М.) (Кылар Б., 30 лет); *Игы, дэ жылэшхуэ дыщлэмыхьуауэ сэ сигу кьэчлыр, нахуэу зыщхэм куэдыр кьеувэклым лъэщ мэхуэ, цхьэ куэдым тлэклу-тлэклу кьеувэчлым, зэгурылуэрхэми мащлэ-мащлэурэ мэклуэд*. «Сейчас я думаю, что мы не стали единым целым из-за того, что, когда один человек объединяет всех остальных, все станут сильнее, а если вокруг нескольких людей объединяются группы, между ними начинаются разногласия и так по чуть-чуть все исчезают» (Сэбэней Э., 72 года). *Куэд цлэс ху пластэ зэрызмышхыжрэ, ху хьэнтхьунс сызэремыфэжрэ*. «Уже давно не ел пасту из проса, и не пил суп из проса» (Прощт И., 71 год). *Сыти цлэ, умыгъэжсей жагэст*. «Делай, что хочешь, только не дай ему уснуть» (Прощт И., 71 год).

В речи черкесской диаспоры в Турции литературный вариант отрицательной морфемы **-кьым** повсеместно соответствует **-лым**, то есть имеет место соответствие фарингальному абруптиву **кь** ларингального абруптива **л**⁵.

Примеры с **кь<л**, когда **кь** входит в состав суффикса отрицания **-кьым** «не»: *Иг'ы кьуажэжэм мин тлоуцл дэсыжлым адыгэу* вместо *Иджы кьуажэжэм мин тлоуцл дэсыжкьым адыгэу*. «Сейчас в селах не насчитывается и двадцати тысяч адыгов» (Шыкь М., 36 лет); *Адыгагъэ зехьэныр тыншлым* вместо *Адыгагъэ зехьэныр тыншкьым*. «Придерживаться адыгского этикета нелегко» (Есэн С., 61 год); *Иг'ы нэхьыбэу зи яужь итхэр былымырац, затэ шы итыжлым*, вместо *Иджы нэхьыбэу зи яужь итхэр былымырац, шым яужь итыжкьым*. «Сейчас больше занимаются скотоводством, коневодством уже не занимаются» (Къандур Хь., 35 лет); *Сэ си ныбжьэгъур абазэс, кьэбэрдеибзэ ищлэлым, сэ абазэбзэ сщлэлым, араси тыркубзэклэ допсалъэ* вместо *Сэ си ныбжьэгъур абазэц, кьэбэрдеибзэ ищлэркьым, сэ абазэбзэ сщлэркьым, араси тыркубзэклэ допсалъэ*. «Мой друг – абазин, он не знает кабардинского языка, а я не знаю абазинского, поэтому мы разговариваем на турецком» (Кылар Б., 30 лет); *Аурупэм сыклуас, абы олимпиадэм ипэ дьдэ сищыфалым*, вместо *Европэм сыклуас, абы олимпиадэм япэ дьдэ сищыфакьым*. «Поехал в Европу на олимпиаду, но не смог стать первым» (Жылэгущэ С.-Э., 45 лет); *Дэтхэнэ лъэпкь мащлэри цхьэхуит хьумэ, мы дунейм кьэралу тетыр техуэжынлым* вместо *Дэтхэнэ лъэпкь мащлэри цхьэхуит хьумэ, мы дунейм кьэралу тетыр техуэжынкьым*. «Если каждая маленькая нация станет свободной, то в мире не хватит места стольким государствам» (Пщыгъусэ М., 52 года); *«Щыхьэрым дыщыпсэуфынлым, куйем дыщыпсэунуц», – жары куйем кьэклуахэс* вместо *«Кьалэм дыщыпсэуфынукьым, кьуажэм дыщыпсэунуц», – жагэри кьуажэм кьэклуахэц*. «Мы не сможем жить в городе, хотим жить в селе» – сказав, переселились в село. (Прощт Хь., 71 год); *Мы луохум яужь дитмэ, бзэр дгьэклуэдынлым* вместо *Мы луохум яужь дитмэ, бзэр дгьэклуэдынкьым*. «Если мы будем заниматься этим делом, мы не потеряем язык» (Думэн Хь., 41 год); *Дэ школ дилэлым адыгабзэ щадж* вместо *Дэ школ дилэжым адыгабзэ щадж*. «У нас нет школ, где изучают кабардинский язык» (Акбай И., 30 лет).

Процесс перехода абруптива **кь** в ларингальный абруптив **І** действует во всех адыгских языках и их диалектах. На исторической родине черкесов, в баксанском диалекте кабардинского языка, он интенсивнее развивается, т.е. если в некоторых говорах (н-р, в терских) он наблюдается только при **кь** в суффиксе отрицания⁶, то в баксанском диалекте им охвачен **кь** как при отрицании, так и при отрицательно-вопросительной форме.

По мнению К.Т. Мамрешева, можно считать завершенным процесс перехода **кь** в **І**, когда **кь** выступает в составе суффикса отрицания **–кьым//Іым** (не) и суффикса отрицательно-вопросительной формы **–кьэ//Іэ**. В этих двух случаях в речи всех носителей баксанского диалекта, независимо от возраста или пола, переход **кь** в **І** наблюдается систематически. Примеры с **кь→І**, когда **кь** входит в состав суффикса отрицания **–кьым**, «не»: *лажэІым* вм. *лажэ́кьым* «не работает», *щытІым* вм. *щыт́кьым* «не стоит», *здаІым* вм. *зда́кьым* «не согласился»⁷.

Также в речи черкесской диаспоры в Турции наблюдаются примеры употребления ларингального **І** вместо фарингального **кь** в глаголе в аффиксе отрицания-**кьым** и вопросительном аффиксе **–кьэ**. Например:

речь диаспоры	лит. язык	перевод
<i>нэхьыфІтэІэ?</i>	<i>нэхьыфІтэкьэ?</i>	может, так было бы лучше?
<i>ууеІэ?</i>	<i>ууейкьэ?</i>	не твое?

Переход с **кь→І**, когда **кь** выступает в суффиксе отрицательно-вопросительной формы: *кьэкІуаІэ* вм. *кьэкІуакьэ* «не пришел ли», *быдэІэ* вм. *быдэ́кьэ* «не прочен ли», *пиупщІлэ* вм. *пиупщ́кьэ* «не режет ли?»⁸.

В финитных формах отрицание выражается с помощью суффикса **–кьым**, исторически состоящего из общеабхазско-адыгского аффикса отрицания **–мы-** и суффикса **–кьы (-кьэ)**, восходящего к вопросительному аффиксу **–кьэ**⁹.

По мнению П.М. Багова, кубано-зеленчукские говоры обнаруживают своеобразие в сравнении с другими диалектами и говорами кабардино-черкесского языка по соответствию **І:кь**. То есть в говорах в отрицательной и подтвердительно-вопросительных морфемах используется фарингальный абруптив **кь**, а в литературном языке в этих аффиксах выступает ларингальный (межсвязочный) абруптив: в говорах *кІуэ-кьым* или *кІуэ-кьэ*, в языке *кІуэ-Іым* или *кІуэ-Іэ*. Считается, что ларингальный **І** в данных случаях является рефлексом **кь**¹⁰.

Одним из способов выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции является использование союза **не...не (не... не – (союз) «ни...ни»)**¹¹. В литературном языке употребляют – *«икІи, е...е»*¹². Этот союз – один из наиболее употребительных в речи черкесской диаспоры в Турции. *Не зыгуэр япэ иту ддэрэ, не зыгуэр яужэ иту ддэрэ*. «Мы не позволяем другим быть ни впереди нас, ни позади...». (Есэн С., 61 год); *Не хьэрыпыр кьыщІыхьэн не ингулизыр кьыщІыхьэн*. «Ни арабы, ни англичане не могут сравниться [с адыгами]». (Гуэбэшы К., 68 лет) В приведенных примерах **не...не** может сочетаться с различными частями речи: наречиями, существительными, но сказуемое при них обязательно должно быть в отрицательной форме. Когда же **не...не** непосредственно связано со сказуемым, оно заменяет суффиксальное отрицание, то есть сказуемое не нуждается в дополнительном выражении отрицания.

В речи диаспоры, как и в баксанском диалекте, наблюдается употребление лишь ларингального абруптива **І**. Одновременное употребление обоих вариантов наблюдается довольно в редких случаях: *Уэ уикъуэш'ыр пхузэхъуэкІыжын, зыри пхуещІэнукьым, ар Іеми, фІыми ууес* – «Можешь ли ты поменять брата, плохой он или хороший, он – твой брат, и с этим ничего не поделаешь» (Щэныбэ Б., 60 лет). Употребление ларингального абруптива **І** в речи диаспоры, а также в баксанском

диалекте и в некоторых говорах говорит о том, что первичным было именно употребление этого согласного. А переход **І<къ** в составе суффикса отрицания – инновационное явление, произошедшее после становления литературного языка.

Таким образом, основными средствами выражения отрицания в речи черкесской диаспоры в Турции являются суффикс **-Іым/-къым**, префикс **-мы-** и союз **не...не**. Они употребляются в предложении при отрицании действия, состояния, существования, наличия.

Примечания

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 302.
2. Шериева Н.Г. Выражение отрицания в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 29.
3. Полевые материалы автора: аудиозаписи №0008, 0016.
4. Архив Федерального государственного бюджетного учреждения РАН Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН: фонотека. Кассеты № 1074, 1075, 1076, 1078, 1079.
5. Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 44.
6. Куашева Т.Х. Терские говоры кабардинского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Нальчик, 1954.
7. Мамрешиев К.Т. Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. С. 13.
8. Там же. С. 14.
9. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. С. 247.
10. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968. С. 49–50.
11. Баскаков А.Н., Голубева Н.П., Кямилева А.А., Любимов К.М., Салимзянова Ф.А., Юсипова Р.Р. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, Институт востоковедения АН СССР, 1977. С. 673.
12. Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 1-е изд. М.: Дигора, 1999. С. 312.

М.М. Abazova

THE LANGUAGE MEANS OF EXPRESSION OF DENIAL IN THE SPOKEN LANGUAGE OF THE CIRCASSIAN DIASPORA IN THE TURKEY

In the article the fixed language assets of expression of denial in the spoken language of the Circassian diaspora in the Turkey are investigated. The most active funds of expression of denial both in the literary of kabardino-Circassian language, and in the spoken language of the diaspora in comparative lighting are allocated. The conclusion is drawn that in the spoken language of the Circassians living in the Turkey the archaic option of a negative morpheme remained.

Keywords: speech, diaspora, the Circassians, denials, Kabardino-Circassian language, denial suffix, denial prefix.

М.Р. Хежева

РОЛЬ ЧИСЕЛ В АДЫГСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена изучению роли чисел в отражении адыгской языковой картины мира. Рассматриваются основные позиции исследователей, обратившихся к изучению понятия языковой картины мира. Как показывает анализ, числа в кабардино-черкесском языке могут выполнять развивающую функцию.

Ключевые слова: число, языковая картина мира, числовая символика.

В лингвистических исследованиях начиная с XIX в., прослеживается тенденция рассмотрения языка не только как средства общения. Прежде всего, язык начинает изучаться как важнейший и неотъемлемый атрибут национальной культуры и этноса. Следует отметить, что данная проблема является актуальной и требующей научного подхода и в современной лингвистике. По определению Р.К. Будагова, язык есть совокупность всех человеческих способностей, чуть ли не всего, что в состоянии делать человек: это и способность объясняться, и способность продуцировать тексты, способность их понимать, способность их строить, способность извлекать лежащий в основе текстов¹.

Важную роль родного языка признает Л. Блумфильд, который, говоря о языке древних греков, отмечает, что они не изучали других языков, при этом считали структуру своего языка воплощением универсальных форм человеческой мысли, если не сказать всего мироздания².

Язык как важнейшая категория мыслительной деятельности разрабатывалась в трудах таких исследователей, как В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Э. Сепир, Б.Л. Уорф. Исходя из ключевых идей немецкой классической философии, В. фон Гумбольдт в центр своих исследований ставит понятие национального духа, изучение которого неотделимо от изучения языка. В своих лингвистических и философских исследованиях В. фон Гумбольдт развивал идею о том, что «различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями»³.

В своих работах В. фон Гумбольдт развивал идею о том, что каждый народ видит по-своему единое содержание и строение бытия, которое, по трактовке Г.Д. Гачева, называется национальным образом мира⁴. Эта способность «видеть по-своему» продуцирует некие пласты культурно-детерминированных значений, присущих только данному языку⁵.

Являясь посредником в процессе освоения мира, язык предоставляет человеку возможность познания окружающей действительности. Именно язык определяет то, каким образом происходит это освоение и задает его границы. Подтверждением этого может служить изречение Л. Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира»⁶.

Э. Сепир и Б.Л. Уорф выдвинули гипотезу лингвистической относительности. Тот факт, что мышление определяется различием языков, отличающихся друг от друга по грамматическому строю, семантике, явился предпосылкой возникновения данной гипотезы, основное положение которой сводится к следующему: всякий национальный язык обладает своей особой спецификой, в связи с чем действительность трактуется и обрисовывается по-разному: язык как бы «навязывает» его носителю определенное мировидение, чем обусловлены его

поведение и мышление. Исходя из этого, можно сделать вывод: гипотеза Сепира-Уорфа отрицает общий для всего человечества логический строй мышления. Б.Л. Уорф предполагал, что факты языка составляют для говорящих на данном языке часть их повседневного опыта⁷.

Особенности и стиль мышления можно считать компонентом национальной картины мира. В стиле мышления отражается культура как целостное образование. Стиль мышления – это завуалированный контекст, через который раскрывается механизм влияния культуры как целого на отдельные ее стороны⁸. Исходя из такого понимания соотношения языка, мышления и познавательной деятельности, З.Х. Бижева приходит к выводу о том, что язык определяет не только характер мышления, но и тип культуры, ее нормы, а в конечном счете – структуру человеческого общества⁹.

Нужно отметить, что термин «картина мира» впервые был введен в научный обиход в рамках физики на рубеже XIX–XX вв., но метафорическое ее использование вполне приемлемо для метаязыка гуманитарных наук: так можно выделить языковую картину мира, философскую картину мира, художественную картину мира и т.д. На сегодняшний день существует множество мнений и взглядов по поводу приемлемости использования данного термина в лингвокультуре. Некоторые исследователи, наряду с термином «картина мира», используют понятие модели мира.

М.М. Маковский выделяет понятие картины и модели мира. Модель мира в трактовке М.М. Маковского может выступать и как структура картины мира, и как принцип картины мира. Картина мира, по М.М. Маковскому, – это глобальный образ, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысляются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени его развития¹⁰.

Ю.Д. Апресян выделяет «наивную картину мира», объясняя «наивность» тем, что данная картина мира во многих деталях отличается от научной картины мира; при этом автор отмечает, что данные представления не всегда примитивны и не менее интересны, чем научные. По мнению автора, наивные представления о внутреннем мире отражают опыт многих поколений¹¹.

По мнению З.Х. Бижевой, внутри самого термина «картина мира» в уточнении нуждается понятие мира. Мир понимается двояко: во-первых, – это мир, который воспринимается как всеобъемлющая данность, включающая человека. С другой стороны, существуют и так называемые альтернативные миры, характеризующиеся только им присущими особенностями¹².

В результате своих исследований Г.В. Колшанский приходит к выводу о том, что язык не создает какой-либо картины мира, так как он не познает мир. В противовес этому он выделяет человеческую картину мира. По его мнению, картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который выполняет функцию объективизации индивидуального человеческого сознания лишь как отдельной монады мира. Выходит, что в принципе человек привносит в мир не себя со своими законами и закономерностями, а лишь свое взаимодействие: человек – мир, в результате которого рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему человеческому существу в форме языка и мышления¹³.

Картина мира в каждой традиционной культуре складывается из совокупности универсальных категорий, одними из которых являются числовые параметры. Особый сакраментальный и магический смысл четко прослеживается в мифологической традиции и народной культуре. Мифологическое число находится в духовной поворотной точке – оно стремится из узости и скованности непосредственного, чувственно-вещного мирозерцания к более свободному,

универсальному целостному воззрению. Однако дух оказывается не в состоянии постичь новую универсальность, возникающую при этом, как свое собственное создание, она представляется ему чуждой, демонической силой¹⁴.

При исследовании числа как компонента культуры и языка необходимо принять во внимание особенности менталитета, мировидения, мировоззренческих универсалий, при этом нельзя оставить без внимания роль чисел в мифологии, фольклоре, народном словесном искусстве.

Ввиду того, что символы вообще обладают универсальным характером, можно обнаружить сходства в области числовой символики в различных культурных традициях. Однако нетрудно заметить, что число обладает этнокультурной спецификой, которая находит отражение в лингвокультуре.

Как уже отмечалось выше, в основе гипотезы лингвистической относительности лежит предположение о том, что люди – представители разных национальностей – видят мир сквозь призму своего родного языка. Следовательно, можно говорить о существовании разных языковых картин мира. По нашему представлению, числа и числовая символика играют немаловажную роль в формировании языковой картины мира, которая складывается из национальной, концептуальной и символической картин мира, неотъемлемым атрибутом которых являются числовые параметры. Во многих древних традициях числа считались ключом к пониманию основополагающих принципов бытия, образом мира и средством его периодического восстановления. Поэтому числа не просто выражают количество, но наполняются идеями, и каждое число имеет свою собственную идейную характеристику¹⁵.

Числовые параметры как часть языковой картины мира и неотъемлемый атрибут мифопоэтической традиции выступают в качестве составных частей

– **пословиц:**

Блэ егъапщи зэ пыупщI «Семь раз отмерь один раз отрежь».

– **поговорок:**

Бгъуэ вауэ зи щыпэвэ «Девятый раз пашет, словно впервые»;

– **фразеологизмов:**

Жылагъуибылым зэлъащIысын «стать общеизвестным» [букв.: разойтись на семь селений].

Можно предположить, что в кабардино-черкесском языке и адыгской лингвокультуре не наблюдается как такового разграничения на счастливые и несчастливые числа. Анализ языкового материала показывает, что большее предпочтение отдавалось нечетным числам. Это находит подтверждение в паремиологическом пласте языка: *Бгыкъу зэпэбж унэм иралъхьэртэкъым*. «При возведении крыши дома не использовалось четное количество балок».

Для адыгской фольклорной традиции характерны числовые тексты. По мнению З.Ж. Кудаевой, функциональная направленность этих текстов, как правило («испытание»), свидетельствует об их архаичности. В них описывается встреча с великаном, лесным человеком, шайтаном, которые в качестве условия освобождения человека ставят правильное воспроизведение числового текста¹⁶.

– *Мэ зы!*

– *Темыркъэзакъым и закъуэщ!*

– *Мэ тIу!*

– *Нэр тIумэ фIыуэ маплъэ!*

– *Мэ ицы!*

– *Гэнэр лъакъуищмэ мэув!*

– *Мэ плIы!*

– *Жэмыр быдзиплIмэ гъэшфIэщ!*

– *Мэ тху!*

– *Зы Iэр Iэпхъуамбитхуш!*

– *Мэ хы!*

- **Хым** хэхуэр егхьэлэ!
- **Мэ блы!**
- **Вагъуэзэибылым** загъазэмэ нэху мэц!
- **Мэ и!**
- **Вэрэвийм** я вагъэбдзумэр ину кыгуах!
- **Мэ бгъу!**
- **Дыгъужыбгъум** аргъуей куэпкъ яхуэишккым!
- «– **Один!**
- Полярная звезда **одна!**
- **Два!**
- **Два** глаза видят хорошо!
- **Три!**
- **Треногий** стол устойчив!
- **Четыре!**
- У коровы если **четыре соска** она дойная!
- **Пять!**
- В кисти руки **пять пальцев!**
- **Шесть!**
- Кто падает в море, тот тонет! [игра слов: в кабардино-черкесском языке звучат одинаково слова хы «шесть» и хы «море»].
- **Семь!**
- Когда **Семь братьев** звезд (Большая Медведица) поворачивается, то светает.
- **Восемь!**
- Когда **восемь пашущих волов** потянут, большой пласт земли отвалится.
- **Девять!**
- **Девять волков** не смогли съесть бедро комара».

Анализ числовых текстов дает основания для утверждения того, что в архаичных культурах число и счет были сакрализованными средствами ориентации и космоизации вселенной. С их помощью, когда это было нужно, репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека¹⁷.

На влияние числа в становлении и развитии мышления ребенка обратил внимание Ж. Пиаже. Так, по его мнению, число может быть постигнуто интеллектом в той мере, в какой оно остается тождественным самому себе, независимо от размещения составляющих его единиц: именно это свойство и называется «инвариантностью» числа¹⁸.

Анализ иллюстративного материала кабардино-черкесского языка дает основания полагать, что в адыгской фольклорной и литературной традиции числа выполняют **развивающую функцию**.

Выражает простые арифметические действия:

А) сложение: Так, Горгониж – свинопас нартов – наказывает своему молодому помощнику вычислить количество всех свиней:

– *Кхъуэхэм зы лоуи кхъэд хъунуккым, псоми я бжыгъэр сэ бжеслэни, уэ къэбжыф: инхэр бгъу, жьабгъуэхэр **пццы**, мыцхъуэмыфэхэр **пццыкхъу**, клэ гъджэрэзахэр **пццыкхъуи**, зэмыфэгъуэхэри **пццц**, зэфэгъу заццлэхэри **пццц**, псоми **пццц-пццц** яццлэсыжц. Дациц хъурэ псори? – жицлэри Гуэргуэныжъ къеупццлэц ццлалэм¹⁹.* «Ни один поросенок не должен пропасть. Количество всех по отдельности я тебе скажу, а ты посчитай общее их число: больших **девять**, ширококоротых **десять**, неярких **одиннадцать**, со скрюченным хвостом **восемнадцать**, разноцветных **тридцать**, одного цвета тоже **тридцать**, и у всех **по тридцать** поросят. Сколько всех вместе? – спросил Горгониж парня».

Б) умножение:

*Дэ зэибиблыр нэ **пццыкхъуи***

Дохъур. Фыплъэ къуэи.

*Дэ зэибиблыр **лэ пццыкхъуи***

*Дохъур – девмыгъэи*²⁰.

«Нас **семеро братьев**, и глаз у нас **четырнадцать**.

Смотрите в оба, братья.

Нас **семеро братьев**, и рук у нас **четырнадцать**,

Давайте не будем уставать».

Числовые параметры являются составной частью многих загадок: благодаря жанровой специфике и функции, для загадок характерно использование словарного материала в иносказательном смысле, что может служить свидетельством об обучающем и развивающем характере этого жанра. Для языка загадок характерно наличие числовых шаблонов:

ВагъуитIым яку Iуащхъэ дэтиц (Пэ) / ЖъогъуитIмэ азыфагу Iуащхъэ дэт (Пэ). «Между **двумя** звездами – гора» (Нос).

Зыр мэгушыIэ, тIур маплъэ, тIур мэдаIо (Жэ, нитIу, тхъакIумитIу). «**Один** разговаривает, **двое** смотрят, **двое** слушают» (Рот, глаза и уши)²¹. *ЗэшитIум зы гъогу азыфагу (Напцэ)*. «Между **двумя братьями** одна дорога» (Брови)²².

Куэбжыцэ хэлми, дыхъэпIэр зыщ (Хъы). «**Сто** ворот, вход **один**» (Сеть).

Числовые параметры играют немаловажную роль в отражении представлений адыгов о возрасте человека, точнее, мужчины: *ИлъэситIу ныбжъым щитым деж цIыхур бзум хуэдэци золъатэ, илъэс пщыкIухым нэсмэ, чыцI къуейщIейм ецхъыц. Илъэс тIоуцI ирикъуамэ, дыгъужь хуэдэ мэгуихуэ. Илъэс плIыщIым нэсмэ, аслъэн хуэдэ хахуэц. Илъэс хыцI ирикъуар вы хуэдэ гуащIафIэц, и акъыл ирикъуащ. Илъэс пщIейм нэсмэ, пэцащэ фIэкI ищIэжышхуэ цыIэкъым. ИлъэситIу ирикъуар джэдыкIэ икIумIыи хуэдэц*²³. «В **десять** лет человек подобен птице и летает, в **шестнадцать** лет человек подобен игривому козленку, в **двадцать** лет человек подобен волку. В **сорок** лет он храбрый, словно лев. В **шестьдесят** выносливый, словно вол. В **восемьдесят** он только копошится. В **сто** лет он подобен тухлому яйцу».

Особенно ярко национальное самосознание и специфику мышления выражают названия созвездий. У разных народов существуют разные названия созвездий: созвездие Большой Медведицы у адыгов именуется *Вагъуэзэшибл* [букв. «семь братьев звезд»].

Число в большинстве культурных традиций имеет свою символику. Можно предположить, что числовой символизм зародился в мифологическом мышлении. По справедливому замечанию Э. Кассирера, не только число как таковое, но и каждое отдельное число овеяно здесь как бы собственным дыханием волшебства, передающегося всему, что соприкасается с ним, пусть это даже будет нечто, по видимости, совершенно незначительное. Вплоть до самых нижних пластов мифологического мышления, вплоть до магических воззрений и самой примитивной магической практики ощущается эта дрожь священного, окутывающая число: ибо всякая магия в значительной степени является магией чисел²⁴.

Употребление большого количества чисел в мифологических текстах и обрядовой поэзии служит подтверждением того, что на определенном этапе развития человеческого мышления и мировидения они имели большую силу и были средством воздействия на сверхъестественные явления. Так, в адыгской лингвокультуре иногда в одном контексте встречается символическое сочетание нескольких чисел: *Унэ ебланэм кыныщIыхъауэ зы чэт кынытыц, абы цIэтиц зы тIы къащхуэ, зы тIы хужь, зы тIы фIыцIэ. Абы уцIыхъэрэ тIы хужьым зытебдзэмэ, цIы къатиблIэ удридзеинурэ дунейм утридзэжынууц. Ауэ тIы къащхуэм зытебдзэмэ, цIы къатиблIэ упхридзынууц, тIы фIыцIэм зытебдзэмэ, цIы къатиблIэ уридзыхынууц, – жиIэри хъыджэбз нэхъыщIэри къытIысхъэри [матэм] кърахыжащ*²⁵. «К седьмой комнате пристроена овчарня. В ней **три барана** – серый, белый и черный. Если зайдешь в овчарню и навалишься на белого барана, он бросит тебя на **семь ярусов вверх**, и ты окажешься в своем мире, если

ты навалишься на серого барана, он пробросит тебя на **семь ярусов** в сторону, если навалишься на черного, он забросит тебя на **семь ярусов** вниз».

В кабардино-черкесском языке встречаются лексемы, обозначающие размер и количество, выраженные при помощи числовых параметров. В сознании адыгов разница между правдой и ложью равна ширине четырех пальцев – **плалэ**. Это подтверждается изречением мудреца адыгов Жабаги Казаного: *Къэзэнокъуэ Жэбагы блэкIти еуицIаиц илалэ гун:*

– *Пэжымрэ ицIымрэ даицэ я зэхуаку, Жэбагы? – жари.*

– *Плалэ я зэхуакуи.*

– *Уэлэхыи, къыдгуремыIуа жыиIар!*

– *ИиIэ, иIасэ, – жиIаиц, – фи IэпхъуамбиIыр нэмрэ тхъэкIумэмрэ и зэхуакум дэфлэхъэт.*

– *Даицэ я зэхуаку фи тхъэкIумэмрэ фи нэмрэ?*

ТхъэкIумэмкIэ зэхэпхыр ицIыиц, нэхэмкIэ плъагъур пэжиц²⁶.

«Однажды проходившего мимо Жабаги Казаного спросили молодые парни:

– Каково расстояние между правдой и ложью, Жабаги?

Жабаги ответил: «Расстояние, равное ширине четырех пальцев».

– Клянемся Аллахом, мы не поняли, что ты сказал.

[Жабаги:] Тогда, милые, положите свои четыре пальца между глазом и ухом.

Чему равно расстояние между глазом и ухом?

– То, что услышишь ухом, неправда, а то, что видишь глазами, – верно».

Кроме того, для выражения размера используется адыгское выражение **IэфракIэ плIыицI** «сорок локтей».

Нартхэ я Ерахъиу мыгъуэр си псэлъыхъукъэ –

Бэрэ укъыслъыхъу ицхъэкIэ сибдэкIуэнкъым:

Цей IэфракIэ плIыицIыр лъэпэд пхурымькъу,

Уэ цей пхурикъун сэ хэт езгъэицIын²⁷.

«Нартов Ерахшу, о горе, меня сватает,

Сколько бы ни сватался, а за тебя не выйду.

Сорока локтей домотканого сукна тебе не хватает на носки,

А кто мне изготовит столько сукна, чтобы тебе хватило на череску».

Итак, анализ теоретического и иллюстративного материала дает основание говорить о правомерности выделения в кабардино-черкесском языке числовых концептов, так как число является основной содержательной единицей языковой картины мира, ментального лексикона, мифопоэтической традиции, фольклора, обрядовой поэзии.

Согласно теории Ю.Е. Прохорова, концепт – это и миф, и символ, и знак. Концепт – это совокупность неконченного числа мифов, неконченного числа символов и знаков²⁸.

Таким образом, об особом символическом значении числовых параметров в адыгской языковой картине мира свидетельствуют различные факты языка и культурной традиции. Это, прежде всего, архаичные фольклорные и числовые тексты с наличием большого количества числовых шаблонов. В большинстве случаев использование чисел в таком контексте приобретает семиотический, символический смысл.

Примечания

1. Будагов Р.А. Филология и культура. М.: Издательство МГУ, 1980. С. 78.

2. Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1985. С. 19.

3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1972. С. 317.

4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира // Вопросы литературы. 1987. № 10. С. 156.
5. Кумыкова Д.М. Этнографические лакуны и способы их перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Нижний Новгород, 2010. С. 217.
6. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Издательство «Гнозис», 1994. Ч. I. С. 56.
7. Уорф Б.Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 172.
8. Бижева З.Х. Культурные концепты в кабардинском языке. Нальчик: Каб.-Балк. университет, 1997. С. 29.
9. Там же. С. 36.
10. Маковский М.М. Язык, миф, культура: Символы жизни и жизнь символов. М., 1996. С. 15–16.
11. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 39.
12. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 14.
13. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 15.
14. Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 152.
15. Кирло Х. Словарь символов. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. С. 482.
16. Кудаева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 104.
17. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 631.
18. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. С. 244.
19. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, 1995. Н. 377.
20. Къыцокъуэ А.П. Тхыгъэхэр. Томыхым щызэхуэхъасауэ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н.
21. Адыгэ гушыгъэхэр, къоджэхь-къоджэшххэр, Гурыгупчъхэр. Мыекъуапэ: Краснодар тхылъ тедзапэм и Адыгэ отделенэ, 1978. Н. 187.
22. Там же. С. 187.
23. Адыгэ Гуэрыгуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. Н. 335.
24. Кассирер Э. Философия символических форм. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 2. С. 152.
25. Жылау Н. Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. Н. 131.
26. Адыгэ таурыхъхэр. Налшык: Эль-Фа, 2005. Н. 252.
27. Из адыгского народного эпоса / Сост. и комм. А.М. Гутова и Г.Ф. Турчанинова. Нальчик: Эльбрус, 1987. С. 99.
28. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта, наука, 2008. С. 46.

М.Р. Hezheva

ROLE OF NUMBERS IN THE REFLECTION ADYGHIAN LANGUAGE WORLD PICTURE

The article is devoted to studying the role of numbers in the reflection of the Adyghian language picture of the world. The basic position of the researchers who applied to the study of the concept of linguistic world. As the analysis shows, the numbers in Kabardino-Circassian language can perform developmental function.

Keywords: number, language picture of the world, the numerical symbolism.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.8

Х.Х. Малкондуев

ПЕСНЯ О МИСИРБИИ

В рукописи впервые исследуются сюжетно-повествовательные и композиционно-структурные особенности народной исторической «Песни о Мисирбии», датируемой приблизительно XVII в. Текст, весьма известный и в дигорском песенном фольклоре, с большой точностью передает конфликт между враждующими патронимиями в осетинской аристократической среде, который нередко заканчивался трагедией. В песне воспеваются героизм и отвага Мисирбия Каражауова, соблюдавшего во всей строгости кодекс княжеской чести.

Ключевые слова: Басият, Бадилят, Мисирбий, Абаевы, Дигория, песня-плач, трагедия, кинжал, ружье, белый конь.

Сюжет песни о Мисирбии

Впервые песня о Мисирбии была опубликована в 1959 г. в сборнике «Антология балкарской поэзии»¹, но она не представляла полный ее вариант. В 1962 г. в книге «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» под названием «Осетин Бадинат, балкарец Басият» напечатан интересный пересказ содержания данной песни, представляющего архаичный вариант произведения на родном, цокающем диалекте и в переводе на русский язык².

Изученные нами варианты песни следующим образом передают ее сюжет. Князя Дигории и Балкарии собираются дважды в «къала сый» – в «родовую (княжескую) башню», очевидно, в Дигории, а затем у Абаевых в Балкарии; одни из них стреляют на меткость, а другие пьют хмельные напитки; наконец решаются пойти «таш килисаны тонаргъа» – «грабить церковь, выстроенную из камня», но самый молодой и отважный среди них Кубатиев Бекмырза (**кто это?**) решительно говорит, что без предводительства князя Мисирбия Каражауова он не пойдет с ними на подвиги. Спорят между собой князья, и никто не отваживается пойти с вестью домой к Мисирбию, т.к. Кубатиевы и Каражауовы давние родовые враги из-за земельной границы. «Я решаюсь на это, – говорит на княжеском совете молодой Бекмырза, – но меня должен кто-то из вас сопровождать». Но никто не решается на это, и тогда он берет с собой своего воспитателя, глухого старика Биттуева Геуша. Когда они приблизились к аулу, увидели молодых ребят, пасущихся телят; от них узнают, что князь Мисирбий женился и находится в окружении своих друзей. Но об их приближении в аул Мисирбий знает и строго предупреждает наказать тех, кто отнесется к ним с уважением или же коснется рукой их стремени. Мисирбий ставит караулы в трех местах, останавливает свадебную церемонию, закрывает ворота, но Бекмырза перепрыгивает через них, открывает ворота и пропускает во двор Геуша. Видя, что никто не обращает на них внимания, «они проходят в среднюю комнату», где князья приветствуют их стоя, кроме самого Мисирбия, который ясно выражает недоброжелательное отношение к непрошеным гостям и неискренне заявляет, чтобы они присели и отведали хмельные напитки и мясо. На это Бекмырза отвечает, что не честь для князя не встать, когда другие встают, и показывать свою ненависть гостю в собственном доме, даже учитывая то, что два

рода давно враждуют. «Мы пришли не есть и пить, а чтобы ты был нашим предводителем в походе, который мы затеяли».

Мисирбий говорит, что он не может оставить свадьбу и гостей и в этот раз не в состоянии пойти на подвиги. Бекмырза отвечает, что если место, где собираются князья Кабарды и Таулу, тот может найти время посетить, мы уходим, и покидает двор. После этого Мисирбий мгновенно меняет свое решение: мол, что скажут князья, если я останусь дома, и собирается в путь. Тут Бекмырза и Мисирбий мирятся между собой и подают друг другу руки.

Бекмырза признает в Мисирбии отца, а Мисирбий в нем – сына, и после столь трогательного завершения переговоров, они отправляются вместе в путь. Молодая жена же Мисирбия всячески уговаривает мужа не ходить в этот раз с ними в набег, ибо его преследует знак смерти, и князья неискренни к нему. Когда же Мисирбий, не послушав ее, садится на своего белого коня и отправляется в путь, она произносит вослед страшное проклятие в адрес своего мужа.

После удачного похода князья пируют в Балкарии, но откуда-то раздается выстрел, и у тяжело раненного Мисирбия князья отбирают его прославленное ружье, отрубив руки слепому князю, который никак не хотел его отдать. Мужеством Бекмырза возвращает ружье хозяину. Находясь в сознании, Мисирбий делает следующее завещание Бекмырзе: чтобы он женился на его красавице-сестре, а к молодой жене (вдове) относился, как к своей сестре. Богатство, земли свои и дом оставляет молодому дигорскому князю Бекмырзе Кубатиеву, но с условием, чтобы он мог так же строго княжить в общине, как сам он, Мисирбий.

Предание гласит, что от Бекмырзы пошла осетинская аристократическая ветвь Кубадиевых, но сказать, сохранились ли в настоящее время у балкарцев, осетин и карачаевцев потомки князей Кубадиевых, весьма сложно. Этот вопрос мы оставим историкам. Наши поиски по данному вопросу не дали никаких результатов.

Жанр и поэтика

Опубликованный в 1959 г. текст строится в тирадной форме, где каждая строка сопровождается музыкальной голосовой полифонией – «эжиу». Размер строк таков, что с большой точностью соответствует особенностям музыкального исполнения архаического героико-исторического песенного жанра. Хотя в нем и сохраняются основные сюжетно-повествовательные компоненты малого эпического жанра, но отсутствует ряд главных эпизодов, составляющих поэтико-стилевые координаты конфликта.

Песня завершается тем, что Мисирбий не прислушивается к просьбе жены и готовится отправиться на княжеские развлечения, и она проклинает его в своем монологе, в котором ярко выражены цветовые символы и красочные оппозиции:

«Бери айлансанг а, акъ атынга кесинг сал болгъун!» – деди.

Ой, тай, тай!

«Къара чепкенинги туймеси сайын а окъ тийсин,

Ой, алай да окъ тийсин!» – деди.

«Акъ къапталынги илгиси сайын къан сийсин!» – деди.

«Когда будешь возвращаться, чтобы на твоём белом коне
несли твой труп!» – сказала.

Ой, тай, тай!

«Чтобы каждую пуговицу твоего черного плаща пронзила пуля,

Ой, чтобы так пронзила!» – сказала.

«Чтобы с каждой петли твоего белого бешмета кровь лилась!» –

Сказала³.

Наиболее полный вариант песни представляет текст, опубликованный в 1969 г. в сборнике «Балкарские народные песни», по содержанию которого мы сумеем провести относительно полный анализ его поэтико-стилевых схем.

Во всех вариантах устойчивой моделью является вступительная часть произведения, которая знакомит нас с местом прохождения и целью будущих событий. Здесь как бы происходит слияние вступления и зачина, которые, согласно содержанию произведения, дают ясное представление о характере встречи и социальном статусе дигорских и балкарских князей:

Ой, тай-тай, Дюгер Бадинаты, Малкъар Басиаты,
Къалмай ала да бу жортуулгъа чыкъдыла.
Ой, тай-тай, артларын да къоду бла къыялла,
Къычырсала, бир аман борбай къыялла.
Ой, тай-тай, оноу этелле была тоноу керекге,
Илишан аталла Чегетде чинар терекге.
Ой, тай-тай, илишанны уа, атып, киши урмайды,
Быллай жерде башсыз жыйын къолай болмайды.
Ой, тай-тай, алайчыкъда киши ахшысын тергейле,
Къаражау улу Мисирбийни жыйында кърмейле.
Ой, тай-тай. Мисирбийсиз барыр жерлерин билмейле,
Мисирбийсиз оноу этерге да суймейле⁴.

Ой, тай-тай, Бадиляты Дигории, Басиаты Балкарии,
Они все собрались совершить набег
Ой, тай-тай, имя свое вестью о сборе кличем слышат,
Криком своим оглушают все кругом.
Ой, тай-тай, они решаются совершить набег,
Они стреляют на меткость в чинаровое дерево в Чегете.
Ой, тай-тай, никто не может поразить цель.
В таком месте сборище без предводителя нехорошо.
Ой, тай-тай, здесь вспоминают лучших мужей,
Не видят среди собравшихся Каражауова Мисирбия.
Ой, тай-тай, без Мисирбия они не знают куда пойти,
Без Мисирбия они и не хотят решение принимать.

Если традиционно сюжетные элементы композиции малого эпического жанра по сравнению с богатырским эпосом развиты значительно слабее, то в некоторых историко-героических песнях отчетливо проявляются тончайшие содержательные-повествовательные координаты. Зачинный сюжетный элемент в контексте содержательного материала данного произведения о том, что собираются дигорские князья Бадиляты и балкарские князья Басиаты в Балкарии, тешатся по канонам горской аристократии, а затем вспоминают самого отважного из князей – дигорца Мисирбия, вполне соответствует мастерски отточенным композиционным особенностям малого эпического жанра.

В данных строках зачин как бы подготавливает читателей к дальнейшему развитию действия, где перед нами открываются новые персонажи и события, дополняя содержательные контуры песни, воспевающей выдающиеся качества Мисирбия как отважного человека, с именем и честью которого считаются все в округе:

Мисирбийге сен бар, мен бар болдула,
Мисирбийге уа барыргъа киши базмады.
Къубадий улу жигит туугъан Бекмырза,
Жыйындан чыгъыб'а, ол артха айланып селешеди:
«Жашлыкъдан бери ат бойнунда жюрюйме, – деди, –
Ой, алай да жюрюйме.
Бу жол болмаса башсыз жыйыннга кирмедим.
Ой, алай да кирмедим,
Бу жол болмаса, оноу этерге да суймедим!» – деди⁵
Къубадиылары бла Къаражаулары жау эдиле,
Орталары да бир адам ётмез тау эди.

«Жангыз адам келечиге бармайды,
Беригиз жыйындан кесим суйген бир негер».
Алайда негерге барырга киши чыкмады,
Негерликте орталарында киши базынмады.
«Алай болса, кесиме негерге сангырау Геуюзгюню алырма,
Геуюзгю бла да мен келечиге барырма, – деди. –
Геуюзгю кьулду, болсада, бийле да бийле бла баш киши,
Геуюзгю кибиг'а ма бу жанында азды киши», – деди⁶

Спорили-рядили, кто пойдет к Мисирбию,
К Мисирбию никто не осмелился отправиться.
Кубадиевых молодец, рожденный героем Бекмырза,
Отделившись от толпы, оглянувшись, сказал:
«С ранней молодости я верхом на коне езжу,
Ой, да так я езжу верхом!
До настоящего без седла не садился на коня,
До настоящего не участвовал в сборище без предводителя,
Ой, да не участвовал,
До настоящего я не стремился руководить!» – сказал.
Кубадиевы и Каражауовы были врагами,
Отношения между ними были непроходимой для человека горой
(т.е. сложными).
«Один человек не является посланником,
Дайте мне из собравшихся одного мною выбранного напарника».
Там в напарники идти никто не вышел,
В напарники (идти) среди них никто не отважился.
«Раз так, я себе сопровождающим возьму глухого Геуюзгю,
И с Геуюзгю пойду я посланником, – сказал. –
Геуюзгю холоп, однако, он выше князей (по отваге),
Подобных Геуюзгю в этой стороне мало мужей», – сказал.

Как показывает содержание песни, развитие действия делится на три сюжетных элемента: это описанный в этих строках эпизод о том, что пойти на переговоры к Мисирбию никто не отваживается, и решается на это самый молодой среди них князь Бекмырза из рода Кубадиевых, который берет себе в сопровождение Геуюзгю из простого рода Биттуевых; вторым сюжетным элементом в развитии действия служит повествование о том, как Бекмырза со своим холопом отправляется в аул князя Мисирбия. Песня не лишена романтических сцен: увидев их издалека, Мисирбий молвит, что если они пройдут брод реки в местности Канлы Юрюк (в интерференции «Кровавый Урюк»), их приход не к добру; когда они выбирают эту местность, чтобы перейти речку, князь расставляет вокруг караулы и прекращает свадебные торжества.

Третьим, наиболее интересным разделом текста является повествование о том, как, узнав, что Мисирбий находится у себя дома в окружении друзей и родственников, они перепрыгивают через забор, входят в комнату, где пируют князья; здесь им все выражают почтение, кроме самого Мисирбия, который не встает и не протягивает им руки, вызывая у них недовольство; диалог между Мисирбием и Бекмырзой носит острый характер, приводит к развязке конфликта и приближает главную композиционную систему произведения – кульминацию; песня завершается тем, что, проявив тонкую дипломатию, Бекмырза дает знать Мисирбию, что мог бы он относиться с уважением к княжескому совету, который послал делегацию к нему, где было решено, что предводителем намечаемого набега будет он, Мисирбий Каражауов. Кульминация наступает, когда Мисирбий неожиданно меняет свое мнение и решается принять участие в набеге:

«Барырма, – деди, – тамбла кюн кьушлукьга,
Бюгюн кьараргьа керекме ушкокга».

«Подъеду, – сказал, – завтра на рассвете,
Сегодня же должен осмотреть свое оружие».

В другом варианте более ярко и обстоятельно передаются сюжетные элементы композиции:

Къаражау улу сагъыш этип башлады,
Оюн да, тоюн да ташлады,
Жолоучулукъ кийимлерин кийип башлады:
«Энди мен кетейим, барайым, – деди, –
Къабарты бла Таулуну жыйылган жерлерине,
Сиз барган жерге бармасам, оноучу болурсуз ишиме.
Сизден артха мен къалсам – къатын келлю кишиме».
Алайда Мисирбий Бекмырза бла жарашханды⁷.

Отпрыск Каражауовых начал размышлять,
Оставил он игры, свою свадьбу,
Принялся надевать походные вещи:
«Теперь я уйду, отправлюсь, – сказал, –
Куда собираются (князья) Кабарды и Таулу.
Если не пойду туда, где вы собираетесь, будете править без меня.
Если я не буду с вами – я мужчина с женской душой».
Здесь Мисирбий с Бекмырзой примирился.

Кульминация характеризуется тремя основными сюжетными элементами: решительность и дипломатичность Бекмырзы Кубадиева; соблюдение княжеской чести Мисирбием Каражауовым, который, предчувствуя трагедию, о чем его предупреждает и молодая жена, решается на подвиг; заключение мира с представителем рода Кубадиевых Бекмырзой, с которыми у Каражауовых была древняя и серьезная вражда из-за земельных угодий.

О дальнейших событиях, связанных с набегом князей в чужие земли, почти ничего не говорится, кроме того, что:

Энди была ура-жорта кетдиле,
Бара-барып, жыйыннга уа жетдиле.
Энди бары да бир болуп,
Таш киисаны тонарга кетдиле.
Сора ала тау курнатха бардыла,
Сора ала басдыла, элни чачдыла⁸.

Теперь они рысцой отправились,
Добрались вскоре до места сборища.
Теперь, объединившись, все вместе,
Пошли грабить каменную церковь.
Они добрались до горного перевала,
Затем они захватили и ограбили село.

Судя по содержанию песни, князья Дигории, Кабарды и Балкарии грабили христианское селение, что наводит нас на мысль, что поход был совершен на сванскую территорию.

Значительный интерес представляют сюжетные элементы, связанные с развязкой как элементом композиции. Данное структурно-содержательное образование формируется интереснейшими микросюжетными координатами, среди которых мы бы выделили следующие: в ауле Кюнлюм Балкарии раздается неожиданный выстрел, который тяжело ранит Мисирбия; воспользовавшись этим, князья отбирают у него прославленное «Къаражауулары къара ушкок» – «черное бесценное ружье Каражауовых», на что Мисирбий отвечает: «Мен бир ёлмейме, эки

ёлеме» – «Я умираю не один раз, а дважды», – что метафорически означало: «Я умираю дважды. Вторая, неожиданная для меня смерть, – позор из-за того, что я не могу защититься и отбирают у меня, тяжелораненного, родовое знаменитое ружье». Видя такую картину, применив силу, Бекмырза отбирает ружье из рук неприятного и, как поется в песне, пожилого князя и возвращает его Мисирбию; видя подобный поступок со стороны недавнего своего врага, тот делает следующее завещание: чтобы Бекмырза женился на его красавице-сестре, к жене же относился бы как к сестре, богатство свое оставляет тоже ему но, чтобы он также был внимательным к своему имуществу, как сам Мисирбий.

Главную содержательно-эмоциональную роль в песне играет конфликт, который носит сложный и полисюжетный характер, что выражается следующими содержательными элементами: конфликт из-за земельных отношений, давно существующая вражда между Кубатиевыми и Каражауовыми; соперничество между Мисирбием и другими осетинскими и балкарскими князьями из-за влияния в аристократической среде; разногласия между Мисирбием и его женой Агундой. Князья не могут простить отважность и большую популярность его в народе. Вопреки чести, князья отбирают у тяжело раненного Мисирбия без промаха стреляющее ружье «къара ушкок»; произведение завершается неожиданным, коварным убийством прославленного князя.

Несмотря на героический поступок молодого князя Бекмырзы, который приводит к перемирию Кубатиевых и Каражауовых, у него появляются новые враги, которые не могут простить его смелость, богатство и популярность в аристократическом кругу любителей совершать набеги на чужие земли с целью грабежа.

Однако анализ художественно-повествовательных особенностей данного произведения будет неполным, если не вернуться к тексту, записанному нами в сел. Безенги в 1979 г. в исполнении прекрасного знатока карачаево-балкарского фольклора Исмаила Хусейнаева. Он возвращает нас к сюжетно-детерминантным размышлениям, скорбному лирическому монологу жены Мисирбия по случаю трагической гибели прославленного героя.

Вернувшись из похода, у подножья гор в верховьях Уштулу наездники устраивают пиршество. Как предводителю дружины Мисирбию подают лопатку сваренной овцы, по которой он должен предсказать нечто важное относительно себя и остальных. Осмотрев кость, Мисирбий предлагает как можно быстрее разойтись по своим аулам и семьям. Но, сговорившись с осетинскими князьями Карабугаевыми, Басияты – Абаевы настойчиво зовут его в гости в Балкарию. Мисирбий не может отказать им и с нежеланием едет в аул Кюнлюм, где во дворе князей Абаевых распивают хмельные напитки, произносят тосты в честь него и богато угощают.

В одно мгновение раздается выстрел, и у тяжелораненного Мисирбия отбирают его знаменитое «къара ушкок», или «алтынлы ушкок», что в интерференции звучит «меткое ружье», «позолоченное ружье». Следующим образом об этом повествует песня:

Малкъар Басиятына аман акъыл киргенди,
Мисирбийни къонакъгъа чакъырыгъа сюйгенди.
Абай къалада была жыллыкъ боза ичелле,
Малла кесип, тепсеп, ойнап серленелле,
«Мисирбийден батыр Дюгерде, Малкъарда да жокъду!», – дейле.
Была жашырын къанлы оюмла этелле,
Мисирбийни ёлтюрюп, дунягъа айтылгъан
Ол алтынлы ушкогун сыйырыгъа дейле.
Бир заманда къанлы ушкок атылды,
Мисирбийни аркъасындан къан тамды,
Къубадий улу бий Бекмырза секирип турду,

Бийлени бир кѣауумун кѣамасы бла урду,
Сора айтды: «Олмуду сизни бийлик бетигиз?
Аман жерде чирисин сизни этигиз!
Башчы болуп баргъан эди алыбызда,
Юйретген эди бизни чабыууллукъ жоллагъа.
Къарабугъалары, Абайлары антсызла
Мисирбийни айтхылыкъ ушкогун алалмазла!» – дегенди,
Сора, сыйырып, алтынлыны Мисирбийге бергенди⁹.

Басияты Балкарии затеяли злое дело:
Они хотят пригласить в гости Мисирбия.
В башне Абаевых они пьют годовой выдержки бузу,
Режут скотину, танцуют, веселятся.
«Храбрее Мисирбия нет ни в Дигории, ни в Балкарии», – говорят.
Они тайно кровавое дело затевают:
Убив Мисирбия, его прославленное,
Позолоченное ружье отнять собираются.
Вдруг кровавое ружье выстрелило,
Из спины Мисирбия закапала кровь –
Кубадиевых сын, князь Бекмырза вскочил,
Нескольких князей своим кинжалом поразил,
Затем сказал: «Это ли ваша княжеская мораль?
Чтобы сгнили вы в недобром месте!
Он предводителем шел впереди нас,
Показал нам тропы для совершения набегов...
Карабугаевы и Абаевы – клятвопреступники –
Не смеют присвоить его прославленное ружье», – сказал.
Затем, отняв, позолоченное (ружье) вернул Мисирбию.

Как видно, текст состоит из разных строф – трехстишия, пятистишия и семистишия, что говорит об его исключительной фольклорной основе. В отличие от других вариантов, здесь ясно раскрывается сюжетный элемент о коварстве и злонамерении еще вчерашних друзей-соратников в отношении Мисирбия, который всегда был для них большим авторитетом как рыцарь, не боявшийся смерти и одолевавший все трудности на своем пути.

В данном варианте более отчетливо вырисовываются латентные формы конфликта, т.к. по содержанию текста они рождались неслучайно. Хотя в песне это и не отражается, информатор из Верхней Балкарии Хусейн Хозаев высказал мысль, что главной причиной убийства Мисирбия явилось присвоение дигорской аристократией земельных угодий князя, а поводом, якобы, послужило овладение его прославленным ружьем.

С морально-нравственной позиции герои песни делятся на две категории: положительную представляют Мисирбий Каражауов и Бекмырза Кубадиев, а отрицательную – Абаевы и Карабугаевы.

«Конфликт в произведении выполняет функцию системы, оценивающей действительность. Формы и способы этой оценки зависят от жанрово-родовой природы произведения. Поэтому, когда речь идет о природе конфликта, необходимо отметить роль коллизионных ситуаций в создании родовых контуров», – вполне обоснованно размышляет талантливый литературовед Казбек Шаззо¹⁰.

Только в данном варианте текста мы располагаем монологом жены Мисирбия Агунды о его смерти, которая накануне уговаривала мужа не ходить в поход, воздержаться от него на этот раз. Он (вариант) носит традиционно лирический характер, где женский плач наделяется высоким искусством поэтической культуры, а подача сложных сюжетных элементов мастерски вписывается в текст.

Следующим образом выглядит подготовка к плачу-монологу Агунды, а затем и сама элегия, слушать которую бесконечно была готова вся община:

Привезли останки Мисирбии в его село.
Черная печаль окутала землю Дигории.
Его красавица-жена Агунда надела на себя все черное.
Долгие годы потом она не снимала их.
Подошла она близко к покойному Мисирбию
И начала причитать так:
«Черные сны я видела в ту ночь,
Не поворачивая никуда, иди домой, я просила.
Обманом тебя завлекли в Большую Балкарию,
Там у тебя, несчастного, жизнь отняли.
Я, несчастная, такие сны видела:
Ты верно шел домой,
Но обманом тебя завели в пещеру,
Как только ты там сел отдохнуть,
За тобой вход заперли!
Ты остался там, не в силах отворить!
Тебя окружили со всех сторон черные змеи,
Пещерные крысы окружили тебя со всех сторон!
Сверху на тебя падали каменные глыбы!
На голову твою садились летучие мыши.
Ты же оставался там беспомощным:
«Помоги мне!» – кричал, обращаясь ко мне!¹¹.

Анализ текста показал, что сложные содержательно-повествовательные схемы говорят о том, что к XVII в. уже сложились фольклорные поэтические формы, типы и приемы композиции, структурно оформился образ человека, закрепились устойчивые художественно-стилевые формулы, где особо следует выделить эпитет *къара* «черный», который, в зависимости от контекста, принимает конкретное иносказательно-символическое значение.

Историческая песня конца XVII – начала XVIII в. о феодальном набеге «Мисирбий Каражауов» существует и в осетинском фольклоре¹². «Среди песен «О Мисирби» также выделяются такие варианты, которые созданы певцами, преданными феодалу Мисирби Караджаеву. Созданы эти песни в память о его гибели и воспевают его героизм. Народ же создал на эту тему, по поводу этого события песню с иным идейным содержанием: в ней осуждается набег и предводитель его Мисирби, а на первый план выдвигаются другие герои, при этом подчеркивается их социальное положение – адамихаты», – размышляет исследователь осетинских историко-героических песен Т.А. Хамицаева¹³. Таким образом, сравнительный анализ дигорских и караево-балкарских вариантов песен о Мисирбии Каражауове показал, что в них подчеркивается главным образом героизм, отвага, храбрость дигорского князя, пользовавшегося за эти качества большим уважением в феодальном кругу ряда народов Северного Кавказа.

Примечания

1. Малкъар поэзияны антологиясы. Нальчик, 1959. С. 56–59.
2. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962. С. 31–38.
3. Къарачай-малкъар фольклор. Нальчик, 1996. С. 249–252.
4. Материалы и исследования по балкарской диалектологии ... С. 34–38.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.

9. Запись Х.Х. Малкондуева (1979) в сел. Безенги в исполнении Хусейнаева Исмаила.
10. *Шаззо К.Г.* Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературных. Тбилиси, 1978. С. 18.
11. Запись Х.Х. Малкондуева (1979) в сел. Безенги в исполнении Хусейнаева Исмаила.
12. *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Владикавказ, 1973. С. 63, 64.
13. Там же.

H.H. Malkonduev

SONG ABOUT MISIRBI

The plot, narrative, compositional and structural features of popular folk historical «Song about Misirbi», dating approximately the XVII century are investigated for the first time in the manuscript. The text is very famous in Digor song folklore too, with great precision it conveys the conflict between rival families in Ossetian aristocratic circles, which often ends in tragedy. The song praises the heroism and bravery of Misirbi Karazhauov, who entirely followed the codex of principedom

Keywords: Basiyat, Badilyat, Misirbiy, Abaevs, Digoriya, song-mourning, tragedy, dagger, rifle, white horse.

Л.С. Хагожеева

МУЖСКАЯ ДРУЖБА В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ЧЕРКЕССКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗНАТИ

(По материалам рыцарских рассказов и преданий)

Статья отображает различные аспекты образа жизни высших сословий адыгского феодального общества, в частности, принцип нерушимости мужской дружбы. Для исследования и анализа привлекается материал адыгских преданий.

Ключевые слова: Феодальная знать, адыгские предания, мужская дружба, гостеприимство, воспитание.

Одним из важнейших в системе адыгского рыцарского кодекса *уэркъ хабзэ* был принцип нерушимости мужской дружбы, который широко и разнообразно представлен в рыцарских рассказах и преданиях.

В одном из таких рассказов под названием «Кундет, сын Кундета и князь Кундет»¹ главные герои как две капли воды похожи друг на друга, и на этом строится вся фабула рассказа. Кундет, сын Кундета, соблазняет дочь царя, за что должен быть предан казни. Князь Кундет, чтобы выручить своего друга, прячет его в своем доме, оставляя со своей ничего не подозревающей женой, а сам отправляется во дворец. Ночью Кундет, сын Кундета, кладет между собой и женой друга меч, тем самым давая ей понять, кто он на самом деле, что, пользуясь случаем, он не изменит высоким идеалам мужской дружбы. Тем временем князь Кундет, выдавший себя за Кундета, сына Кундета, и приговоренный к казни, просит царя исполнить свое последнее желание – дать ему погарцевать на своем коне. Царь дает свое разрешение. И князь Кундет демонстрирует перед изумленной публикой высокое искусство настоящего наездника. Покоренная этим зрелищем толпа просит царя пощадить джигита и позволить ему жениться на его дочери. Царь охотно соглашается. Таким образом князь Кундет спасает от неминуемой смерти своего друга и сохраняет честь дочери царя.

Как видим, в этом во многом сказочном сюжете каждый из друзей проявляет мужество, благородство, самообладание. Один проявляет сдержанность в плотских желаниях; другой готов отдать свою жизнь, чтобы спасти друга.

Во втором сюжете этого же рассказа тема мужской дружбы раскрывается еще ярче с использованием известного библейско-коранического рассказа. Проходит время. Князя Кундета поражает тяжелая, смертельная болезнь, и он просит своего друга спасти его. Обеспокоенный болезнью своего верного друга, Кундет, сын Кундета приходит к одной знаменитой целительнице и умоляет ее спасти князя Кундета. Знахарка объявляет, что его друга может спасти только принесенная в жертву жизнь и кровь маленького, только что родившегося сына Кундета, сына Кундета. И он, чтобы спасти своего друга, приносит эту жертву. Но народное сознание не может примириться со смертью невинного младенца. Жертвенный поступок во имя дружбы вознаграждается. Сын благородного героя чудесным образом воскресает.

Мотив верности мужской дружбе содержится также в предании «Сальпы жари зылI щыла...»². Салпы приезжает к своему другу Хатокшоко Жамботу, чтобы тот помог ему сосватать дочь Каноковых.

Однако он опоздал: девушка уже выдана замуж, второй день справляется свадьба. Движимый принципом верности и долга по отношению к другу Хатокшоко Жамбот, предварительно уговорив девушку, умыкает ее для своего друга прямо со свадьбы. Отправив друга с невестой домой, он возвращается к селению Каноковых, чтобы отвести их гнев от своего друга и принять все последствия на себя. Хатокшоко Жамбот посылает к Каноковым вестника, чтобы тот сообщил, что Хатокшоко Жамбот, виновник происшедшего, проезжает мимо их селения. Когда отряд всадников с мчащимся впереди всех юным князем Каноковым бросается на него, Жамбот, невзирая на смертельную опасность, отказывается выстрелить в юношу, мотивируя это тем, что всадник слишком юн, чтобы убивать его. В вариантах этого предания Хатокшоко Жамбот говорит, намекая на юный возраст противника: «Не пристало [мне] смешивать кровь с молоком». Юноша, выстрелив, убивает Хатокшоко Жамбота. Герой предания исполняет долг дружбы ценой своей жизни: стремясь составить счастье своего друга, он предоставляет оскорбленным Каноковым возможность смыть позор своей кровью, то есть, по сути, жертвует собой.

Аналогичные проявления мужской дружбы содержатся в других произведениях адыгской сказочной прозы. В предании «Хьэтхым и кьуэ класэ» – «Поздний (младший) сын Хатха»³ два верных друга, не желая оставлять его одного, отправляются вместе с героем на поиски его родителей, угнанных в плен: «...уэлэхыи, уэ уздэклуэм дэри дынэклуэну. Уэ уи клуэдыр ди клуэдмэ, жери – Алах, куда ты пойдешь, туда и мы. Пропадешь ты – пропадем и мы [вместе с тобой]».

В отличие от сказочных персонажей, герои адыгских преданий, как правило, исторически существовавшие личности: Хатокшоко Жамбот, Баг, Балатоко, сын Хатха Мухамат, Чарий Хахупоко, Али Хырцыжоко, Ерстэм Залыко и др. Однако реальность прототипов не мешает создателям народных преданий идеализировать свои персонажи, наделять их необыкновенными достоинствами. В текст предания могут порой вплетены элементы сказки, фантастики. Будучи одним из жанров народной словесности, предания создаются в соответствии с фольклорной эстетикой.

Анализ основных принципов и форм поведения, мотивов поступков героев адыгских преданий позволяет воспроизвести стандарты и нормы поведения адыгского мужа-наездника и воина. Герои преданий олицетворяют собой идеальный образ воина-наездника: они обладают тонким знанием правил и норм взаимного обхождения (адыгэ хабзэ), человечностью (цыхугъэ), готовы всегда сразиться с несправедливостью, прийти на помощь беззащитным и обездоленным. Верность данному слову, преданность в дружбе, бесстрашие, сдержанность, хладнокровие, великодушие и принципиальность – далеко не полный перечень качеств, составляющих образ идеального героя. В образах героев преданий присутствует определенная преемственность с нартскими персонажами. Так же как и Бадыноко, герои адыгских преданий это – одинокие всадники (шу закьуэ), сражающиеся с несправедливостью, защитники обиженных и обездоленных.

Одно из важнейших требований, определяющих значимость адыгского мужа-воина, наездника в глазах общества, – гостеприимство. Гостеприимство, знание и соблюдение его правил представляло собой одно из определяющих качеств личности в адыгском обществе в целом. Нарушение правил гостеприимства могло стать причиной конфликта, вражды, кровопролития и, напротив, неукоснительное исполнение его правил, несмотря на самые неблагоприятные для этого обстоятельства, свидетельствовало о высоких достоинствах человека. Несоблюдение или неукоснительное следование правилам стало сюжетообразующим мотивом некоторых народных преданий. Например, в предании «Льахъэдыгъум и кьуэ закьуэу Куэшхэ я фызабэм и клалэр» – «Единственный сын Тлакодуговых, сын вдовы Кошевых»⁴ – между Багом и князем Болотоком возникает конфликт

из-за нарушения последним правил гостеприимства. Баг приезжает в гости к князю Болотоку. Тот забивает ради него скотину, угощает его и, сочтя это достаточным, уезжает в набег, оставляя гостя одного. Баг месяц дожидается своего бысыма, и, дождавшись, выражает ему свой гнев: «... *хьэкIэ зэрыгъэхьэкIэр иджырэ къэс зымыцIыхуам сэ уэзгъэцIыхужыфынукъым, ауэ сыпсэумэ, сэ ар уэ пхуэзгъэгъункъым*» – «Если до сих пор [кто-то] не знает как нужно принимать гостя, я не смогу научить его, но если буду жив, то не прощу тебе этого», и, не пожав протянутую ему Болотоком руку, приказывает своим спутникам седлать коней. В отместку за оскорбление – он не был принят в соответствии с правилами гостеприимства – Баг угоняет табун лошадей, принадлежащих князю. Князь Болотоко с отрядом настигает похитителей, но когда противники решают поединком выяснить отношения, чувство вины не позволяет князю выстрелить первым и убить своего противника.

Поединок между князем Болотоком и Багом демонстрируют куртуазные правила, включенные в принятое среди адыгской знати, более широкое явление – так называемое «благородной вражды»⁵, когда противники, враги проявляют по отношению друг к другу сдержанность и великодушие. «*Гуныр къызтэувылэри, Багъым-рэ Бэлэтокъуэмрэ зэбгъэдыхъа зы нэшъанэ уэгъуэкIэ. Бэлэтокъуэм сэлам къриха Багъым, Багъыми сэламыр къыIиха. – Къудрэ умыхъэкъуэу си шыбзыр къызэ-тыжмэ схужыну, – джиIэри къельэIуа Бэлэтокъуэр. ... Апхуэдэу шыыхъум Бэлэтокъуэ къэпсалъэри: Къауэ, Багъ, ди псалъэм кIыхъ зомыгъэцIу, лъэныкъуитIми гуп къыдожъэ. – Сэ уишъри къэсхуу, икIи япэ сыноуэу къекIукъым – джиIри идакъым. Багъым ицIыхурт Бэлэтокъэр зэрыIэфIауэр, абы и чэм зэрихъынур, ауэ лыгъэр къытекIуэри уэн идакъым. Бэлэтокъуэри зы тэлайкIэ къегуишъыс-негуишъысри, къгурыIуэжса езыр япэу зэрэкъуэнчэкIауэ шыытар икI Багъыр зэрымылIыгъэншгъэр*» – «Отряд остановился, Баг и Болотоко приблизились друг к другу на расстояние выстрела. Болотоков поздоровался с Багом, Баг принял приветствие.

– Если бы мне отдали моих коней, я бы погнал их домой, – попросил Болотоко. Баг отказывается вернуть табун. После этого, Болотоко говорит:

– Стреляй, Баг, не будем долго разговаривать, с обеих сторон нас ждут наши люди.

– Я и лошадей твоих угоняю, и стрелять буду первым – нет, это неудобно, – отказался Баг.

Баг знал, что Болотоко – прекрасный стрелок, что если он выстрелит, то наверняка его пуля сразит его, но мужество взяло верх и он отказался выстрелить первым. Болотоко на секунду задумался, понял, что был не прав [нарушив законы гостеприимства] и что Баг не трус, и ответил:

– В этом случае я был не прав, прости меня, – повернул своего коня и уехал»⁶.

Обрисованная в предании ситуация куртуазного поведения двух мужественных противников демонстрирует характерные не только для аристократической части, но и в целом общепринятые в адыгском обществе принципы благородного, гуманного отношения друг к другу. Однако в наиболее изысканной их форме эти принципы человечности и великодушия проявлялись в среде аристократических сословий, ведущих воинский и вместе с тем светский образ жизни. Набеги, военные столкновения, путешествия, предпринимаемые с целью обретения воинской славы, поединки, в которых выяснялась и проявлялась доблесть противников, способствовали формированию определенных правил поведения, предусматривающих не простое уничтожение противника, а утверждение своего превосходства над ним, и как следствие – обретение славы, доброго имени, что в системе ценностей адыгского общества было гораздо выше материального благополучия да и самой жизни.

Культивируемая адыгским обществом сдержанность, умение в любой, даже крайне драматической ситуации владеть собой и поступать в соответствии с принятыми правилами и нормами находят отражение в упоминавшемся выше преда-

нии о Хатокшоко Жамботе и братьях Каноко. Квинтэссенция этих принципов – умение владеть собой, а также значимость гостеприимства – содержится в финале повествования, когда княгиня Каноко, войдя в комнату, где лежат тела двух ее убитых в сражении сыновей и тело их противника Хатокшоко Жамбота, не проронив слезинки, приказывает переместить тело Жамбота на более почетное место: «...езыр кӀуэда цхьэкӀэ хабзэр кӀуэдын хуейкъым, – жери, Жамботыр жьантӀэмкӀэ цӀригъальхъэри, езым ейхэр жьантӀэкӀэмкӀэ цӀригъальхъэжа» – «Хоть сам он и пропал, закон [этикет] не должен пропасть», – сказав, приказала перенести на почетное место Жамбота, а своих – на менее почетное»⁷.

В адыгских преданиях находит отражение характерная для адыгского традиционного общества высокая семиотичность поведения, проявляющаяся в символических поступках и жестах, репрезентирующих сложную и взаимосвязанную систему мировоззрения, воплотившаяся в установках и правилах адыгского кодекса взаимного обхождения – хабзэ.

Как уже отмечалось, стереотипы межличностного общения, продиктованные этикетом, были признаны всеми слоями адыгского общества. Однако параметры адыгского кодекса этического поведения, его основные нормы и установки и связанный с ними образ жизни, были характерны и наиболее органичны, прежде всего, для дворянской и княжеской верхушки.

Среди адыгских аристократических сословий существовало своеобразное соперничество между высшими сословиями дворянами-уорками и князьями. Дворянская верхушка (дыжыныгъуэ уоркъ), владельцы селений обосновывали с помощью генеалогических преданий древность своих родов, подчеркивая исконность своего адыгского происхождения и указывали, согласно преданиям, чужеродность, пришлый характер княжеских родов. Отражением подобных притязаний на более тонкое знание и следование правилам этикета, на соответствие моделей поведения представителей уоркских родов общепринятым этическим и этикетным нормам а, следовательно, и более значимый для адыгского сообщества характер дворянского сословия служит ряд преданий, например, предание «Сосрэш и къуэр, Кушукупш, Хьэтхым и къуэ кӀасэр, Хьырцыж и къуэр» – «Сын Сосрена, Кушукупш, поздний сын Хатха, сын Хьырцыжа»⁸. Глава отряда, отправившегося в набег, князь Кушукупш предлагает, по совету сына Сосреша, разделить уорков и князей: *Пицыр пицыуэ цытын хуейц, уэркъыр уэркъыу цытын хуейц. Пицыи уэркъи ямыцӀыхуу цхьэж зыхуэза лъэныкъуэмкӀэ мэув* – «Князь должен быть князем, а уорк должен оставаться уорком. [А то] не различая кто князь, а кто уорк, становятся как придется»⁹. В данном случае в предании находит отражение строгая регламентированность пространственного расположения путников в отряде в соответствии с сословной принадлежностью. Никто не мог становиться впереди князя, местоположение каждого из путников было определено в соответствии с возрастом и социальным положением, согласно с которым путники должны были ехать справа или слева от главы отряда. На ночлег никто не должен был располагаться выше по течению реки, чем князь и его ближайшие спутники.

В вышеупомянутом предании сын Хьырцыжа, не споря, принимает предложение Кушукупша, но решает доказать превосходство уорков над князьями. Уорки покидают отряд, но вопреки принятым правилам, на ночь разбивают лагерь выше по течению реки, чем князь. Когда разгневанный Кушукупш приезжает, чтобы наказать нахального уорка, сын Хьырцыжа скручивает его, бросает позади себя на круп коня и везет назад к стану князей. Показаться в таком положении для Кушукупша означает лишиться чести, и он умоляет сына Хьырцыжа лучше убить его. Последний отпускает пристыженного князя, и с тех пор они снова ходят в набеги все вместе. В ходе дальнейшего повествования уорк – сын Хьырцыжа – вновь обрисован создателями предания в более выгодном свете, чем его спутники князя: он и умнее, и храбрее, и мужественнее князя, и последний, так же как и его спутники, вынужден признать это.

Зачастую в преданиях не акцентируется внимание на принадлежности героя к аристократической верхушке, однако, как правило, оговариваются достоинства отца героя, его семьи. В предании о сыне Хатха Мухамате он, найденный, социально обездоленный, сирота, воспитывается в семье предводителя воинского отряда, которым мог стать только знатный воин, уорк высшей степени или князь. Подобные умолчания отчасти могут быть обусловлены идеологическими причинами, поскольку тексты преданий записывались в условиях тоталитарного социалистического общества, в котором идеализация героев, принадлежащих к аристократическим сословиям, была порой небезопасна.

Вместе с тем более поздние предания, созданные и переосмысленные в эпоху распада патриархальных феодальных связей и порядков, отображали социальные противоречия и конфликты, зародившиеся в адыгском обществе. Князья, уорки, владельцы селений утрачивали свою социально значимую роль военных предводителей, защитников, гарантов законности и порядка. В подобного рода преданиях происходит своего рода инверсия – носителями идеальных качеств становится не знатный уорк или князь, а человек из социальных низов – простой крестьянин, сын вдовы. Однако в такого рода преданиях герой из социальных низов общества ведет образ жизни свободного воина, защитника слабых и обездоленных. В предании «Хьэтхым и къуэ Мыхьэмэт зэрихьа лыгьэм щыщ зы» – «Один из подвигов сына Хатха Мухамата»¹⁰ герой – неказистый на вид всадник на такой же неказистой на вид лошади (как один из героев нартских сказаний). Обманутые его непрезентабельной внешностью на него нападают и захватывают в плен жестокие братья Бороковы. На их требование назвать себя и рассказать о своих подвигах герой отвечает в соответствии с этическими нормами, требующими от мужчины-воина скромности: «*Лыгьэм щыщ зэрихьа лыгьэм зехьэгъуэм щыгъуэ*» – «О мужестве спрашивают тогда, когда необходимо проявить его»¹¹. В заключение, после ряда подвигов, доказывающих его нравственное и воинское превосходство над братьями Бороковыми, когда они, жестокие и заносчивые, проучены и наказаны, освобождены схваченные ими в плен люди, герой называет одному из братьев себя, одновременно обозначая свои нравственные принципы: «*...хейм сыриззукъуэ, пэжым сырилъхьукъуэ, Хьэтхым и къуэ Мыхьэмэт жыхуалэр сэраци, сэлам хьыжу узогъэкъуэж. Дяпэкъэ «Хьэтх и къуэ Мыхьэмэт жыхуалэр сыт?» – жэуэ къоупцъмэ, «пэжым и зэуакъуэ, захуагъэм и лыкъуэ» жэуэ сэлам схухьыж, жери къиутъыцъри къигъэкъуэжащ, – «...борец с ложью, защитник правды, Хатха сын Мухамед зовут меня; не отрезав тебе голову, отпускаю тебя, чтобы [ты] передал мое приветствие. Впредь, если спросят «кто такой сын Хатха Мухамат?» – «борец за правду, правды воин», говоря, мое приветствие передай» – сказав, отпустил и отправил [домой] его»¹².*

В преданиях, как и в сказках, находят отражение основные принципы воспитания мальчиков в знатных адыгских семьях. В предании «Борэжърэ ХьэтЮхьущокуэуэ Гуащэхужьэрэ» описывается процесс выбора аталыка – воспитателя, содержатся основные параметры, в соответствии с которыми мальчики воспитываются до двенадцатилетнего возраста. В указанном предании по окончании обучения мальчиков воспитателем-аталыком отец проверяет, насколько правильно они воспитаны, привиты ли им те или иные умения. Затем он вновь возвращает мальчиков к аталыку, с тем чтобы он дополнил их обучение, дал им необходимые знания. Мальчиков обучают правильному уходу за лошадьми, ремесленным навыкам и знаниям, необходимым наезднику и воину: умению обращаться с ружьем, луком, знанию русского и арабского языка, чтению Корана.

Таким образом, предания отображают различные стороны жизни адыгского общества, преимущественно аристократических его сословий, так как основные этические и этикетные принципы и нормы отражаются в образе их жизни в наиболее полной форме.

Примечания

1. Адыгэ хыбархэр / Зыхэзыльхэр, пэублэ тхыгээр, комментариехэр зытхар Мыжей Михаилц / Ред. Гьут Иэдэмц. Черкесск, 1986. С. 45–48.
2. Там же. С. 58.
3. Там же. С. 68–74.
4. Там же. С. 93–96.
5. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011; Бгажноков Б.Х. Поединки в традициях феодальной Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа: Сборник научных трудов к 75-летию Исмaила Магомедовича Чеченова. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. Вып. 2. С. 86–94; Хан-Гирей С. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978.
6. Адыгэ хыбархэр / Зыхэзыльхэр, пэублэ тхыгээр, комментариехэр зытхар Мыжей Михаилц / Ред. Гьут Иэдэмц. Черкесск, 1986. С. 95.
7. Там же. С. 59.
8. Там же. С. 85–92.
9. Там же. С. 85.
10. Там же. С. 82–84.
11. Там же. С. 82.
12. Там же. С. 84.

L.S. Hagozheeva

THE MASCULINE FRIENDSHIP AND THE SOLIDARITY IN THE VALUABLES ORIENTATIONS OF THE CIRCASSIAN FEUDAL NOBILITY (On the data of the chivalrous stories and legends)

This article represent the picture of the way of life of the high estates of the adygue feudal society, specifically the principle of the inviolable masculine friendship, the hospitality and so forth. For the analysis and the research we attract our attention to the materials of the adygues legends.

Keywords: feudal nobility, adygues legends, masculine friendship, hospitality, education.

ДОКУМЕНТЫ. МАТЕРИАЛЫ. СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.6)

Василий Верещагин

ПОЕЗДКИ В КАВКАЗСКИЕ ПРОВИНЦИИ 1864–1865 гг.

Двадцатидвухлетним выпускником академии художеств В. Верещагин посетил в 1864 г. Кавказ первый раз. Через год он вторично побывал на Кавказе. Между этими двумя поездками он находился в Париже в качестве ученика мастерской великого французского художника Жерома. Будучи во Франции он опубликовал в ежегоднике «Вокруг света»^{*} свои воспоминания о пребывании на Кавказе.

Они представляют большой, в том числе и научный интерес. Поэтому мы сочли полезным перевести с французского и опубликовать извлечения из этих воспоминаний. В них читатель найдет меткие замечания о быте и нравах горских времен Кавказа. Мы убеждаемся, что выдающийся русский художник обладал большим литературным даром, чутьем настоящего психолога и этнолога.

Публикация включает также часть весьма любопытных рисунков, сопровождавших парижское издание воспоминаний.

Зав. сектором источниковедения КБИГИ К.А. Мальбахов

Кабардинская женщина сама кормит своих детей и даже обеспечивает средствами существования своего мужа. Юридически она находится под непосредственной властью главы семьи; фактически все иначе.

Женщины и девушки ткut ткани и шьют все виды одежды и, если горец любит принарядиться, то это не потому, что его одежда красива и ему очень подходит, а потому, что у него есть жена, умеющая изготовить ему его костюм.

Как и у всех кавказских горцев, его одежда составлена следующим образом. К рубашке надевают в большинстве своем широкие штаны и «аршалуку», или разновидность одеяния с короткими полами, с маленьким стоячим воротником.

«Аршалука» застегивается на груди до шеи с помощью пуговиц и петелек, сложенных из маленьких клубков бечевки; чем больше кубики и петельки приближены друг другу, тем больше грудь выделяется под этими украшениями, тем больше признается мастерство жены, чьи руки изготовили этот костюм кабардинца. Поверх «аршалуки» надевается «бешмет», или черкеска, татарская тога, оставляющая грудь открытой и удерживаемая лишь несколькими застежками и тонким поясом с серебряными украшениями. С каждой стороны груди прилажены куски ткани, то одного-единственного, то нескольких оттенков с отделениями, предназначенными деревянным цилиндрам. Именно туда кабардинцы помещают свои патроны, кои сверх того закутывают в лоскутики.

Внутри своих домов они носят в качестве обуви туфли из грубой кожи с приподнятыми носами, высокими каблуками или просто шерстяные чулки, украшенные рисунками. Когда они садятся на коней, они надевают сапоги из мягкой кожи, с мягкой подошвой, а поверх их такого же рода туфли.

Их бритая голова покрыта огромной шапкой, «папахой», сделанной из овчины; на свои плечи они набрасывают мanto, «бурку», также из овчины. Шапка и мanto неудобны своим весом, особенно летом, но не стоит забывать, что горцы беспрестанно подвергаются температурным переменам и что они получают выгоду

^{*} Vasilij Verechaguine. Voyage dans les provinces du Caucase 1864–1865 // Le Tour du Monde. Paris, 1868.

для себя будучи так одетыми, когда спускаются с холодных гор в теплые долины или когда вновь возвращаются к заснеженным вершинам.

Их оружие состоит из кинжалов, пистолетов и ружей. Следует заметить, что горцы еще не применяют капсулы: все их ружья и все их пистолеты кремневые. Пистолеты, навешанные на веревку, спускаются позади до пояса; за спиной, через плечо, они носят ружье, спрятанное в чехол из овчины; рядом подвязаны две тонкие и длинные палочки с острыми концами. Когда горец пеший и желает воспользоваться своим ружьем, он берет эти палки, втыкает их в землю, скрещивая их, и приставляет меж их верхушками конец своего ружья. С помощью такого старого приспособления редко когда направляемая умелой рукой горца пуля не попадает в цель.

Поверх их привычного головного убора кабардинцы иногда добавляют другую шапку, большую, широкую и заостренную, из верблюжьей шерсти, с длинными краями, ниспадающими на шею, ее обвивающими и защищающими от ветра и дождя. В жаркое время «*башлык*» заменяет «*папаху*».

Иногда «*аришалука*» и черкеска украшены тонким серебряным галуном, хотя чаще всего они не имеют ничего столь блестящего. Но когда горец богат, его оружие почти всегда покрыто посеребренными рисунками: случается встретить людей, могущих быть принятыми из-за их разорванной одежды за нищих, но носящих на своем ремне богато отделанное оружие.

Мне было несколько интересно дать все эти детали кабардинского костюма, тем более, что тот не принадлежит только горцам; его позаимствовали и все казаки, но они носят его с меньшей грациозностью и непринужденностью.

Женщин я видел лишь покрытыми их длинной вуалью и я даже не могу описать их одежду. Я смог все же через уголок слегка приподнятой вуали различить чрезмерно широкие короткие панталоны и ту же, что и у мужчин, обувь на высоких каблуках. Знатные женщины носят богатые, очень самобытные, но весьма усложненные костюмы.

Кони кабардинцев отнюдь не выглядят столь же крупными, как те, что встречаются на всем Кавказе: тем не менее для погони и бега они превосходны и выносливы. Обычно они худы и имеют лишь кожу и кости.

Седло горцев покрыто кожаной подушкой; стремяна привязаны очень коротко, так, что ноги вместе с бедром образуют нечто вроде латинской буквы V. Это общее для восточных народов обыкновение, доведенное до крайности в этой местности. Стоит удивиться, что эта манера опоры достаточна и позволяет всадникам держаться столь надежно в своем седле, что выглядят они как бы прирастившими к нему. Что до меня, после нескольких попыток и вопреки длинным прогулкам по горам, я не смог привыкнуть к этой утомительной позе столь загнутых ног и часто, к большому возмущению моих спутников, предпочитал оставлять мои ноги свесившимися и свободными, как это делают русские крестьяне, когда возвращаются с полей, взобравшись на своих в яблоках и огромного брюха лошадей.

Женщины ведут жизнь абсолютно уединенную: они редко показываются за стенами своих жилищ и их встречаешь лишь когда они идут черпать воду.

Дворяне и крестьяне по-братски делят полное невежество. Кабардинская молодежь не получает никакого образования: просвещенные столь редки, что едва ли встретишь человека, знающего чтение и письмо.

Вино у кабардинцев, как и у мусульман, запрещено. Их пища состоит из нескольких наипростейших блюд; они обычно весьма умеренны в еде. Похожие в том на сельских жителей в некоторых даже самых цивилизованных странах, они отказываются от этого хорошего обыкновения лишь в случае больших торжеств, к примеру, свадьбы: они тогда проводят целые дни, потребляя пищу: трапеза время от времени прерывается лишь танцами. «*Лезгинка*» является образцовым танцем на всем Кавказе и в Закавказье: он состоит из очень трудных и очень своеобразных шагов, что

танцор исполняет ритмично под аккомпанемент живой, но однообразной музыки. Он один и тот же для мужчин и женщин, образующих отдельные группы, никогда не соединяющиеся друг с другом. Присутствующие отмеряют такт хлопанием рук.

В обеих частях Кабарды встречается много следов христианства. То тут, то там можно видеть руины христианских храмов. Настенные росписи, изображающие религиозные сюжеты, почти невредимыми сохранились на некоторых из этих почтенных руин. Мы утверждали, что еще каких-то четверть века назад еще были старцы, сохранившие воспоминание о богослужениях в этих, сегодня покинутых, церквях. Исламизм окончательно установился там благодаря турецким миссионерам лишь к концу восемнадцатого столетия.

Кабардинцы имеют в качестве ярких черт характера отвагу, грубость нравов и мстительность.

Кабардинский горец –
крестьянин

Кабардинец на коне

Кабардинец

Рис. В. Верещагина

Природа, впрочем, одарила их решительным нравом и благоразумием.

Рассказывают, что однажды кабардинцы отправили к русскому императору депутацию. Не сообщается, кем был этот император, но это скорее всего был, конечно, Александр II. Посланники, сообщив царю о цели своего визита и желаниях народа, закончили свои сетования следующим образом:

«О монарх, ты милосерден, полон мудрости и доброты, но мы узнали, что рядом с тобой есть плохой придворный, именуемый Правительством. Великий монарх, изгони, изгони навсегда из твоего окружения этого коварного, этого гнусного Правительства, и, когда мы будем избавлены от него, все дела пойдут лучше во всех краях, чтящих имя твое...»

Эта забавная история кажется мне придуманной, но пересказ ее можно услышать в обеих частях Кабарды, и она свидетельствует, по крайней мере, в пользу остроумия и здравого смысла их жителей.

Я добавлю все же, что долгая покорность кабардинцев и некоторых иных племен спасла их от уничтожения, которою не избежали их закубанские соседи, которые после того так были побеждены, оказались изгнанными со своих гор и вывезенными в Турцию. Это событие хорошо известно, и я никак не коснусь его здесь по разным мотивам из-за печальных подробностей, с ним связанных.

Ко времени моей поездки по краям, расположенным на Кубани, большая война закончилась. Однако еще приходилось выдерживать немногие стычки с определенными маленькими племенами, укрывшимися в недоступных ущельях

гор, где они надеялись защититься от нападений войск. В то время у меня был случай поговорить с людьми, принимавшими участие в этих схватках; среди прочих один офицер признался мне в неудовольствии, что вызывала такого рода война. Непрерывные погони по почти непроходимым местам, ружейные выстрелы, обмениваемые с укрывшимися и невидимыми противниками, плюс лихорадки и иные болезни, что невозможно избежать в этих походах, чрезмерно возбуждают солдата и делают его жестоким. Когда случается сразиться врукопашную, он не щадит никого. «Я своими глазами видел, говорил этот офицер, как во время уничтожения одного аула из одной сакли вышла женщина, укутанная в свою белую вуаль, с ребенком на руках. Её преследовал один солдат... Бедное создание побежало до края утеса, остановилось, присело, прижало к себе своего ребенка и завернулось в свою вуаль... Солдат вскоре догнал ее и, не соизволив воспользоваться прикладом или штыком, нанес ей удар ногой в спину... Оба несчастных создания покатались в пропасть.

– Но, – ответил я рассказчику, – могли ли вы, офицеры, хладнокровно взирать на подобные вещи?

– Нет, конечно, отнюдь не могли, но что вы хотите от нас?

– Как это что? Ну остановить ваших солдат, произвести расследование...»

Он мне ответил улыбаясь: «Расследование, может быть, будет возможным позднее. Что до их ареста, то об этом и речи быть не может, если не хочешь подвергнуться оскорблениям, а порой и смерти.

– Это невероятно.

– Извините. Если вы судите об отношениях между офицерами и солдатами в походе и на поле брани по тому, что все имеете обыкновение видеть на смотрях в мирное время, вы глубоко заблуждаетесь; схватка, общие опасности делают нас равными. Я по этому поводу поведаю вам, сколь сконфужен был однажды, когда, будучи еще молодым, был назначен офицером. Мы находились в тяжелом пути следования, в изнуряющей жаре; рядом со мной старый солдат освежался, отпивая воду из своей дорожной фляги. Я умирал от жажды и, не размышляя, говорю ему:

– Брат, дай мне попить.

Он не отвечает, продолжает пить и, когда опорожняет свою дорожную флягу до последней капли, вытирает свои усы, прокашливается и говорит мне:

– Ваша честь испытывает нужду освежиться; если это так, вот совсем свежая вода.

– И знаете, что старый мошенник показал мне? Ручей, текущий в овраге, под нами, на глубине в каких-то ста саженой!

Я надеюсь позже, когда позволят мне время и обстоятельства, вернуться в эти горы. Тогда я дополню это любопытное исследование исчезающего общества, которое ежедневно меняется после своего окончательного покорения.

Но уже сейчас, я думаю, для читателя будет все же интересно узнать, что за разные племена живут на Кавказе и в Закавказье. Я расположу их по типам и языкам, образуя некоторые между ними различия.

А. Картвельское племя. Оно включает: грузин, имеретинцев, мингрелов, гурийцев, сванов и множество малоизвестных кланов и субплемен, не классифицированных в географиях.

В. Армянское племя.

С. Черкесское, или адыгское племя: кабардинцы, шапсуги и натухайцы; абазы, джигеты, убыхи, абадзехи и другие, менее многочисленные племена, разбросанные в ущельях Главного хребта и иные из которых даже не сохранились.

Д. Чеченское племя: назрановцы, ингуши, галгаи; собственно говоря, чеченцы и десяток иных маленьких племен, рассеянных к северу от Главного хребта и вдоль Терека.

Е. Лезгинское племя: аварцы, андийцы, жители Дидо, Анцуха, Капузи и иных поселений горного Дагестана.

Ф. Осетины образуют отдельный народ и живут в окрестностях Владикавказа и в ущельях Кувтанинска.

Все эти племена могут считаться в качестве автохтонных жителей Кавказа. Рядом имеются несколько иных племен, которые, придя в этот край, поселились в результате войны и в разные эпохи. Большая часть происходит от турок и монголов. Они рассеяны вдоль Кавказской линии в местности, обычно известной под названием мусульманские провинции, охватывающие самую большую протяженность Закавказья.

Ногайцы, калмыки, карачаи и вообще татары, живущие на Северном Кавказе, являются все монгольской расы.

Татары Закавказья, отличающиеся от первых по многим параметрам, являются турецкой расы.

Есть еще курды, коих нельзя отнести к этой семье; затем жители Севера и Юга, приезжающие обосноваться на Кавказском перешейке и могущие быть перечисленными следующим образом: русские, главным образом казаки и раскольники разных сект, признанные правительством опасными и соответственно сосланные в эти далекие места. Таковыми являются духоборцы, молокане, субботники, скопцы, о которых я расскажу в другой части описания поездки, мною совершенной по Закавказью; немцы, в большом числе прибывшие из королевства Вюртенберг; малым числом шотландцы; иные разные чужеземцы, остающиеся на более или менее постоянном местожительстве ради освоения этих областей; наконец, евреи, коих встречаешь повсюду.

Эти разные народности оказываются бок о бок на относительно малой площади пространстве, говорят на абсолютно разных языках, имеют разные религии, одного или несколько богов. Нужно напомнить, что арабские писатели, имевшие повод говорить об этом крае гор, дивно прозвали его «Горой языков».

Я имел случай долго беседовать с одним лезгином, весьма известным на Кавказе, где он приобрел несомненную знаменитость три года назад. Его звали Хаджи-Муртузом: в Дагестане он возглавил восстание, о котором я немного поведаю, дабы дать представление о характере вооруженных восстаний на Кавказе. Впрочем, оно не было последним вопреки малому успеху всех такого рода предприятий.

Как это чаще всего случается, власти края никак не подозревали относительно задуманного мятежа и абсолютно не были подготовлены к его подавлению. В чудную погоду из лагодских укреплений, где проживал генерал князь Шаликов, командующий окрестными войсками, явился курьер и привез известие о том, что крупное поселение Белоконь подняло восстание, увлекая в свое движение соседние аулы. Он добавил, что отряд мятежников, состоящий из нескольких тысяч человек, окружил крепость Закоталь и приготовился осадить ее; наконец, посланник утверждал, что Хаджи-Муртуз был во главе их и ими руководил.

Нужно сказать, что этот человек считался преданным русскому правительству: его деяния и его служба во время последних войн были отмечены несколькими наградами, им полученными, разными орденами за службу и чином капитана русских войск. После подобных пояснений не приходится удивляться тому, что генерал не совсем верил в причастность Хаджи-Муртуза. Тем не менее, захваченный врасплох, он собрал горстку солдат и двинулся к очагу восстания. Недалеко от Белокони на встречу с ним явились жители окрестностей Джарска; в большинстве своем были они почтенного возраста и в прежние времена более или менее отличались услугами, предоставленными русскому правительству. Они выстроились вокруг генерала, заверяя его в своей преданности и предлагая ему сопровождать его, дабы отвести угрозу.

Среди этих воинов и нескольких человек из ополчения грузин князь Шаликов устремился вперед, оставив своих солдат в арьергарде.

Вскоре он смог различить построенные мятежниками укрепления, за которыми они укрылись. «Идите, сказал он горцам, – его оккупировали, прогоните людей, и пусть эти люди вернутся по своим домам!...»

Горцы пустились галопом; но вместо того, чтобы направиться в сторону мятежников, они обратились в бегство по всем направлениям и полностью исчезли из виду. И лишь тогда, оказавшись вдали от своих солдат, имея рядом с собой лишь нескольких людей, генерал осознал всю опасность ситуации, очутившись пред вражеским лагерем: но ему казалось позорным и невозможным податься назад; потому он двинулся вперед и вскоре очутился у пещеры, к которой вела узкая тропинка меж пропастью и утесом; на этом утесе появился сам вождь, Хаджи-Муртуз, с ружьем за спиной... – «Негодяи!» – закричал князь и упал замертво, не сумев более произнести и слова.

Хаджи-Муртуз, вожак последнего восстания в Дагестане
Рис. В. Верещагина

Маленькая группа, его сопровождавшая, была изрублена на куски. На звуки выстрелов прибежали солдаты, но были тотчас окружены толпой горцев, так сказать «головорезов», быстро стесившихся так, чтобы сделать невозможным серьезное сопротивление. До крепости Закаталь, то есть на расстояние в дюжину верст, геройские солдаты вынуждены были прокладывать себе путь через грозное толпище восставших.

Из двух сотен людей, составлявших эскорт князя Шаликова, пятьдесят были убиты, еще пятьдесят иных ранены, но ни мертвых, ни раненых на дороге не осталось; ни один из жертв этой настоящей западни не был брошен. Не трудно представить отчаянное положение нескольких групп из каких-то десятков человек, отступающих каждый с мертвым или раненым товарищем на спине и сражающихся посреди нескольких тысяч пришедших в ярость врагов.

Эти храбрецы наконец достигли крепости, но в каком состоянии! Это легче представить себе, чем описать. Истощенные тяготами и изможденные своими ранами, едва ли хоть один из них, поддерживаемый своими товарищами, мог с помощью рупора позвать на помощь гарнизон и сообщить о приближении противника.

Наконец оставшиеся в живых оказались в безопасности, но сколь долгое время положение этой маленькой крепости было надежным? Гарнизон обычно состоял самое большее из тысячи человек, не все подчинявшихся одним и тем же командирам. А во время восстания значительная часть из них, занятая разными работами в окрестностях, погибла; в крепости осталось лишь малое число защитников, вынужденных полагаться только на свои собственные силы: им и в самом деле нисколько не оставалось надеяться на помощь из Лагодеха и со стороны Кахетии и Тифлиса, ибо мятежники предусмотрительно сожгли мосты, возведенные на Алазани, служившие сообщению меж двумя берегами.

Жители маленького городка, расположенного у крепости, присоединились к гарнизону и как могли укрепились вместе с ним, чтобы лучше выдержать осаду, коя им угрожала. День прошел в ожидании. Наступила ночь. Сразу же слышалось, как горцы затаили свою боевую песню. Это было сигналом к атаке. Вскоре она сопровождалась дикими криками и посреди адского гула нападающие ринулись на крепость; но вопреки их остервенению, они были отброшены. На следующий день новая передышка позволила подготовить отпор новой осаде. Когда к концу дня прибыла помощь, регулярные войска появились со всех сторон, и развязка этой кровавой драмы оказалась совсем иной, чем та, что ожидалась. Мятежникам осталось лишь покориться и подвергнуться обычным последствиям восстания. Бесполезно давать иные подробности; в подобном случае итоги всегда одни и те же; двенадцать бедняг были повешены на месте, более ста высланы в Сибирь или иные края огромной Русской империи.

Что до причин восстания, не стоит искать их вне религиозного фанатизма, вне ненависти, что обычно питают покоренные племена против их победителей. Не стоит говорить о недовольных некоторых частных лицах и об их интригах, которые малозначимы. Что станет с Хаджи-Муртузом? Восемь месяцев спустя он еще бродил по горам и лесам окрестностей. Никто его не выдал и не предал, но по просьбе местных жителей, которые вынуждены были выносить тяжелый груз, связанный с проживанием солдат, присланных для его поимки, он решил сдаться и стать пленником. Приговоренный к смерти, он был помилован и отправлен в глубь России, подальше от этих опасных областей.

Я посетил его во время тюремного заключения в каземате крепости Мезеб в Тифлисе. Черты его лица указывали на чрезмерные усталость и печаль: судьба его тогда решалась на военном совете, и никто не мог сказать, каковым будет решение, что должно было быть оглашенным.

РЕЦЕНЗИИ

С.А. Арутюнов

ТРИ ЖЕНСКИХ ВЗГЛЯДА НА АДЫГОВ И ИСТОРИЮ
(обзор)

Опираясь на анализ материалов трех книг адыгских авторов: *Эмили Шеджен* «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» (Москва–Майкоп, 2010), труд *Фатимы Озовой* «Очерки политической истории Черкессии» (Пятигорск–Черкесск, 2013) и сборник публицистических произведений «В поисках утраченного смысла» *Медины Хакуашевой* (Нальчик, 2013), С.А. Арутюнов излагает свою современную версию истории адыгов, которая впечатляет непредвзятостью и независимостью авторских оценок...

Сегодня на Кавказе, как и везде в мире, а может быть, как нигде более в мире, ярко виден всплеск интереса к своей истории и к своему месту в истории вообще, отражающийся в массе нарративов, публикаций, мифов и просто сюжетов для повседневных разговоров, споров, поисков и сомнений. Он затронул все народы, даже самые малые, которые в силу своей малочисленности и отсутствия до недавнего времени и даже до нынешнего дня своей письменности, еще не так давно и не задумывались вообще о наличии у них какой-либо истории. Этому немало способствовала иногда никак не озвучиваемая, а иногда и ширококестельно высказывавшаяся концепция о том, что у народов Кавказа до включения в политическую орбиту России, а то и до установления советской власти, истории как таковой вообще не было, и что лишь с установлением социалистического строя началась их истинная история, равно как и культура во всех ее высоких проявлениях. Труды серьезных историков, освещавшие на документальном материале глубокую историческую древность и многообразие культурных связей этих народов на протяжении тысячелетий, не поощрялись, подвергались преследованиям, шельмованию, а иногда и прямым запретам. Примером может служить замечательный труд В. Кузнецова «История алан» и ряд аналогичных научных работ. Пожалуй, больше всего не везло и вызывало наибольшее сопротивление чиновных блюстителей «правильности» литературы тем направлениям в отечественной исторической науке, которые стремились дать объективный всесторонний анализ прошлого адыгского народа и отдельных его племен и подразделений, и это не случайно.

Адыги – один из самых многочисленных, а в отдельные исторические периоды, пожалуй, самый многочисленный народ Кавказа. Кроме того, наряду с классическим народом диаспоры – евреями, это – народ с наибольшей долей проживающих на чужбине и в рассеянии (по некоторым оценкам до $\frac{9}{10}$ общей численности), народ, вынесший основную тяжесть борьбы с колониальной политикой русского царизма, а с другой стороны, это народ, добившийся среди других кавказских народов наибольших и самых явных успехов в восстановлении и создании заново своей культуры, письменности, устного и литературного языка и многогранной исторической традиции.

Недавно кавказская и общемировая общественность отметила памятную дату – 150-летие окончания Кавказской войны. В ней участвовали далеко не только адыги, но именно адыги понесли в ней наибольшие потери и жертвы: именно на их долю выпала печальная участь и честь сыграть основную роль в ее последнем

акте, который означал одновременно начало многолетней цепи махаджирства, то есть вынужденного ухода потерпевших поражение в изгнание. Опять-таки махаджирство было уделом массовых контингентов разной этнической принадлежности, но первыми, наиболее многочисленными и понесшими самые тяжкие потери были именно адыги. Дополнительную и явно непредвиденную остроту вопросам этой грани адыгской истории придало и то обстоятельство, что по случайному хронологическому совпадению годовщины и места сражения в урочище Кбаада со значительным событием мирового значения – Сочинской зимней олимпиадой, – 150-я годовщина этих событий получила широкое мировое освещение. Надо сказать, что и подавляющее большинство черкесских (адыгских) публичных персонажей и руководства России во главе с Президентом РФ В.В. Путиным нашли в себе достаточно силы и воли, чтобы с достоинством избежать переходов дискуссии вокруг этого совпадения в какие-либо формы конфронтации, не говоря уже об эксцессах, хотя кто-то, возможно, и строил на них свои расчеты.

Среди множества как научно обоснованных, так и часто спекулятивных публикаций, появившихся в печати по разным аспектам этой темы, следует особо отметить три книги трех талантливых авторов, удачно дополняющие друг друга. Все три написаны женщинами-учеными, черкешенками молодого поколения. Это книга Эмили Шейуджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» (Москва–Майкоп, 2010), труд Фатимы Озовой «Очерки политической истории Черкессии» (Пятигорск–Черкесск, 2013) и сборник публицистических произведений «В поисках утраченного смысла» Мадины Хакуашевой (Нальчик, 2013).

Все эти книги так или иначе посвящены не просто проблемам истории адыгов, а именно исторической памяти народа. Книга Эмили Шейуджен «Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти» соответственно так и озаглавлена. Она писалась несколько раньше, чем две другие, и является частью общего проекта Минобрнауки «Историческая память народов Северного Кавказа». Автор подчеркивает, что историческую память можно трактовать и как индивидуальную память о прошлом, и как коллективную память, но сама она ее рассматривает прежде всего как память социальную, отражающую пределы воображения и представления об общественных нравах, ценностях и идеалах как давно прошедших эпох, так и непосредственно предваряющих современность.

У адыгов, до некоторого времени бесписьменного народа, историческая память интегрировала индивидуальную, коллективную и собственно историческую. Наряду с историческими источниками, записанными на иных языках и в основном относящихся к исторической памяти народов-контрагентов (русских, грузин, арабов, тюркских народов Кавказа и сопредельных областей), она в огромной мере базировалась на коллективной и даже индивидуальной памяти, сохраняемой в песенных, эпических и иных фольклорных произведениях, в семейных и генеалогических преданиях, в постоянно живущих в памяти народа представлениях о прошлом, о его событиях и отраженных в них ценностях.

Современные технологии коммуникаций (печатная культура, средства массовой информации), как отмечает сам автор во Введении к своей книге (с. 11), не восполняют негативных тенденций развития исторической памяти, к которым «с полным основанием можно отнести: ослабление внимания общества к проблемам сохранения и развития исторической памяти, отсутствие адекватных научных оценок исторического прошлого, искусственное «конструирование исторической памяти в зависимости от сиюминутных этнополитических интересов отдельных групп населения».

Последующие десять глав труда Э. Шейуджен собственно и посвящены противодействию этим негативным тенденциям. Первая глава «У истоков исторической памяти» рассматривает богатейшее фольклорное наследие адыгов и, прежде всего, Нартский эпос не столько как исторический источник, в каком качестве это сравнительно мало что может дать, сколько как эталон устной памяти и оценок, содержащихся в основных блоках ее передачи.

Вторая глава «Античные свидетельства. Первый опыт письменной фиксации» посвящена отображению сложных процессов формирования этнической карты Северо-Западного Кавказа в античное время и опосредованному вхождению кавказских народов, находившихся на периферии Древнего мира, в историческое сознание соседних народов.

Третья глава «Расширение пространства и времени исторической памяти» захватывает уже эпоху Великого переселения народов и события раннего Средневековья, когда адыги под разными именами: касогов, черкесов, зихов и др. – выступают уже активными деятелями исторического процесса на Ближнем Востоке.

Особое внимание автор уделяет периоду XIII–XV вв., когда параллельно событиям Крестовых походов в Леванте, в Причерноморье появляются итальянские (генуэзские) торговые фактории. Кромка северного побережья Черного моря и низовья Дона становятся «краем Европы», и процессы взаимного влияния исключительно пестрого населения этого региона находят свои отголоски во всем Средиземноморье и Южной Европе. С современной точки зрения один из важных аспектов средиземноморской торговли того времени, а именно работорговля, получившая большой размах в то время, оценивается как негативный фактор, но нельзя забывать, что эпидемия «черной смерти» в середине XIV в. повлекла за собой демографическую катастрофу в Европе, которая не могла оставаться невосполненной, в том числе и путем импорта «живого товара». До 80% невольников в городах Италии конца XIV в. составляли лица кавказского происхождения.

Культурное влияние выходцев с Кавказа, попадавших в города Средиземноморья, еще предстоит изучить, но что касается итальянского (более всего генуэзского) влияния на культурное достояние народов Крыма и Северо-Западного Кавказа, то оно совершенно явно проявляется в лексике, в пище (например, паста), в одежде, в церемониальной обуви, в ряде этикетных обычаев высших слоев горского общества вплоть до начала XX в. Как анекдотический факт можно отметить, что даже в наши дни политические оппоненты Президента Абхазии Анкваба связывали приписываемые ему отрицательные черты характера, такие как коварство, вероломство, корыстолюбие и т.д., с генетической или семейной традицией, унаследованной от его далеких генуэзских предков.

Коренным образом изменилась конфигурация связи Кавказа с Европой в конце XV в., чему способствовал ряд факторов. Важнейшими среди них были падение Константинополя и начавшийся расцвет Османской империи и сложным образом связанное с этими событиями начало эпохи Великих географических открытий. Трудно сказать, почему Э. Шеуджен лишь очень кратко упоминает важнейшие для исторической памяти черкесов события XVI в., в частности кабардино-русское сближение, скрепленное династическим браком Ивана IV с Марией Темрюковной, сменившееся в более позднее время взаимным отчуждением и даже враждебным отношением.

Четвертая глава называется «Кавказская война: трудные пути памяти», посвящена, как показывает название, всецело Кавказской войне (1763–1864).

Кавказская война занимает огромное и чрезвычайно трагическое место в исторической памяти адыгов. Понятно, что ей посвящено немало публикаций как вполне научного, так и публицистического характера. Однако текст Э. Шеуджен существенно отличается на общем фоне подчеркнутым стремлением к объективности. Имеет смысл в этой связи привести довольно большую цитату из рассматриваемой книги: «В практику входит размещение в Интернете специально подобранных документов, дающих фрагментарное, более того, искаженное представление о событиях на Северном Кавказе» (с. 126). «Для усиления аргументации авторы подобных заявлений стремятся собрать как можно больше свидетельств жестокости, «зверств», проделанных как той, так и другой стороной, используя именно их в дискуссиях на форумах в Интернете. При таком подходе не

учитывается, что проблема не в том, чтобы восстановить в исторической памяти как можно больше трагических фактов, а скорее в том, чтобы проанализировать все сохранившиеся свидетельства...»

Пятая глава «Трансформация исторической памяти», так же как и четвертая, – большая в книге – обе по 37 страниц. Это и понятно, так как она отразила перелом в историческом сознании адыгов и, прежде всего, той их части, которые не ушли в махаджирство, а оказалась в составе Российской империи. Именно в этот период появляются многочисленные письменные сведения и воспоминания о военных и послевоенных событиях, очень тяжело переживавшихся народом; в общую совокупность адыгской культуры входит такой компонент, как книжность, а к началу XX в. еще и пресса. Но наибольшее внимание уделено с полным на то основанием творчеству Хан-Гирея и Шоры Ногмова.

Последующие пять глав сравнительно невелики. Шестая глава посвящена «революционизации» исторического сознания и изменениям в исторической среде в связи с общими революционными изменениями всего образа жизни. На это время падает и коллективизация села, и «социалистические преобразования» общественного быта. Надо сказать, что хотя автор достаточно критично оценивает эти преобразования – «духовная жизнь общества теряла единое начало», «делались попытки переноса даже теоретически недостаточно осмысленных моделей модернизационного общественного развития в условия региона, не готового осваивать эти нововведения» (с. 194), тем не менее она не рисует эти преобразования исключительно черной краской, а достаточно объективно, хотя очень кратко и конспективно, обрисовывает их несомненное прогрессивное значение.

Глава седьмая посвящена языковому строительству и осознанию значимости письменности и культурного развития. При всей краткости в главе достаточное внимание уделено и негативному влиянию весьма сумбурных идей Н.Я. Марра в вопросах преобразования языковой и письменной культуры и высокой ценности идей и работ Н.Ф. Яковлева, зачастую подвергавшегося разнузданному и совершенно необоснованному шельмованию.

Достоинством книги можно считать наличие довольно подробной восьмой главы, посвященной развитию краеведения. Э. Шеуджен пишет: «... в современной науке сложилась недооценка начального этапа становления исторической науки на Северном Кавказе» (с. 226). «Думаю, что этот этап явно недооценивается. Именно в эти годы усилиями краеведческих организаций и отдельных энтузиастов была проделана значимая научно-исследовательская работа по адыгской истории и этнографии, налажено сотрудничество с научными центрами и известными учеными, собран и систематизирован значительный фольклорно-этнографический материал, изданы работы по истории и этнографии» (с. 226).

Заключительные девятая и десятая главы книги посвящены встречному движению комплекса народных представлений о своем прошлом и научной историографии, а также проблеме «конструирования» и исторической памяти. Автор с сожалением отмечает, что большинство людей сильно недооценивает важность сохранения памяти о своем генеалогическом древе, не считает нужным придавать серьезное значение сохранению дневников, рукописей, фотографий предков. Дети и внуки склонны продавать их ордена и медали, наградные знаки, так как за них дают хорошие деньги. И мало кто проявляет заботу о сохранении своей родословной, создает и хранит семейные архивы, которые являются бесценными источниками информации о прошлом народа (с. 268).

Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что у большинства народов Российской Федерации, и прежде всего, у самих русских в этом отношении дело обстоит еще хуже, чем у адыгов и других народов Северного Кавказа.

Книга Фатимы Озовой «Очерки политической истории Черкессии» (Пятигорск-Черкесск, РИА-КМВ, 2013) построена совсем иначе и повествует частично

о тех же событиях, в том числе о таких, которые в народной памяти не нашли глубокого отражения, но представляются автору ключевыми для политической истории всего адыгского региона.

Первый очерк «К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии» (с. 19–60) посвящен проблеме возникновения черкесского великокняжеского дома. В нем говорится о времени и обстоятельствах сложения верховной династии Черкесии, связанной, прежде всего, с внешними угрозами адыгскому этнополитическому массиву в течение всего Средневековья. По мнению автора, в 1204–1205 гг. такое верховенство стало принадлежать Шегакскому княжескому дому, положившему начало династии Инала Светлого (Инал Нэху), а роль столицы закрепились за древним культурным, торговым, политическим и даже культовым центром Таманью, известному также под именами Тьмутаракань, Матарха, Тамтарха, Матрега и т.д. Разнообразие этих названий объясняется разнородностью источников, их использующих, и исключительной языковой и этнической мозаичностью населения древней Тамтархи–Тамани. Это время и в последующие века было временем чередования противоречивых тенденций то к консолидации, то к новому дроблению в целом единого северо-западного кавказского ареала, в котором в любое время адыгский компонент все же играл доминирующую роль. Именно на этом отрезке Средневековья сходные по своей противоречивости процессы наблюдаются повсеместно с аналогией, порой доходящей до тождества, на разных участках Евразии, и картина стремящихся к единовластию и никогда не достигающих его сильнейших лидеров повторяет и картину вечной междоусобной борьбы Рюриковичей на Руси, непрекращающейся гзызни Чингизидов в Золотой Орде и средневековой Средней Азии и, если угодно, протянувшейся с XI до конца XVI в. княжеской междоусобицы в Японии.

XIII–XV в. были временем активных выступлений на черноморской торговой сцене итальянских, прежде всего генуэзских колоний и факторий. Трудно переоценить значение культурных и деловых связей с Италией для формирования последующей адыгской культуры, в которой ушедшие в Италию в далекое прошлое нормы, обычаи, стили и нюансы моды сохранились вплоть до конца XIX в. Этот век для Италии стал временем воссоединения и создания единой государственной и национальной жизни, а для черкесов, напротив, – временем уничтожения так и не обретшей чеканных форм государственности и изгнания большей части народа из отчизны. Этим вопросам посвящен очерк «Черкесо-итальянские исторические пересечения и параллели» (с. 61–116).

Последующие два очерка посвящены событиям середины XVI в. Это очерки «К вопросу о союзах Ивана Грозного с князьями Черкесии», которые последовательно заключались с черкесскими князьями из правящего дома Инала в 1552, 1555 и 1557 гг., об их трансформации к 1562 г. и о причинах их последующего разрыва. Все это время и даже после разрыва в Москве находились сыновья нескольких владельческих князей Бесленя, Жане и Кабарды под именем Петра, Александра и Михаила Черкасских. Это было дипломатическое заложничество, известное в русско-кавказских отношениях как аманатство, но именовались они не аманатами, а воспитанниками, и статус их был максимально высоким, «у самого царского приближения по их достоинству» (с. 154).

Ф. Озова подробно разбирает дальнейшую судьбу этих княжичей-аманатов – как оставшегося в России Петра, потомство которого пресеклось уже на рубеже XVII–XVIII вв., так и других, совершивших много подвигов в составе польской армии в сражениях против войск Османской империи. Об этих событиях повествует очерк «Черкесские князья при дворе Ивана IV в 1553–1554 годах» (с. 151–165). Ф. Озова показывает, что высокий статус черкесских воспитанников был отражением бытовавших тогда представлений о равновеликом статусе Рюриковичей и Иналидов.

Очерк «Причины и последствия сражения на реке Малке 12 июля 1641 г.» (с. 166–205) посвящен событию, предопределившему почти на целое столетие вектор развития кабардино-русских отношений. В этом сражении стрелецкий отряд головы Артемия Шишмарева и союзные дружины ряда промосковских князей и ногайских мурз потерпели поражение от князей Кайтукиных и мурз Малого Ногай. «После Малкинского сражения, несмотря на то, что княжеские кланы Кабарды находились между собой в состоянии конфронтации по причине междоусобных счетов, фактически все начинают придерживаться одной позиции во внешней политике – политики нейтралитета в отношении третьих сил и поддержания по возможности дипломатических отношений со всеми соседними странами» (с. 197). С одной стороны, в результате Малкинского сражения влияние России на Северном Кавказе существенно ослабло, с другой – следующие 30 с лишним лет до 1673 г. прошли в Кабарде без междоусобных войн.

Последующие четыре очерка посвящены некоторым аспектам Кавказской войны. Особенно большое значение имеют данные, приводимые Ф. Озовой в очерке «О новациях войны в законодательстве России» (1820–1864).

Последние три главы книги Ф. Озовой посвящены завершению Кавказской войны, ее до сих пор непрекращающимся **тяжелым** последствиям и самому главному из них – махаджирству, то есть исходу потерпевших поражение кавказских горцев из Российской империи в Османскую империю. Как и все другие явления, порожденные столкновением европейской цивилизации, пусть и в своеобразной ее российской форме, с протоцивилизацией кавказских горцев, построенной на совсем иных стадияльных и культурных началах, все эти явления и события отличались бросающейся в глаза двойственностью. Кто был русский офицер? Высококультурный, образованный, гуманистически воспитанный человек, несший достижения просвещения в дикие ущелья Кавказа или же жестокий, гонящийся за деньгами и почестями тупой крепостник, стремившийся поработить благородных насельников этих ущелий? И кто эти самые насельники? Благородные свободолюбивые носители естественного права и бесстрашные рыцари или кровожадные дикари, грабители и головорезы? В источниках этой эпохи нет недостатка в свидетельствах в пользу как одной, так и другой точки зрения. И обе эти диаметрально противоположные концепции живы сегодня и прилагаются к оценкам современных контртеррористических операций, к деятельности любых сепаратистов и террористов, фанатиков ислама и не менее фанатичных его гонителей. Нет нужды говорить, что любая из этих крайних точек зрения, как впрочем, и любая доведенная до абсурда крайность, отражает лишь малую часть объективной и сложной реальности, но именно их мы видим на повсеместно развевающихся знаменах, на экранах тенденциозно политизированного телевидения и в опусах продажных журналистов. Поэтому показ двойственности, сопровождавшей Кавказскую войну полутора столетней давности, полностью сохраняет свою актуальность и сегодня и далеко не только на Кавказе. С другой стороны, ни одна из этих гипотетически допустимых концепций не может оправдывать колониальный характер завоеваний Северного Кавказа со стороны царской России.

Как показывает Ф. Озова (с. 222 и далее), источники говорят о ряде новаций периода конца Кавказской войны в законодательстве России. Еще в воинском уставе Петра I 1716 г. четко ограничивался произвол, который возможен в военное время. Почти через сто лет – в 1812 г. эти положения были развиты в «Полевом уголовном уложении», а в 1839 г. был издан Первый свод военных постановлений, который действовал вплоть до реформ 1869 г.

Надо сказать, что традиционные формы и представления черкесов о правилах ведения войны были во многом сходны с представлениями, сложившимися в Европе в XVII–XIX вв., хотя они и не были декларативными по своей форме. Так что, как отмечает Ф. Озова (с. 227), «совершенно необоснованно считается,

что именно обычаи войны кавказских народов спровоцировали дегуманизацию, варваризацию войны на Кавказе, заключавшуюся, в частности, в отступлении российской армии как от норм своего устава, так и от общепринятых на то время правил ведения войны» (с. 227).

Целый ряд новаций, введенных в XIX в., привел к тому, что действия, прямо запрещавшиеся уставом, написанным для европейских войн, стали в Кавказской войне основной сутью боевых действий. «На последнем этапе Кавказской войны, когда началось массовое выселение черкесов в Османскую империю, в статусе военнопленных оказалось практически все население Западной Черкессии» (с. 234). Реализация законов о военнопленных, пожалуй, как ничто другое способствовала массовому исходу автохтонного населения из этого ареала.

Безусловно, изгнание большинства черкесов из пределов их исконной территории не входило в первоначальные планы русского царского правительства, и Ф. Озова пишет в этой связи о двух диаметрально противоположных планах – генерала Г.И. Филипсона и генерала Н.И. Евдокимова. Ф. Озова подробно разбирает обстоятельства, которые предопределили выбор Александром II и его правительством плана Евдокимова, приведшего к экспатриации подавляющего большинства черкесов в Османскую империю, в основном, в 1861–1864 гг.

Последняя глава книги посвящена отражению этой трагедии в историко-героических песнях черкесов – «гъыбзэ». «В диаспоре в черкесской литературе сложилось несколько направлений, в которых также отразились темы изгнания. [...] Несмотря на прошедшие полтора столетия, черкесы продолжают очень переживать расчлененность своего народа...] Очевидно, что единственный путь сохранения этого этноса лежит через его воссоединение и возрождение на отчей земле Кавказа» (с. 310).

Третий предмет рассмотрения в данном обзоре – книга Мадины Хакуашевой «В поисках утраченного смысла» (Нальчик, 2013) – существенно отличается от двух предыдущих по жанру – на ее обложке и титуле стоит подзаголовок «Публицистика». И действительно, книга состоит из части 1-й в трех параграфах: § 1 – «Статьи, посвященные проблемам культуры» (с. 11–80), § 2 – «Возвращая потерянную историю» (с. 81–154) и § 3 – «Международный проект Caucasus Morpheus» (с. 155–234); 2-я часть (с. 235–288) обозначена как «Художественная публицистика», она состоит, соответственно, из отрывков романа М. Хакуашевой «Дорога домой», которые имеют публицистическую направленность. Они включают в себя фрагменты, написанные в форме притчи, художественных воспоминаний и философских рассуждений автора. Наконец, в книге имеется обширное «Приложение» (с. 298–381), которое состоит из выступлений, отрывков статей и книг, а также писем других авторов, адресованных как самой М. Хакуашевой, так и другим лицам. Кроме того, составляющие книгу примерно 60 текстов, заполняющих эти параграфы, имеют объем от 2–3 до 10–15 страниц. Тем не менее по своему эмоциональному настрою все эти тексты, как и книга в целом, имеют общую тональность и очень созвучны настроениям первых двух авторов.

М. Хакуашева касается большого числа как крупных и общих, так и относительно частных проблем, волнующих сегодня адыгскую общественность. Книга вышла в свет летом 2013 г. Многие поставленные в ней вопросы, казалось, уже получили свои ответы. Прошла с несомненным успехом, красиво и ярко оформленная и, безусловно, высокорезультативная Олимпиада в Сочи. Была должным образом отмечена, достойно и без надрыва проведена 150-я годовщина окончания Кавказской войны. Однако на деле большие и малые проблемы, обозначенные в книге, продолжают оставаться животрепещущими. В особенности показателен до некоторой степени пророческий тезис М. Хакуашевой о критической ситуации в вопросе изучения родных языков (с. 82–85). Еще в 2009 г. на праздновании 70-летнего юбилея журнала «Дружба народов» говорилось о том, что все северокавказские языки объявлены ЮНЕСКО умирающими. В частности, прогноз

существования кабардино-черкесского языка – от 25 до 50 лет. «Приходится констатировать лучшие условия для изучения адыгского языка в некоторых адыгских диаспорах по сравнению с подобными возможностями на исторической родине адыгов» (с. 83). «Весьма показательна динамика урезания мест для абитуриентов по кабардинскому языку и литературе в КБГУ: 75 мест в 1970–1980-е гг., 38 мест – в 2012–2013 гг.» (с. 149).

И вот через год после констатации этих ужасающих фактов по состоянию кабардино-черкесского языка (как и по другим региональным языкам РФ), министр культуры В. Медынский предлагает усилить преподавание русского языка за счет часов, отведенных на преподавание иностранных и региональных языков, хотя, казалось бы, речь должна идти совершенно об обратном.

Под огнем убийственной критики М. Хакуашевой оказываются губернатор Краснодарского края А.В. Ткачев, председатель «антифашистского комитета при Правительстве РФ» С.А. Марков, атаман Терского Казачьего войска И. Логвиненко, директор Департамента межнациональных отношений А. Журавский и многие другие публичные лица, так или иначе склоняющиеся к шовинистическим позициям, широковыдаваемым за русский «патриотизм».

Не следует думать, что как комментарии М. Хакуашевой, так и сами цитируемые ею выступления носят исключительно критический характер. Автор-филолог отмечает многие позитивные тенденции в литературе и культуре как международного, общероссийского, так регионального и республиканского уровня, в частности, черкесская выставка в Риме, инициативы российского «толстого» журнала «Дружба народов», ФСЭИП, усилия которых направлены на интеграцию национальных культур РФ. В письме М. Крайсветного (с. 353–354) выражается горячая признательность президенту Д. Медведеву за помощь Южной Осетии и Абхазии в борьбе против «грузинской агрессии», а заодно и надежда, что столь же благородная позиция будет занята и в отношении оценки Кавказской войны.

Поскольку книга Хакуашевой, как и Озовой, публиковалась в 2013 г., незадолго до знаменательной годовщины завершения Кавказской войны, высокая эмоциональная тональность их понятна, как понятно и то, что сейчас, когда пик злободневности всех релевантных событий и действий уже позади, их обсуждение хотя и продолжается, но идет в гораздо более сдержанном ключе. Однако меняется тональность, но не сама тема, которая, как и тема геноцида армян в Османской империи, останется актуальной на протяжении еще как минимум пары поколений. Актуальной останется и тема покаяния и искупления преступлений империалистических (включая социал-имперские) и колониалистских (включая патерналистские) идеологий и практик. Это требование самого времени, а отнюдь не горстки националистически напряженных интеллектуалов, и оно никуда не денется. Но не только время требует покаяния, но и покаяние тоже требует времени, хотя понятно, что чем дольше его придется ждать, тем больше возможностей мы предоставим врагам единой России для их подрывной и злокозненной деятельности. Конечно, по большому счету точка невозврата пройдена давно, и возврата не может быть не только в VII в., но даже в XIX в. Об этом достаточно красноречиво говорит самый факт появления таких книг, как те, что рассмотрены в данном обзоре. Но вопросы национальной истории, национального достоинства, национальной культуры, национального языка продолжают оставаться очень злободневными, зачастую болезненными, требуют особого внимания и такта. Приходится вновь и вновь напоминать, что россияне – куда более широкое понятие, чем этнические русские, и что наши соотечественники – это не только русские в Канаде или Аргентине, но и тувинцы в Саянах, и буряты в Шэнхэе, и адыги в Сирии, Египте или Объединенных Арабских Эмиратах, – по крайней мере, до тех пор, пока они сами хотят так считать. И это должно быть понятно и журналистам, и министрам, и неказачьим и даже губернаторам.

Ю.Ю. Карпов

ДВА ВЕКА ОТРАЗИЛОСЬ В НИХ...

Фотолетопись черкесской аристократии середины XIX – начала XX в. Сост. А.К. Шапарова. Нальчик, 2008. *Дзагалов А.С., Шапарова А.К.* Владимир Николаевич (Эльбаздуко Канаметович) Кудашев: Неизвестные страницы биографии. Нальчик, 2010.

Национальная память – явление сложное, многогранное. На протяжении веков она формируется многими слагаемыми: историческими документами, запечатлевшими героические и трагические страницы истории, фольклором, сочинениями профессиональных литераторов, историков, музыкантов и сказителей, памятниками материальной культуры и другим. Национальная память – значительный общественный феномен, но при этом она собирается также из множества фамильных, родовых преданий, историй конкретных местностей и населенных пунктов. Через биографии отдельных людей – героев и антигероев либо простых смертных – национальная память обретает необходимую для ее осязаемого восприятия плоть.

Последние более полутора столетий отмечены активным вводом в жизнь людей разного социального и имущественного положения такого технического средства запечатления действительности в разных ее проявлениях, как фотография. Фотография в последние десятилетия широко используется специалистами в качестве исторического, этнографического и т.д. источника. Она является маленьким памятником конкретному времени и в огромном своем большинстве – людям, жившим «тогда» и «там». Альбомы с фотографиями далекого и не очень времени стали своеобразными мемориалами конкретным историческим событиям, а равно и национальной памяти того или другого народа.

В свете сказанного надо выделить появление несколько лет назад (в 2008 г. в Нальчике) «Фотолетописи черкесской аристократии середины XIX – начала XX в. Два века отразились в них...» Это солидный исторический источник, содержащий без малого полторы сотни документальных изображений людей указанной эпохи. Именно эпохи, так как отмеченное время было периодом в целом стабильной жизни черкесского общества в рамках Российской империи, после которой наступила эпоха революционных катаклизмов, где аристократии была отведена роль если не врага, то чуждого советским преобразованиям социального элемента. Судьба ее представителей в значительном числе оказалась трагической – кто погиб в Гражданскую войну, кто вынужден был эмигрировать, а многие и многие, оставшиеся на родине, подверглись жестоким репрессиям.

Автор-составитель этого примечательного издания – заведующая архивом Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований, член Совета управления Кабардино-Балкарской Ассоциации жертв политических репрессий Айшат Кучуковна Шапарова. Альбом – результат многолетнего поиска и сбора фотографических материалов по данной теме. Айшат Кучуковна – человек неравнодушный к судьбе исторической Черкесии – своей родине, к ее людям, в том числе к тем, кто составлял лицо нации в его аристократическом формате, оставив заметный след в истории Северного Кавказа. Как отмечает автор-составитель, фотографии попавших в опалу людей хранились их родственниками подчас в самых неожиданных местах, а сколько фотографий безвозвратно утрачено...

Сбор материала А.К. Шапаровой начался с альбомов собственной семьи и близких родственников, а продолжился и значительно расширился благодаря

помощи десятков людей, которые передавали ей семейные реликвии, делали необходимые пояснения к изображенным на фотографиях персонам, уточняли детали их биографий (они изложены в примечаниях). Это определенно свидетельствует о том, что национальная память живет в довольно широком слое современного черкесского общества, включая в него и кабардинское.

Помимо отмеченного, надо сказать, что материалы настоящего альбома представляют значительную историко-культурную, этнографическую ценность. По фотографиям разного времени можно проследить, как менялись вкусы местной элиты в одежде, уточнить особенности ношения тех или иных ее элементов, а также, какие атрибуты сопутствовали комплексам одежды мужчин и женщин.

Другая работа, которая выполнена при деятельном участии А.К. Шапаровой, – это ее совместная с Анатолием Сосланбековичем Дзагаловым монография, посвященная кабардинскому просветителю начала XX в. В.Н. Кудашеву. Имя этого человека значится на обложке широко известной книги «Исторические сведения о кабардинском народе». Рецензируемая монография называется «Эльбаздуко Канаметович (Владимир Николаевич) Кудашев. Неизвестные страницы биографии» (Нальчик, 2010).

Действительно, до последнего времени далеко не все было известно о судьбе, общественно-политических взглядах Кудашева, а равно и об истории создания упомянутого сочинения, увидевшего свет в Киеве в 1913 г. А оно, по свидетельству авторитетных ученых, представляло и представляет немалый интерес для исследователей истории, общественных, поземельных отношений населения Кабарды. Однако значительную часть советского времени имя Кудашева замалчивалось по причине его «буржуазно-просветительских взглядов».

Монография А.С. Дзагалова и А.К. Шапаровой заполняет многие лакуны в вопросах судьбы Кудашева и издания упомянутого сочинения и потому является ценным историографическим исследованием. Значительную часть работы Дзагалова и Шапаровой составляет обстоятельное описание наиболее плодотворного – киевского периода жизнедеятельности, как они выразились «кабардинского мецената», издавшего на свои средства упомянутую книгу. Для этого одним из авторов, А.С. Дзагаловым, было проведено обстоятельное изучение материалов, хранящихся в разных архивах Украины и тем или образом связанных с личной и семейной жизнью Кудашева (что имело непосредственное отношение к обретению им средств для публикации «Исторических сведений о кабардинском народе»), а также с работой по подготовке к изданию этого сочинения. Не будучи профессиональным историком, В.Н. Кудашев обратился за помощью к авторитетному специалисту в этой области – приват-доценту Николаю Прокофьевичу Василенко, а до этого привлек к работе по сбору исторических материалов по Кабарде и ее отношениям с Россией офицера Всеволода Ростиславовича Апухтина.

В результате архивных изысканий А.С. Дзагалова картина создания «Исторических сведений...» предстает далеко неординарным процессом, в котором разным лицам были отведены определенные роли и справлялись они со своими обязанностями неодинаково. В.Р. Апухтину в целом оказалось не под силу собрать необходимое количество документов для полновесной и разносторонней истории кабардинцев (на что обращал внимание Василенко), впрочем, и сделанное Апухтиным позволило подготовить описываемое издание (за что в предисловии к последнему его благодарил Кудашев). Н.П. Василенко намеривался «поставить это (исследовательское. – Ю.К.) дело широко – поехать на Кавказ, поискать там материалы, поработать в Москве и Петербурге», по некоторым причинам данным планам не суждено было сбыться, однако именно профессиональный историк Василенко из предоставленных ему материалов составил текст «Исторических сведений о кабардинском народе». В свою очередь Владимир Николаевич Кудашев, также участвовал в сборе материалов исторического и этнографического

характера непосредственно в Кабарде, но репрезентировал он себя в первую очередь в качестве издателя, а не автора*. Он рассчитывал подготовить и издать на свои средства интересную в историческом и отчасти в политическом плане, красочно оформленную книгу об истории народа, к которому принадлежал, будучи верноподданным Российской империи (в Киеве он состоял членом «Клуба русских националистов»), к юбилейной дате – 300-летию дома Романовых, и преподнести ее государю императору. Этим определялась спешка, с которой проводилась подготовительная работа (впрочем, занявшая три года). Судя по обнаруженным документам, Кудашев имел аудиенцию у Николая II весной 1915 г., когда тот находился в отставке в Киеве.

Авторы книги о Владимире Николаевиче Кудашеве уделили пристальное внимание общественно-политическим взглядам последнего, которые проявились в его членстве в упомянутом «Клубе», в характерных особенностях его эмигрантского периода жизни, когда в частности он принципиально разошелся практически по всем позициям со своим сыном Али (Владимиром Владимировичем) Кудашевым, служившим в германском вермахте.

Изыскания Айшат Кучуковны Шапаровой проливают свет на судьбы членов семьи Владимира Николаевича (Эльбаздука Канаметовича) Кудашева, его потомков, от которых этим автором были получены дополнительные сведения об их предке, немало сделавшем для кристаллизации национальной исторической памяти кабардинцев и являвшем собой оригинальное лицо кабардинской аристократии и интеллигенции в сложный период перехода от одной «эпохи» к другой.

Третья часть рецензируемой книги представляет собой фотокопии документов, связанных с жизнедеятельностью В.Н. Кудашева и членов его семьи, а также их фотографии, и фотографии потомков.

Документы, люди, лица... Восстановленные из казалось бы утраченного, они наполняют собой национальную память, придавая ей выразительные черты, неповторимый облик. В этой связи хочется отметить большую работу, проделанную авторами рецензируемых книг, и в первую очередь Айшат Кучуковны Шапаровой, которая прикладывает большие усилия для пополнения фонда памяти. Памяти в лицах и документах. Можно надеяться, что благодаря поискам и усилиям этих исследователей мы увидим новые издания, содержащие документы и материалы, раскрывающие малоизвестные страницы истории Кабарды, Черкесии.

* По признанию Н.П. Василенко, он не поставил своего имени на изданной книге по той причине, что не придавал ей «научного значения». Здесь он явно недооценил значения «Исторических сведений...», ибо данная работа, безусловно, представляла для своего времени научное значение, на что в начале 1960-х гг. обратил внимание автор солидного исследования по истории изучения Кавказа в русской науке Марк Осипович Косвен. См.: *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. 3 // Кавказский этнографический сборник. М.;Л., 1962. Вып. 3. С. 234.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дзуганов Тимур Аликович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора источниковедения ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-70-75

E-mail: dzughanov@mail.ru

Кешева Зарема Мухамедовна, к.и.н., и.о. зав. сектором истории отдела исторических наук ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8-906-48-49-645

E-mail: kesheva10@gmail.com

Волобуев Олег Владимирович, д.и.н., почетный профессор Московского государственного областного университета.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10^А

Тел. 8-910-475-10-63

E-mail: office@mgou.ru

Маремукова Эллеонора Владимировна, к.ф.н., специалист-эксперт отдела периодической печати, книгоиздания и полиграфии Государственного комитета Кабардино-Балкарской Республики по печати и массовым коммуникациям.

361410, КБР, с. Нартан, ул. Ленина, 116

Тел. 8-909-489-11-45

E-mail: elleonora16@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Берберова Лиана Бурхановна, ассистент кафедры английского языка ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел.: 8-918-722-66-24

E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Абазова Марита Мухамедовна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8-928-079-08-60

E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Хежева Марьяна Рашадовна, аспирант сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, Пушкина, 18
Тел. 8-962-649-09-59
E-mail: kbigi@mail.ru

Малкондуев Хамид Хашимович, д.ф.н., зав. сектором карачаево-балкарского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Хагожеева Лиана Славовна, стажер-исследователь сектора адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8-963-393-26-15
E-mail: kbigi@mail.ru

Мальбахов Каральби Ахмедович, к.и.н., зав. сектором источниковедения ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-34
E-mail: kbigi@mail.ru

Арутюнов Сергей Александрович, д.и.н., член-корреспондент РАН, профессор МГУ, зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. 117321, г. Москва, ул. Островитянова, д. 16, корп. 2, кв. 95
Тел. 8 (495) 338-54-39
E-mail: gusaba@iea.ras.ru

Карпов Юрий Юрьевич, д.и.н., зав. отделом этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 198332, г. Санкт-Петербург, Ленинский пр-т, д. 100, корп.2, кв. 470
Тел. 8 (812) 743-81-72
E-mail: yuriy.karpov@kustkamera.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Dzuganov Timur Alikovich, Candidate of Historical Sciences, senior research fellow of source studies sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-70-75
E-mail: dzuganov@mail.ru

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of Historical Sciences, acting head of history sector of department of historical sciences of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-906-48-49-645
E-mail: kesheva10@gmail.ru

Volobuev Oleg Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, honorary professor of Moscow Regional State University.

10^A Radio Street
Moscow 105005
Ph. 8-910-475-10-63
E-mail: office@mgou.ru

Mareukova Elleonora Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, specialist expert of the sector of periodic publication, book publishing and polygraphy of the State committee of press and mass communication of Kabardino-Balkarian Republic.

116 Lenin Street
Nartan 361410
Ph. 8-909-489-11-45
E-mail: elleonora16@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of Historical Sciences, head of archeology and ethnology department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-09-48
E-mail: kbigi@mail.ru

Berberova Liana Burhanovna, assistant of English chair of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360004
Ph. 8-918-722-66-24
E-mail: berberova.liana@yandex.ru

Abazova Marita Muhamedovna, Candidate of Philological Sciences, senior research fellow of Kabardian-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-928-079-08-60
E-mail: marita.abazova@yandex.ru

Hezheva Mariana Rashadovna, postgraduate of Kabardian-Circassian language sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-962-649-09-59
E-mail: kbigi@mail.ru

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philological sciences, head of Karachay-Balkar folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Hagozheeva Liana Slavovna, research assistant of circassian folklore sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8-963-393-26-15
E-mail: kbigi@mail.ru

Malbahov Karalbi Ahmedovich, Candidate of Historical Sciences, head of source studies sector of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-34
E-mail: kbigi@mail.ru

Arutyunov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of RAS, professor of MSU, head of Caucasus department of ethnology and anthropology of RAS.

16 Ostrovityanov Street, 2 case, 95 app.
Moscow 117321
Ph. 8 (495) 338-54-39
E-mail: gusaba@iea.ras.ru

Karpov Yuriy Yurievich, Doctor of Historical Sciences, head of Caucasus people ethnography department of the Museum of anthropology and ethnography named after Peter the Great (the Kunstkamera) RAS.

100 Lenin Avenue, 2 case, 470 app.
St. Petersburg 198332
Ph. 8 (812) 743-81-72
E-mail: yuriy.karpov@kunstkamera.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований пп. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

1. Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
2. Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители не возвращаются авторам.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 30.10.2014
Усл. печ. л. 9

Формат 70х108 $\frac{1}{16}$
Тираж 500 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 123

Учредитель: ФГБУН Институт гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*